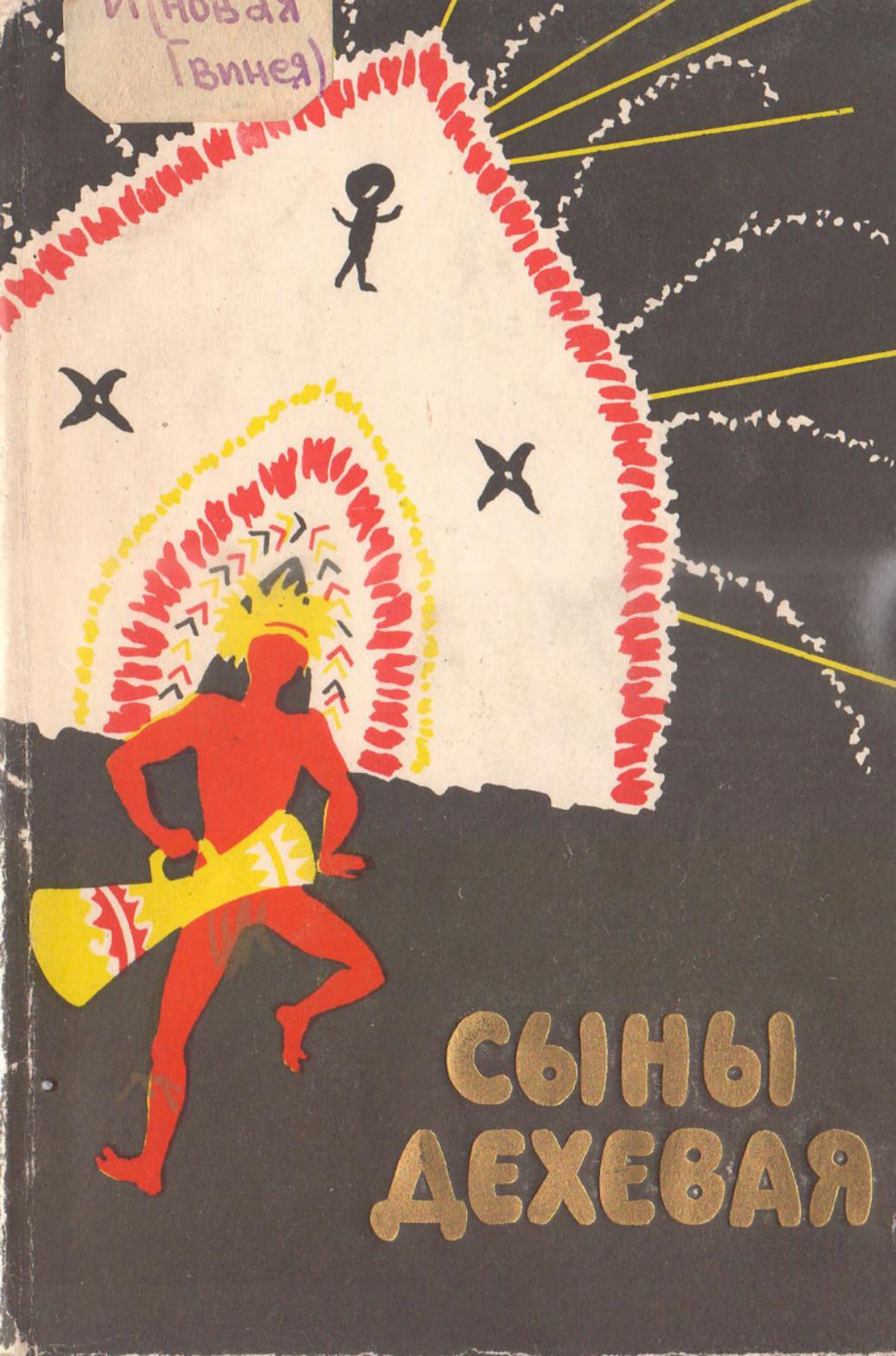

и (Новая
Гвинея)

СЫНЫ ДЕХЕВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЫНЫ ДЕХЕВАЯ

Трѣданія о Демонах
и рассказы охотников
за головами

Собраны проф. Г. НЕВЕРМАНОМ
в этнографической экспедиции
на юг Новой Гвинеи

МОСКВА · 1960

Перевод с немецкого

Г. ПЕРМЯКОВА

Под редакцией и с предисловием

С. А. ТОКАРЕВА

СЫНЫ ДЕХЕВАЯ

Утверждено к печати

Редакционным советом востоковедной
литературы при Отделении исторических наук
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *И. А. Мейер*
Художники *М. Ольвет* и *Л. Васильев*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *А. К. Красная*
Корректор *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор 3/II 1960 г. Подписано к печати 27/VII 1960 г.
А 08319. Формат 70 × 92/32. Печ. л. 10,5. Усл. п. л. 12,28.
Уч.-изд. л. 9,62. Тираж 57 000 экз. Зак. 2202. Цена 6 р. 60 к.
С 1/1 1961 г. цена 66 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Издательство восточной литературы выпускает в переводе на русский язык ряд книг из серии «Das Gesicht der Völker» («Облик народов»), издаваемой в ГДР. Эта серия задумана с целью дать читателю конкретное и яркое представление о духовной и материальной культуре и быте народов разных стран. Каждая книга посвящена какому-нибудь народу и содержит главным образом фольклорные тексты — сказки, предания, мифы и т. д. Они дают понятие о народном творчестве, о религиозных верованиях и обрядах, о материальной культуре данного народа, воссоздавая его духовный облик, специфику его национального характера.

В числе особенно интересных книг серии — предлагаемый сейчас читателю сборник мифов, преданий и рассказов, записанных немецким этнографом профессором Гансом Неверманом в экспедиции на Новой Гвинее, у западнопапуасских племен маринд-аним и их соседей.

Новая Гвинея — огромный остров, второй по величине на земном шаре после Гренландии — и поныне остается наименее исследованной частью

земли. Конечно, с того времени, когда русский путешественник Миклухо-Маклай выбрал целью своих исследований Новую Гвинею вследствие ее полной неизученности, многое изменилось. Многие области острова, особенно прибрежные, теперь хорошо известны европейцам; там есть колониальные поселки, миссионерские станции, плантации, куда колонизаторы вербуют рабочих — папуасов из ближних деревень. Но обширные и малодоступные пространства внутренних областей Новой Гвинеи и по сей час остаются малоизвестными; колонизаторы не осмеливаются туда проникать, боясь воинственных и свободолюбивых папуасов; и даже ученые с трудом попадают в некоторые горные районы острова. В числе этих областей есть такие, население которых до сих пор не видел белого человека.

Наименее изучена западная половина Новой Гвинеи — Западный Ириан, прежде называвшийся Нидерландской Новой Гвинеей. Там даже прибрежные местности обследованы далеко не полностью. Коренное население Западного Ириана в наибольшей степени сохранило свою самобытную культуру.

Изучение быта и культуры папуасских племен Новой Гвинеи составляет одну из интереснейших и многообещающих задач этнографии, оно может дать ключ к решению многих доселе неясных проблем. Через Новую Гвинею, видимо, происходило заселение Австралийского материка в древнейшие времена. Археологические раскопки, изучение языков и культуры современных папуасских племен, возможно, позволят обнаружить следы этого доистори-

ческого движения. Вдоль берегов Новой Гвинеи пло когда-то движение и на восток — к островам Меланезии, а позже — к архипелагам восточной Океании, и отголоски этих переселений тоже заметны — но еще не изучены — в языках и в культуре новогвинейцев.

Кроме этих этногенетических проблем, Новая Гвинея представляет очень большой интерес и в плане изучения истории развития первобытнообщинных отношений: ведь общественный строй папуасских племен донныне сохранил черты первобытнообщинного уклада на более высоком уровне развития, чем это засвидетельствовано у австралийцев, изученных сейчас очень подробно, но на менее высоком уровне, чем у большинства меланезийских племен. По стадии исторического развития, — не учитывая различий между отдельными племенами, — папуасы занимают как бы промежуточное положение между бродячими охотниками Австралии и оседлыми земледельцами Меланезии. И вот эта-то историческая ступень, представленная многими папуасскими племенами, остается до сих пор очень слабо изученной.

Но и уровень развития самих папуасов весьма неодинаков. Одни из племен — особенно в западной части острова — еще недалеко отошли от образа жизни полубродячих охотников-собираателей и знакомы лишь с начатками земледелия. Другие — в восточной части — напротив, имеют развитое земледельческое хозяйство, разводят в большом количестве свиней; у них прослеживаются зачатки имущественного расслоения.

Большое приобретение для исторической и этнографической пауки составили ценнейшие материалы, собранные в последние десятилетия среди одной из самых отсталых и примитивных групп племен Новой Гвинеи — маринд-аним. Они обитают на южном побережье Западного Ириана, но есть основания полагать, что переселились они туда сравнительно недавно из более восточных областей — с побережья залива Папуа. Следы полукочевого быта сохранились у маринд-аним доныне. Их очень подробно описал побывавший в той стране в 1916—1922 гг. швейцарский этнограф Пауль Вирц, опубликовавший свои материалы в капитальной монографии «Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea», Bd 1—2 и в нескольких других книгах. Главное внимание он уделил богатой и причудливой мифологии и обрядам маринд-аним. По следам Вирца в 1933—1934 гг. совершил поездку к маринд-аним и к соседним племенам Г. Неверман. Его записи, дополняющие сведения Вирца, собраны в предлагаемой книге*.

Излагать и оценивать содержание настоящей книги излишне: читатель разберется в нем сам. Но нельзя не остановиться хотя бы коротко на общенаучном значении тех религиозно-мифологических представлений и ритуалов маринд-аним, описание

---

* Перечень других сочинений Невермана, посвященных тем же племенам, см. ниже, на стр. 19—20 наст. изд.

которых составляет видную часть содержания книги.

Надо сказать, что опубликованные Вирцем материалы мифологии маринд-аним не только вызвали самый живой отклик в научной литературе, но в некоторых кругах произвели даже преувеличенное впечатление. Особенно заинтересовали ученых мариндские мифы и поверья о «демах» — тотемических предках. Известный французский философ и этнограф Люсьен Леви-Брюль увидел в этих мифах и поверьях существенное подтверждение своей теории первобытного дологического мышления с его «партиципациями» («сопричастиями») и полным безразличием к логическим законам. Мариндские поверья о демах заняли видное место в очередной книге Леви-Брюля «*La mythologie primitive*» (Paris, 1935). Еще дальше пошел Адольф Йенсен, виднейший из современных западногерманских этнографов, последователь и преемник известного этнограф-африканиста Лео Фробениуса и его теории «культурной морфологии». Йенсен увидел в демах («божествах-демах» — *Dema-Gottheiten*) маринд-аним наиболее яркое проявление того, что кажется ему первоначальной формой религии, — если не всякой вообще, то по крайней мере религии земледельческих народов (как известно, школа Фробениуса пытается разграничить разные типы «культур» и определить свойственный каждому из них стиль мышления). По мнению Йенсена, в «земледельческих» культурах — самых древних, изучение которых вообще доступно, ибо от «охотничьих» культур сохранились-де полуразрушенные и непока-

зательные остатки,— важнейшим и коренным религиозным представлением является представление о деме. Этому мариндскому слову Йенсен придает, следовательно, значение научного термина. В чем же особенность мифического образа демы (или божества-демы)? В том, полагает Йенсен, что в отличие от богов современных религий божество-дема существует и действует лишь в доисторические, первобытные времена. Божества-демы жили на земле раньше людей и все создали, а затем они были убиты (кем? теми же демами) и превратились в людей. С этого времени и начали существовать современные люди, животные, растения. Однако жизненная сила демы каким-то образом продолжает действовать и после его гибели, она проявляется в растениях и т. п. Как бы то ни было, но именно смерть или умерщвление божеств-дем — вот что положило, по Йенсену, начало существующему порядку вещей. Так понимает Йенсен смысл и значение мифов о демах, и именно эту идею считает он одной из древнейших форм верований. Отсюда выводит он и ритуальное умерщвление животных или людей, известное во многих религиях: это есть обрядовое воспроизведение мифа об умерщвлении божеств-дем. Йенсен склонен при этом думать, что первоначально господствовала вера в единое божество-дему, а уже впоследствии этот единый образ расщепился на множество образов*. В этом пункте концепция Йенсена перекликается с теорией «пра-

---

* Ad. Jensen, *Mythos und Kult bei Naturvölkern*, Wiesbaden, 1951, S. 123.

монотеизма» «Венской школы» патера Вильгельма Шмидта, хотя сам Йенсен и пытается отмежеваться от этой школы*.

Конечно, все это весьма натянуто, искусственно выведено из преданий маринд-аним, описанных Вирцем. Записи Вирца сами по себе вовсе не дают повода для таких метафизических спекуляций. Представления маринд-аним о деме гораздо элементарнее и в то же время вовсе не так специфичны: они по существу очень близки к обычным религиозным представлениям о чем-то таинственном, сверхъестественном.

Ведь сам Вирц писал, что словом «дема» маринд-аним обозначают вообще все странное, необычное, непонятное для них, например какой-нибудь камень причудливой формы, животное необычной величины или с какими-то особыми повадками, глубоких стариков и т. д. Но это же слово служит для обозначения мифических образов предков — большей частью зоо-антропоморфного вида. Эти образы играют видную роль в мифологии маринд-аним — она, в сущности, вся заполнена рассказами о демах. Следовательно, представления о деме выступают то в личном, олицетворенном, мифологическом, то в безличном, как бы магическом значении**. Таким образом, ясно, что нет никакой надобности сочинять по этому поводу новую теорию происхождения религии.

---

* Ibid., S. 116—124.

** P. Wirz, *Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea*, Bd. 1.

Но если записанные Вирцем мифологические представления маринд-аним все же послужили поводом для столь различных и своеобразных толкований, даже вызвали появление новых концепций истории религии, то тем более важно привлечение новых материалов, новых записей той же мифологии для проверки данных Вирца, для прояснения вопроса. Вот почему столь значительный научный интерес представляют записи Г. Невермана.

3

Марксисту — историку религии было бы очень важно и интересно систематически сопоставить религиозно-мифологические представления папуасов маринд-аним с аналогичными представлениями центральноавстралийских племен — аранда и др., хорошо описанными в литературе. Между теми и другими много общего: это отмечает и сам Неверман *. И это сходство отнюдь не случайно. По уровню материального производства маринд-аним — одна из самых примитивных племенных групп Новой Гвинеи — очень недалеко ушли от племен Австралии: их полусобирательское-полуземледельческое хозяйство, не совсем оседлый быт создают впечатление той же австралийской бродячей родовой группы, только-только осевшей на землю. И в общественном строе много общего: полное господство общинно-родовой собственности на средства производства, на все виды угодий; родовая организация, правда

---

* См. стр. 142 наст. изд.

более сложная и развитая, чем у австралийцев; возрастно-половое разделение труда, как у них, но на его основе — сравнительно сложная структура «возрастных классов» для мужчин и женщин. Институт возрастных посвячительных обрядов австралийского типа превратился у мариנד-аним в более развитую систему «тайных культов», подробно описанных Вирцем, а отчасти и Неверманом. Во всех этих отношениях общественный уклад и культура мариנד-аним представляют собой как бы один шаг вперед по сравнению с укладом и культурой племен Центральной Австралии. Поэтому не удивительно, что австралийские мифы о тотемических зоо-антропоморфных предках — «алчеринга» у аранда, «вонджина» у унгариньин и др. — находят себе такую близкую аналогию в мариндских тотемических мифах о демах.

Эти мифы сложнее, разнообразнее, сами образы дем более разработаны, чем наивно бесформенные образы и сюжеты австралийских тотемических мифов. Кроме того, мариндские мифы о демах не составляют таких узкородовых преданий, как у австралийцев: в связи с усложнением родоплеменной организации маринд-аним сами мифы сделались как бы общеплеменным достоянием. Все это очень важно для историка религии: если «классическая» система тотемизма и тотемическая мифология так хорошо изучены на австралийском материале, то весьма интересно проследить последующие исторические судьбы того и другого, — и для этого прекрасным материалом служат как раз верования маринд-аним.

Для исследователя сравнительной мифологии и фольклора представляет интерес также возможность сопоставить мифы и предания мариинд-аним с известными у других народов мифологическими, эпическими, сказочными сюжетами. Здесь, очевидно, требует объяснения тот важный факт, что в папуасской марииндской мифологии встречаются известные «мировые» сюжеты сказочного фольклора: сюжет о «чудесной жене» («Змея на луке»), близость которого к фольклору народов Евразии отмечает сам Неверман; сюжет «Орфей в Аиде» («Посещение страны мертвых»), сюжет «человек на луне» («Геб»); сюжет «обманутый ревнивый муж» («Морской орел и девушка») и др.

Немалый интерес представляет и наличие «новых» мифологических рассказов, порожденных явно недавними событиями: появлением голландцев и отчасти индонезийцев. Тот факт, что события недавнего прошлого отразились на мифологии и даже послужили основой новых мифологических сюжетов, свидетельствует о жизненности этой мифологии и в то же время проливает известный свет на общий вопрос о психологии и механизме мифотворчества.

4

В наблюдениях и записях Невермана много цепного и в других отношениях. В частности, чрезвычайно интересно в них то, что касается внутриплеменных и межплеменных взаимоотношений и проливает свет на самую структуру племени. Как из-

вестно, вопрос о племени как форме этнической общности и как типе социальной организации остается в этнографической науке недостаточно ясным. В связи с неизученностью фактического материала самое понятие «племя» употребляется очень неопределенно. Отсюда и не раз ставившиеся вопросы: существует ли «племя» у австралийцев, существует ли оно у островитян Меланезии, Полинезии? Теоретическая разработка этих вопросов должна опираться на фактические данные; и в этом отношении как раз папуасское население Новой Гвинеи дает благодарный материал. Что такое «маринд-аним»: племя или группа племен? Каковы отношения внутри этой группы, между ее подразделениями, чем они отличаются от отношений с соседними «племенами»? Какова роль языковых различий в этих отношениях, роль культурно-бытовых особенностей, роль племенного самосознания? Тексты и материалы, приводимые в настоящей книге, многое здесь проясняют.

Не менее поучительно и другое. Как известно, папуасы Новой Гвинеи уже давно снискали себе зловещую репутацию свирепых людоедов и охотников за головами. Но, как это очень часто бывает, тут многое преувеличено. Серьезные исследователи всегда старались устранить эти преувеличения. Н. Н. Миклухо-Маклай, три года проживший среди папуасов залива Астролябии, пользовавшийся их полным доверием, наблюдавший их повседневную жизнь во всех подробностях, ни разу не был свидетелем каннибальских пиршеств, хотя обычай каннибализма в этих краях был, видимо, известен.

Друзья Маклая, «людоеды», оказались на поверку приветливыми, гостеприимными, доверчивыми людьми. То же самое и с маринд-аним. И каннибализм и особенно охота за головами были в обычаях этих людей, и это давно было известно. И вот оказывается, как сообщает Неверман, маринд-аним — вовсе не какие-то особенно жестокие, свирепые «дикари»; напротив, они добродушны, честны, услужливы, щедры, жизнерадостны, почтительны к старикам *. А как же вяжется с этими качествами обычай охоты за головами, согласно которому не только разрешается, но даже предписывается в известных случаях нападать на ни в чем неповинного иноплеменника и отрезать у него голову? Оказывается, здесь нет ничего удивительного. Во-первых, согласно морали родового строя, иноплеменники стоят вне племенных обычаев и как бы вне закона; они — просто неполноценные люди. На это указывал еще Энгельс: «Все, что было вне племени, было вне закона», — писал он, характеризуя родоплеменной строй ирокезов **. Этика первобытнообщинного строя, по-своему строгая и щепетильная, была, однако, ограниченной, замыкалась в узкие рамки; нормы ее не ограждали иноплеменников. Вторая причина, повлиявшая на развитие обычая охоты за головами, — суеверные, религиозно-магические представления: и это тоже очень хорошо видно из материалов книги Невермана. Согласно религиозно-

---

* См. стр. 25—27 наст. изд.

** Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, Госполитиздат, 1950, стр. 100.

магическим верованиям мариинд-аним и их соседей, умерщвление иноплеменника и захват его черепа, а вместе с тем и его имени необходимы для здоровья новорожденного ребенка и тем самым для процветания общины. Перед нами — пример «обратного влияния» форм общественного сознания — в данном случае религии — на общественное бытие. Религия и здесь обнаруживает свое тлетворное вредное действие на жизнь людей. Но ведь и европейцам незачем особенно чваниться перед папуасами Новой Гвинеи: давно ли в Европе прекратились кровопролития, куда более свирепые и губительные, порожденные чисто религиозными мотивами?! Давно ли просвещенные европейцы перестали резать друг друга из-за различного понимания христианских догматов, давно ли перестали жечь «еретиков» на кострах?!

Кстати, по поводу жестокостей. Неверман сообщает немало случаев ничем не оправданных актов жестокости белых колонизаторов по отношению к папуасам. Сам Неверман не скрывает своей симпатии к папуасам. Он старается понять их психику, отмечает проявления человечности, возвышенных чувств в этих «детях природы» и осуждает варварские действия колониальных хищников. По поводу печальных приключений папуаса Тибула автор не упускает возможности сделать общий важный вывод: «Люди, которых мы считаем грубыми и дикими, так как они иногда отрезают головы себе подобным или едят человеческое мясо, на самом деле способны к глубоким душевным переживаниям»*.

* См. стр. 207 наст. изд.

В своем предисловии Неверман дает весьма высокую оценку моральных качеств папуасов маринд-аним, выражая свое восхищение «их непосредственностью, их чистой, подчас даже назойливой дружбой, их добродушием и горячей любовью к правде»*.

5

Самобытная культура маринд-аним — этого бодрого и жизнерадостного народа — ныне пришла в упадок, и сама численность его сильно сократилась. У нас нет сведений об участии маринд-аним и соседних племен в широком освободительном движении, которое за последние два десятилетия охватило многие области Новой Гвинеи и другие острова Меланезии (движение Палиау на о. Манус, «безумие Ваилала», движения Батави, Томми Кабу и др. в Папуа, движения Памаи, Нимборан и др. в районе оз. Сентани и т. д.). Об этих движениях появились в последние годы хорошие исследования**. У нас нет и точных данных об участии племен маринд-аним и других в движении за воссоединение Западного Ириана с Индонезией, а это движение, насколько известно, приняло за последние годы массовые размеры***. Но надо надеяться, что недалеко

---

* См. стр. 25 наст. изд.

** См. P. Worsley, *The Trumpet shall sound. A study of «Cargo» cults in Melanesia*, London, 1957.

*** См. Н. А. Бутинов, *Западный Ириан*, — «Сов. этнография», 1957, № 4.

то время, когда маринд-аним и другие племена Западного Ириана задумаются над тем вопросом, каким Неверман заканчивает свою книгу: «...каким образом можно поднять над узкими интересами племенной общины оба их (маринд-аним.— С. Т.) основных идеала: оставаться человеком, сохранившим способность стыдиться, и, главное, научиться быть действительным аним-анем, т. е. человеческим человеком»*.

* *
*

Два слова о самом авторе книги. Ганс Неверман, родившийся в 1902 г. в Шверине (Мекленбург), учился в университетах Гамбурга, Мюнхена и Гейдельберга. В 1924—1931 гг. работал ассистентом в Гамбургском музее народоведения, с 1931 г. «кустос» Берлинского музея народоведения. В 1933—1934 гг. совершил экспедицию в Океанию, посетив Западную Новую Гвинею (отсюда — материалы этой книги), Восточную Индонезию, Новую Каледонию, Новые Гебриды. Его перу принадлежат следующие работы: «Masken und Geheimbünde in Melanesien» (1933), «Admiralitäts-Inseln» (1934), «Bei Sumpfmenschen und Kopffägern» (1935), «Die Kopffäger Gesigen» (1936), «Ralik-Ratak» (1938), «Die Indo-Ozeanische Weberei» (1938), «Kultur der Naturvölker» («Handbuch der Kulturgeschichte», hrsg. v. Kindermann, Lief. 68, Erfurt, 1939), «Kulis und Kanaken»

---

* См. стр. 270 наст. изд.

(1942), «Naturvölker und die Humanität» (1947), «Götter der Südsee» (1947). «Der Todeswunsch», Festschrift für Professor Dr. Hans Plischke (1955), а также ряд статей и сборников фольклора народов Юго-Восточной Азии.

С. ТОКАРЕВ

ТУАН АХЭ!

«Туан ахэ!» — такими словами на юге Нидерландской Новой Гвинеи, у мариנד-аним и их соседей, приветствуют белого, которому хотят что-либо сообщить.

Конечно, услышать истории, собранные в данной книге, было не так-то просто, и моему знакомству с ними предшествовала долгая дружба с туземцами. Дело в том, что все эти истории считаются священными и потому старательно скрываются от посторонних. Демоны, о которых там идет речь, играют существенную роль в мышлении мариנד-аним, и далеко не всякий чужеземец удостоивается чести быть посвященным в тайну, окружающую их культ. К тому же каждый маринд-анем (*анем* — единственное число, *аним* — множественное) считает себя тесно связанным по происхождению с тем или иным демоном и совершенно не желает, чтобы чужеземцы вмешивались в эти дела.

В 1933 и 1934 годах, во время экспедиции по поручению Берлинского Этнографического музея, мне удалось завоевать доверие маринд-

аним и соседних с ними племен и принять непосредственное участие в их жизни. Спустя четыре месяца мне были рассказаны первые предания о демонах, а после того как меня усыновило племя канум-иребе и я стал членом рода Гемар, мне было сообщено все, что относится к устным сокровищам этого народа, или по крайней мере то, что еще было живо в его сознании.

В свое время базельский этнограф Пауль Вирц, в 1955 году скончавшийся на севере Новой Гвинеи, уже записал значительное число мифов маринд-аним. Но они во многом отличны от тех, которые довелось слышать мне. Это зависит не только от личности автора, но главным образом от того, что он собирал свой материал у восточных маринд-аним (гавир), тогда как я — у западных — имас (сами себя они называют има) и у приверженцев культа Сосóма на крайнем востоке, к числу которых принадлежат мои канум-иребе. Этим же объясняются и многие различия в написании собственных имен, что отчасти связано с разницей в диалектах (так, например, у Вирца морской демон носит имя *Йорма*, в то время как я слышал: *Йолума*), но может иметь и другие, неясные для меня, причины (к при-

меру, возникновение имени *Оле* для демона-аиста, который обычно называется *Ндик-дема* или *Вонатай*). Отдельные сказания, вроде легенды о покровителе саговой пальмы, впервые появились уже после *Вирца*; но я решил, что их, как и предания соседних племен, все же следует включить в сборник.

Иные сказания отличаются необычайным многословием, особенно в тех местах, где говорится о странствиях демонов. Там подробно перечисляются все деревушки и стойбища, сообщается, где демоны спали, ели и справляли другие дела, совершенно несущественные для развития действия. В таких случаях я допускал некоторые сокращения текста. Характерно, что сами рассказчики относились к этим перечислениям без энтузиазма. Но стоило им снова перейти к изложению действия, как они сразу же оставляли свое многословие, оживлялись, речь их становилась ярче и выразительнее и подкреплялась энергичной жестикуляцией и мимикой.

К собственно сказаниям (*Sagen*) непосредственно примыкают сообщения, записанные мной от коренных жителей Новой Гвинеи, а в редких случаях также от поселившихся там индонезийцев и основанные на подлинных

событиях. По форме эти сообщения довольно разнообразны: среди них имеются и обычные рассказы, и высказывания протокольного типа («Пунтианак»), и торжественные речи («Ум-бери и Тьюл»). Некоторые из них составлены из рассказов разных лиц и в части, касающейся описаний походов, тоже значительно сокращены (например, «Почетный гость» и «Поход на Мабур»). Но и в таком виде эти сообщения способны передать облик людей, которые устояли против всех чуждых влияний и вплоть до наших дней сохранили самобытные черты.

Один из текстов настоящего сборника, а именно миф о Нггивé и Мамусе, заимствован мною у голландского правительственного чиновника и этнографа ван Бааля и представляет собой сокращенное переиздание его записи.

В словах местного происхождения ударение всегда падает на последний слог. Произношение звука «в» несколько приближается к «у» (английское w).

*   *

*

Едва ли найдется другой такой народ, о котором существовали бы столь разноречивые

мнения, как о маринд-аним, крупнейшем племени юга Нидерландской Новой Гвинеи. Их охотничьи походы за человеческими черепами вплоть до отдаленных областей Британской Новой Гвинеи и далеко в глубь голландской части острова создали им дурную славу каннибалов. Первая встреча маринд-аним с голландцами, состоявшаяся в 1899 году, кончилась тем, что они убили и съели трех офицеров королевского флота, которые высадились на берег¹. А какие жуткие сцены ритуальных разгулов и убийств разыгрываются, а тем более разыгрывались ранее, в их тайных культовых союзах — и не передашь словами!

После всего этого можно подумать, что маринд-аним — это какие-то дьяволы. Однако в действительности дело обстоит как раз наоборот. Каждый, кому довелось в течение длительного времени пожить среди них, — до сих пор, к счастью, это были лишь немногие белые, — был восхищен их непосредственностью, их чистой, подчас даже назойливой дружбой, их добродушием и горячей любовью к правде. И если бы не были известны страшные истории об охоте за человеческими головами и ритуальных ужасах, можно было бы утверждать, что нет на свете более добро-

детельного и честного народа, чем маринд-аним.

Обе оценки в равной степени справедливы. Добро и зло прекрасно уживаются друг с другом в сердцах маринд-аним, а так как эти люди весьма эмоциональны, они постоянно колеблются между крайней жестокостью, охватывающей их в пылу боя или при совершении культовых обрядов, и чрезвычайным добродушием — в спокойные минуты жизни. В этих людях есть что-то детское: они, не задумываясь, могут подарить друзьям все, что имеют сами, могут предаваться безудержной радости, а потом снова становятся необыкновенно жестокими, даже не сознавая своей жестокости.

Двойственность характера маринд-аним находит, однако, и другое объяснение. Сами себя они называют *аним-ха*, т. е. настоящими людьми. Это означает, что все остальные люди являются существами второго сорта и вообще не заслуживают звания людей. С ними можно обращаться как угодно, потому что нравственные законы на них не распространяются. Внутри же своего племени полагается вести себя так, чтобы не причинить никому ни малейшего вреда и в меру своих сил помогать каждому.

Идеалом маринд-аним является *аним-анем*, «человечный человек»², помогающий другим людям, и *дур-анем*, «совестливый человек», который стыдится сделать что-либо противоречащее обычаям старины. Они уважают собственность своих соплеменников и считают воровство одним из самых подлых преступлений. С глубоким почтением относятся маринд-аним к старости, внимательно прислушиваются к советам стариков (которые, кстати сказать, заправляют всеми деревенскими делами, сообщая выполняя роль старейшин) и никогда не посмеют упрекнуть их в том, что они уже не могут работать. Для защиты своей общины маринд-аним не жалеют ни собственности, ни самой жизни, и — что редко для дикарей и на Новой Гвинее встречается далеко не везде — испытывают непреодолимое отвращение ко лжи. «Маринд-аним-меен сакод-ке иси мбаке» — «Слово маринд-аним едино и верно».

Обычай не позволяет мужчинам посягать на честь жен и дочерей своих единоплеменников; но иногда страсти вносят в идеал свои поправки, хотя чужестранцу и остается непонятным, чем могли привлечь мужчину эти изможденные работой и рано увядшие создания.

Мужчины, напротив, по-своему красивы. Это та самая красота, которую один голландец удачно назвал «великолепием дикаря» (Wilde-mannglorie). Представьте себе человека высокого и стройного, с телом темно-шоколадного цвета, а по праздникам размалеванного еще красной и черной красками; его грудь и шея богато украшены ожерельями из ракушек, зубов, плодовых косточек и плетеных волокон; у него открытое лицо с широким, но тем не менее резко выступающим вперед носом, через который продет в качестве украшения кабаньей клык или кость, и с яркими цветными полосами на щеках и на лбу; и надо всем этим, как венец, — вплетенные в курчавые волосы лубяные косы (до двухсот пятидесяти штук!) и диадема из черных перьев казуара и желтых блестящих перьев райской птицы. Его наряд дополняют: узкий плетеный пояс, раковина морской улитки³ или кусок кокосовой скорлупы, служащие единственным прикрытием наготы, а также наручные браслеты с воткнутыми в них цветами или листьями, плетеные наколенники и многочисленные легкие серьги из стволов казуаровых перьев в растянутых ушных мочках. Кроме того, при нем имеется небольшая походная сумка с та-

баком или орехами бетеля и тыквенный сосуд с известью для жевания⁴ и, само собой разумеется, непременный большой — выше человеческого роста — бамбуковый лук с запасом стрел.

Так выглядят молодые люди. Но чем они становятся старше, тем проще делается их убранство. Зато больше внимания и труда уделяют они своей прическе, с каждым разом по-иному заплетая косы, служащие у них указателем возрастного класса. А тот, кто дожил до седин, кроме кос, носит лишь одно украшение — нагрудную пластину из перламутра⁵.

Мужчина у маринд-аним — полновластный хозяин всего живого. Со своей женой он может делать все что угодно, так как после свадьбы она становится его собственностью. Он может, если друзья его о том попросят, одолжить или подарить ее, и может даже, если она его разозлит, тут же ее убить⁶. Но, конечно, чаще всего он привыкает к жене или, быть может, еще больше — к ее кухне; во всяком случае, там очень часто встречаются неразлучные пары, а иной раз мужчина оказывается даже под пятой у своей жены.

На долю женщин приходятся все основные работы по дому. Они присматривают за

детьми и готовят пищу — обычно из саговой муки с рыбой или мясом и кокосовым маслом, — пользуясь для этого раскаленными кусками термитника⁷. На женщинах же лежит забота о свиньях — единственных, кроме собак, домашних животных, — уход за посевами, который в основном сводится к прополке, приготовление муки из сердцевины саговой пальмы, а также плетение всевозможных украшений и предметов хозяйственного обихода: опахал для раздувания огня, шнуров для связывания хвороста⁸ и т. п. Некоторые виды рыбной ловли тоже считаются женским занятием. Мужчины же берут на себя расчистку земельных участков, рубку саговых пальм, изготовление лодок, постройку жилищ, ловлю рыбы при помощи лука и стрел, различного рода резьбу и меновую торговлю.

В обязанности мужчин входит также хранение преданий. Для маринд-аним это является крайне важным делом, так как от него зависит процветание общества. Чтобы понять это, необходимо прежде всего познакомиться с общественным укладом маринд-аним. Они делятся на ряд родовых групп, ведущих свое происхождение от тех или иных демонов. В древности этими демонами (о них много

говорится в приведенных ниже мифах) были созданы одно за другим все имеющиеся на свете растения, животные, все явления природы и культурные ценности. Иначе говоря, они сделали мир таким, каков он есть, и благодаря им люди получили возможность жить в этом мире. Однако все, что было когда-то создано демонами, постепенно теряет свою жизненную силу. Поэтому люди должны путем магических действий время от времени воссоздавать мир и культуру, что они и делают, разыгрывая на своих культовых празднествах особые представления, воспроизводящие мифы о демонах. Это воспроизведение должно быть очень точным и добросовестным, ибо малейший пропуск или искажение текста могут привести к тому, что в мире появятся изъяны и неполадки. Таким образом, сказания о демонах выходят далеко за рамки обычных рассказов и имеют магическое значение.

Каждый род отвечает за сохранность мифов о своих предках-демонах, а внутри родов эта ответственность возложена на стариков — самб-аним («могучих людей»), вследствие чего они объединяют в своих руках функции жрецов и старейшин, правда лишь по отношению к своим сородичам. Известно, что тоте-

низм⁹ — так в этнографии называют особенно тесные отношения определенной группы людей со своим мифическим предком, обычно выступающим в образе зверя или растения, — у многих нетронутых цивилизацией народов связан с запретами в употреблении пищи. Отчетливые следы этого обычая обнаруживаются у соседей маринд-аним — йе-нан¹⁰. Сами же маринд-аним не заходят так далеко, однако и у них при принятии молодых людей в культовые союзы (об этих союзах будет еще идти речь) подобного рода запреты все же играют существенную роль.

Мифическое существо — демон по-мариндски называется *дема*. Наше слово «демон» лишь случайно совпадает по звучанию с мариндским, но оно же является и лучшим его переводом, так как демы вряд ли заслуживают названия богов. Они могут принимать любой облик, выступая то в образе человека, то снова в образе зверя или дерева и т. п.¹¹. Существуют они с незапамятных времен. Их можно убить, но они все равно возродятся в ином виде. По твердому убеждению маринд-аним, демоны живут и по сей день, и многие верят, что сами видели их¹². Демонов не столько почитают, сколько боятся, а йе-нан

уверяют даже, что для человека нет ничего более страшного, чем встретиться со своим собственным предком-демоном. Тем не менее это не ослабляет чувства тесной связи со своим мифическим родоначальником, и когда в полнолуние кто-нибудь из тотемной группы Гебхе приветствует в месяце своего прародителя Геба громким и радостным возгласом «Геб ахэ!» или какой-нибудь потомок Водного тотема, выйдя из глубины острова на берег, славит морского демона Йолуму, торжественно восклицая: «Йолума, демон моря, сын бездны, как ты прекрасен!»¹³ — то они делают это не только по обязанности, но и по велению сердца.

Кем был сотворен мир — земля и море — об этом в сказаниях ничего не говорится. Неизвестно также, кто из демонов первым появился на свет. Известно лишь, что растения и животные, звезды и огонь были созданы демонами и что им же обязаны своим возникновением люди.

Одним из самых могущественных демонов считается Дехевай — «Убивающий отец», который положил начало охоте за человеческими головами и установил все связанные с ней обычаи. Одновременно он является и демоном

грозы, так как живет за небесным сводом, а когда проламывает его, чтобы спуститься к людям, то гремит гром. Благодаря всему этому маринд-аним почти всегда чувствуют его близость.

Профессор д-р Г. НЕВЕРМАН

СКАЗАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ЛЮДЕЙ и о СТРАНЕ МЕРТВЫХ

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ

В давние времена в краю Имас¹ демоны справляли большой праздник. В самый разгар пира вдруг хлынул ливень, и демоны спрятались под землю. Только псу-демону удалось отыскать среди всеобщего потопа одно сухое местечко, где он и дождался, пока не сошла вода.

Демоны, сидевшие под землей, решили перебраться из Имаса в Гавир². Им пришлось идти в полной темноте, но пес-демон Нгилуй сверху указывал им дорогу. Чтобы проверить, под ним ли демоны, он то и дело рыл в земле ямы. Для тех, кто был внизу, это отдавалось громом, и по его грохоту они узнавали, куда держать путь. Если же Нгилуй не слышал

шагов, он догадывался, что демоны спят, и тоже ложился отдыхать.

Наконец демоны добрались до Сендара на земле Кондо-мирав. Здесь Нгилуй вырыл особенно глубокую яму, и через нее демоны вышли наружу. Потом яма наполнилась водой. Так у Сендара возникло озеро, которое можно видеть еще и теперь.

По озеру плавали какие-то существа из бамбука, очень похожие на рыб. Демоп-аист хотел было поймать их и съесть, но огонь-демон не позволил ему этого сделать. Он сказал: «Это вовсе не рыбы, а люди, и принадлежат они мне». Единственное, что он разрешил аисту, — вытащить их из воды на берег.

Тем временем другие демоны сложили на берегу большую кучу хвороста. Им было холодно, и, чтобы согреться, они решили развести костер. Демоны не подумали, что лежащие рядом бамбуковые люди могут пострадать от пламени, и зажгли огонь.

От жары бамбук потрескался и лучины разошлись в разные стороны. Так у первых людей появились руки и ноги, а на голове — глаза, уши и ноздри. Но вот раздался особенно громкий треск: «Вааах!»³ Это у первых людей открылись рты, и они обрели дар речи.

Огонь-демон взял бамбуковый нож⁴ и принялся за окончательную отделку людей. Он вырезал им пальцы на руках и ногах. Поначалу демон оставил между пальцами плавательные перепонки, но они ему не понравились. Тогда он их срезал и выбросил. Конечно, ему не следовало так делать, потому что эти обрезки впоследствии превратились в пиявок. Но уж так у него получилось.

Первым человеком, возникшим в Сендаре, был молодой мужчина по имени Ворью. Он же был самым первым, кто отправился в странствие вдоль морского побережья. За ним последовали другие люди. Постепенно они заселили все деревни в Гавире, а потом и в Имасе⁵.

Из земляной ямы в Сендаре вышли только мариנד-аним. Потому они называют себя еще и аним-ха — «истинными людьми». Все остальные племена — канум, йе-нан, куркари и многие другие — появились на свет позднее⁶, когда пес-демон вырыл вторую яму. Самые плохие из них куркари⁷. Трое из этих людей открыли колдовство смерти. И первым, кого они умертвили, был Ворью.

После своей гибели Ворью — теперь уже не человек, а дух — продолжал жить среди лю-

дей. Но люди стали его бояться, а исходивший от него запах тления сделался им противен. Тогда они прогнали Вору, и он ушел дальше, за устье Дигула, где с тех пор живут все души умерших⁸.

Иной вариант мифа о происхождении человека мы находим у близких родичей мариинд-аним, так называемых «людей габгаб» (габгаб-аним), живущих в долине реки Флай, там, где эта река, изгибаясь большой дугой, заходит далеко в глубь нидерландской части острова. По своему языку люди габгаб почти не отличаются от мариинд-аним. Наиболее близки они к мариинд-аним с верховьев Биана, которые образуют особую группу среди самих мариинд-аним.

Область габгаб делится на две части — Вамак и Каумака, Габгаб-аним живут в больших домах, вмещающих несколько семей. Селятся они на островках посреди болот и лагун. В габгабском варианте мифа основная роль в создании людей отведена демону Нггиве⁹.

НГГИВЕ И МАМУС

Однажды Нггиве поднялся вверх по большой реке в местность Вамак. Людей там еще не было, а жил только один демон, по имени Ма-

мус. Нггиве держал при себе собак. Мамус же еще не знал их и ходил в сопровождении древесных медведей¹⁰.

Как-то раз демоны отправились на охоту и дошли до места, где уже были люди. Правда, они выглядели не так, как теперь, и не имели ртов.

Нггиве не стал убивать людей, а спрятал их в траву и под землю. Сверху осталась только одна беременная женщина, и Мамус убил ее. Он разрезал убитую и ее плод на части, зажарил мясо на огне и отдал половину Нггиве. Но тот не пожелал есть и выбросил свою долю.

Потом Нггиве сказал Мамусу: «Придешь ко мне, когда услышишь бой моего барабана. Но не раньше!» — и ушел.

Он выстроил большой дом со многими спальными местами и приказал варану¹¹ рыть землю. Варан начал рыть и вскоре наткнулся на крышу. Разгреб ее — под ней оказались люди. Они сильно перепугались. Но Нггиве сказал: «Не бойтесь, я вас не съем. Выходите наверх!»

Люди выбрались из ямы. Нггиве взял бамбуковый нож, надрезал им те места, где сейчас у людей рот, и сказал: «Теперь вы смо-

жете разговаривать». И тогда люди издали свой первый крик.

Затем Нггиве отвел людей в большой дом, и они спокойно проспали там всю ночь. Утром демон спрятал их за домом и ударил в свой барабан. Мамус сразу услышал зов и явился в дом Нггиве. Увидев множество спальных мест, он спросил удивленно: «Для кого это ты приготовил?» — «Для себя, — отвечал Нггиве. — Я люблю спать то в одном, то в другом месте».

Тут он позвал людей. Все дружно набросились на людоеда Мамуса и убили его, а собаки Нггиве загрызли древесных медведей.

На радостях люди пустились в пляс, а потом Нггиве рассказал им, как надо делиться на брачные группы¹² и как справлять культовые праздники.

После этого он оставил их и ушел в другие края.

О том, как выглядит страна «хаис» (душ умерших), расположенная по ту сторону широкого устья Дигула, куда не отваживается проникать ни один живой человек, мы узнаем из следующего сказания.

ПОСЕЩЕНИЕ СТРАНЫ МЕРТВЫХ

У одного человека умерла жена, и он очень горевал о ней. Целыми днями он думал о том, как бы ему снова свидеться со своей женой; но сколько он ни думал, душа умершей не приходила к нему. Тогда он обратился к колдуну. Тот велел раскопать могилу жены, достать голову покойницы и съесть ее мозг. «Тогда,— сказал колдун,— ты тоже приобретешь свойства духа и сможешь последовать за своей женой».

Человек выполнил все, что ему было сказано. Только вместе с мозгом он съел еще саговую лепешку и потому превратился в духа лишь наполовину, а наполовину остался человеком.

Ночью к нему явилась душа жены и проводила его в страну мертвых, что лежит далеко за устьем Дигула. Обыкновенные живые люди видят там только ил да мангровник и не могут там жить, но новому пришельцу страна очень понравилась. Правда, ничего съедобного там не росло, но мертвецов это ничуть не беспокоило: каждую ночь они по воздуху летали на свои старые огороды в стране людей¹³ и при-

носили оттуда столько еды и пьянящих стеблей вати ¹⁴, сколько им было нужно.

На следующий вечер вокруг новичка собрались все духи умерших, чтобы отпраздновать его приход торжественной пляской. Они забили в большой барабан ¹⁵, который когда-то принес сюда Ворью, первый мертвец, и начали так лихо отплясывать, что у них загремели кости. Около молодых мертвецов, кружившихся в дикой пляске, сидели те, которые умерли старыми. Они были настолько слабы и дряхлы, что им, чтобы не рассыпаться, приходилось опираться о пальмы. Веселье продолжалось всю ночь. Человеку стало не по себе, и он еле дождался конца праздника.

Днем, когда все духи уснули, он попросил жену отвезти его обратно к живым людям. Она обещала, так как сразу поняла, что он не настоящий мертвец. Едва стемнело, она обернулась серой цаплей ¹⁶, посадила мужа себе на спину и с быстротой молнии отвезла его в родную деревню. Здесь она с ним простилась и снова улетела в страну духов.

В деревне видели, как человек возвратился домой на цапле, и догадались, что то была не простая цапля, а дух-оборотень. Человека схватили и, узнав от него, что он еще при

жизни чуть было не превратился в духа, начали его лечить. Для этого взяли крепкую раковину, разбили на части и острым осколком нанесли ему множество мелких ран на лбу, груди и руках, чтобы из него вышла вся дурная кровь, а вместе с ней то, что делало его духом¹⁷. Потом ему дали разные волшебные средства, и он опять целиком стал человеком, и у него пропала всякая охота еще раз пойти к жене в страну мертвых.

А духи умерших, которых он посетил, будучи живым, почувствовали себя обманутыми. Они страшно рассердились и стали кидать в него кости мертвецов, рассыпавшихся от ветхости, но так ни разу и не попали.

Еще и теперь иногда можно видеть падающие с неба кости. Издали кажется, будто падают звезды, но мы знаем, что на самом деле это кости духов из страны мертвых.

В представлении мариинд-аним духи умерших ассоциируются также с чужеземцами, так как все они — будь то голландцы, индонезийцы или китайцы — имеют значительно более светлую кожу, чем коренные жители Новой Гвинеи. Люди со светлой кожей напоминают им привидений, и в глубине острова их и сейчас часто принимают за таковых. Но на побе-

режье, вблизи Мерауке, к ним постепенно привыкли, считают людьми и называют из-за грохота, издаваемого их ружьями, по-аним, т. е. «пиф-паф-люди» или «пиф-пафы». Вот что говорит о них легенда.

ПИФ-ПАФЫ

После того как на земле Кондо-мирав появились первые люди, к деревне Мелиу ночью подплыла большая-пребольшая лодка с чужеземцами¹⁸. Чужеземцы еще не знали огня, но, привлеченные его светом, захотели подойти к берегу. Однако это им не удавалось: был отлив, и лодку все время относило обратно в море. Тогда с нее бросили в воду большой крюк, но веревка оказалась слишком короткой, лодка не нашла опоры и продолжала удаляться от земли.

Чужеземцы громко закричали: «Дайте же нам огня!» — потому что он им очень понравился.

Один демон из жалости кинул им пылающую бамбуковую головешку. Она полетела прямо в лодку, и чужеземцы успели схватить ее зубами, прежде чем их совсем отогнало в море. С тех пор они всегда суют огонь в рот и за-

жигают свой табак, тогда как настоящие люди жуют его.

Позднее чужеземцы засадили огонь в свои палицы, а когда поселились в Эрмасуке¹⁹ и люди напали на них, выпустили его с оглушительным треском «по! по!», приносящим смерть²⁰.

С того времени чужеземцев и стали называть по-аним — «пиф-паф людьми».

Пиф-пафы бледны, как все духи умерших. Вот почему, когда они приплыли к нам из Сулабайи²¹ и попросили кокосовых орехов, люди сказали: «Очень жаль, что мертвецы²² в Сулабайе терпят нужду», — и дали пиф-пафам много разной снеди для мертвых. Теперь они могут даже варить духам еду, потому что достали у нас огонь. Сами же добывать его они так и не научились²³. Правда, у них есть маленькие палочки для разжигания огня, но и те дал им демон из Мелиу.

По-иному объясняют происхождение предприимчивых чужестранцев капауры, живущие в западной части Новой Гвинеи, на небольшом полуострове к югу от залива Мак-Клур. В этническом и культурном отношении это племя не имеет ничего общего с маринд-аним²⁴ и, видимо, испытало индонезийское влияние. Капауры рас-

сказывают²⁵: «У прародителя всех людей было трое сыновей. Каждому из них он дал необходимые для жизни орудия и утварь. Но один из сыновей не захотел работать, улегся под деревом и уснул. Он так долго спал, что стал совсем черным. От него-то и произошли капауры. Двое других сыновей ушли в чужие края, много трудились и в конце концов разбогатели. От них произошли белые и китайцы».

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ и ПРЕДАНИЯ
о ДЕМОНАХ

Итак, мир и люди были созданы. Но и все остальные предметы и явления пугаются в объяснении.

По словам маринд-аним, важнейшим событием древности, когда демоны жили еще в Кондо-мираве, было возникновение огня. Это произошло задолго до появления людей. Упоминание же о жителях Кумбе сделано только ради шутки, на которую они, впрочем, нисколько не обижаются.

ПОЖАР В СЕНДАРЕ

В давние времена демоны жили в Сендаре на земле Кондо-мирав. Один из них, Ваба, так горячо любил свою жену, что от его жарких объятий загорелась хижина. Было как раз время засухи, дул сильный восточный ветер, и пламя быстро распространилось по всему побережью. Деревья и трава выгорели дотла, и на берегу образовалась широкая пустынная полоса, которая существует и по сей день.

Баба и его жена сгорели, а вместе с ними погибли в своих домах и многие другие демоны. Ведь в ту пору об огне ничего не знали и не умели от него защищаться.

Когда звери-демоны впервые увидели огонь, они из любопытства подошли вплотную к нему, чтобы получше его разглядеть. При этом демон-аист Ндик по неосторожности опалил себе ноги и крылья. Оттого у аистов ноги красные, а на крыльях — черные подпалины. Еще больше досталось казуару: от жары у него почернели все перья, а на шее появился красный след от ожога. Ракам тоже не удалось уберечься, и с тех пор, стоит им только попасть в огонь, они сразу же становятся красными.

Во многих местах пожар проложил в лесу длинные просеки в глубь страны. Позднее они наполнились водой и превратились в реки.

Как и зверей-демонов, людей из деревни Кумбе разобрало любопытство, и они наклонились, чтобы рассмотреть пламя. От этого у них на голове сгорели волосы. Вот почему в Кумбе так много плешивых.

«Пожаром в Сендаре» открывается большой цикл легенд, имеющих целью объяснить, почему мир сегодня выглядит так, а не иначе, и откуда взялись те или

иные животные, растения или небесные светила. Мало того, в них делается попытка подогнуть под одну схему вообще все, что встречается в жизни. И хотя некоторые объяснения порой кажутся нам наивными, все же следует признать, что налицо серьезное стремление понять причины явлений.

К числу характерных черт маринд-аним принадлежит любознательность. Каждый молодой человек по достижении совершеннолетия обязан на какое-то время «пойти в сапла» (у восточных маринд: «сапр»), т. е. «поглядеть на мир» в тех пределах, в каких это можно сделать без риска для жизни; некоторые отваживаются даже посетить соседние племена, которые трудно назвать дружественными. Многие юноши связывают эти походы с поисками невесты, так как у маринд-аним женщин меньше, чем мужчин, и здоровую, прилежную девушку — на красоту там обращают значительно меньше внимания — не так-то легко найти. Однако главной целью странствий все же остается «мееи и нангго», т. е. «накопление знаний».

Правда, связи, устанавливаемые маринд-аним между отдельными явлениями, основаны отнюдь не на научных знаниях, и это показывает, насколько еще у этих людей сильны и живучи мифологические представления. Так, по мнению маринд-

аним, бананы, постройки термитов, морская оспа, кокосовые пальмы и месяц тесно связаны между собой, ибо все они играют важную роль в мифе о Гебе. Геб — это дема самой большой и наиболее распространенной тотемной группы, которая имеется и у соседей маринд-аним. Канум-иребе, ябга и жители острова Комолом также считают его своим предком и радостно приветствуют как обитателя луны.

Г Е Б

Когда-то Геб жил в местности Домандэ, в термитнике¹. Каждый день он ходил к берегу моря ловить рыбу. Из-за частого пребывания в воде все его тело покрылось ракушками морской оспы², и он стал чудовищно безобразным. Зато те же ракушки надежно защищали его от термитов.

Геб был так уродлив, что не смог найти себе жены. Поэтому он срезал нижнюю часть бамбука и смастерил из нее вешицу, заменявшую ему женщину³. Приятелю Геба Маху⁴, у которого было две жены, стало жаль беднягу, и он подарил ему одну из своих жен — Пиакор. Но Пиакор не принесла Гебу большой

радости: поначалу она производила на свет одних только рыб или птиц и лишь позднее родила ему двух сыновей и дочь.

Однажды Геб ловил рыбу неподалеку от Бути. Вдруг к берегу подошли девушки; они хотели набрать ракушек. Геб устыдился своего уродства и зарылся глубоко в песок, оставив сверху только нос. Одна из девушек приняла нос за раковину и взялась за него. Гебу стало нечем дышать, и он был вынужден вылезти из песка. Девушки ужасно перепугались и с громким криком бросились бежать.

Мужчины из Бути подумали, что безобразный малый нарочно подстерегал девушек. Они схватили свои палицы⁵ и луки, поспешили к берегу и поймали Геба. Пленника привели в деревню и посадили в отдельную хижину, а чтобы он не сбежал, поставили у дверей охрану. Потом мужчины палками и каменными топорами попытались очистить Геба от морской оспы. От боли он громко кричал. Но содрать с Геба ракушки так и не удалось, только на затылке у него образовалась большая рана.

Ночью из этой раны вырос куст банана. Он рос так быстро, что уже к утру на нем созрели плоды. Мужчины вытащили его из затылка Геба и посадили в землю. С тех пор

этот сорт банана и называется бути⁶ — по месту своего рождения.

Мужчины из Бути все же хотели очистить Геба от ракушек и сделать его своим мальчиком для удовольствия⁷. Геб очень испугался и решил бежать во что бы то ни стало. Ночью он разобрал часть листьев, покрывавших хижину, — выйти через двери было невозможно из-за охраны, — выбрался на крышу, прыгнул на кокосовую пальму и полез по ней вверх. Чем дальше он лез, тем выше вырастала пальма, и наконец ее вершина достигла луны. Геб быстро перескочил с пальмы на луну. В то же мгновение пальма съезжилась и вновь приобрела свои обычные размеры.

Геб был спасен, но ему пришлось навсегда остаться жить на луне. Временами он там хорошо виден, и тогда потомки Геба приветствуют его радостным возгласом «Геб ахэ!»

Пока Геб взбирался вверх по шершавому стволу пальмы, с него сошли все ракушки морской оспы, и он опять превратился в красивого мужчину. Но по старой памяти его иногда все еще называют «Саманити-патур», что значит «Чесоточный юноша».

Жители Сангасе и Алаку⁸ рассказывают эту историю несколько по-иному. Они говорят, что

Геб выбрался из хижины, когда все мужчины из Бути ушли на охоту. На берегу играли мальчики, и демон всем им отрезал головы⁹. Отцы мальчиков снова поймали Геба и решили его убить. Но ни стрелами, ни копьями не могли они пробить покрывающий его слой ракушек. Тогда мужчины попытались утопить демона. Для этого они вырыли глубокую яму, бросили в нее связанного Геба и начали лить туда воду, которую приносили в бамбуковых трубках¹⁰. Но вода быстро впитывалась в землю, и у них опять ничего не получалось.

К утру мужчины отказались от этой напрасной затеи, взяли бамбуковый нож и отрезали Гебу голову. Они хотели сохранить ее как трофей, но голова вырвалась от них, покатилась вдоль берега, докатилась до самого края света, потом поднялась вверх и превратилась в солнце. Теперь она ежедневно странствует по небу от Лондо-мирава до Мули¹¹, а по ночам под землей возвращается обратно. Люди из Окабы¹² говорят, будто солнце и ночью идет небесным путем, но этого просто не видно, потому что по ночам оно не светит.

Миф о лунном демоне Гебе распространен у большинства маринд-аним. И это не случайно, ибо в их системе взглядов

луна занимает весьма важное место, куда более важное, чем солнце. Именно по луне, регулярно меняющей свою форму, а не по солнцу, почти неизменному в тропиках, ведут они счет времени. Считают маринданим только дни и месяцы; понятие о летосчислении находится у них в зачаточном состоянии.

О солнце же в повседневной жизни вспоминают очень редко: ведь оно так однообразно светит! Единственным свойством его считают зной, о котором даже сложен особый миф. Действие этого мифа разворачивается на острове Комолом, лежащем между двумя южными рукавами пролива Принцессы Марианны.

ПЫЛАЮЩИЙ МАЛЬЧИК

Случилось это на острове Комолом. Один мальчик шел вдоль берега на рыбалку и нечаянно свалился в глубокую яму. В яме была такая жара, что мальчик сразу же раскалился докрасна и запылал.

В это время мимо проходили какие-то мужчины. Почувствовав сильный зной, они огляделись по сторонам и обнаружили яму, а в ней — мальчика. Огненно-красный мальчик понравился им, и они захотели вытащить его из ямы и взять с собой в Момбум. Но мальчик

оказался таким горячим, что до него нельзя было дотронуться. Тогда мужчины принесли в бамбуковых трубках воду и вылили ее на красного мальчика. От него повалил густой пар. Пар поднялся высоко в небо и превратился в облака. А мальчик заметно остыл, и мужчины смогли достать его из ямы.

Они привели мальчика в Момбум и надели на него головной убор из перьев райской птицы. Но тут мальчик снова запылал. Мужчины испугались, что от него загорится вся деревня, и прогнали его.

Пылающего мальчика тянуло наверх, к освежающим облакам. Он схватился было за вьющийся ямс¹³, чтобы по нему взобраться на небо, но от жары растение тут же засохло и загорелось. Тогда мальчик вскарабкался на высокое дерево. Оно тоже запылало. Но прежде чем дерево успело сгореть, он уже достиг облаков и очутился на небе. Здесь пылающий мальчик превратился в катанэ — солнце, а то, что мы принимаем за его лучи, — это все те же сверкающие перья райской птицы¹⁴, которыми украсили мальчика жители Момбума.

Вечером, когда становится прохладно, катанэ возвращается в свою теплую яму на Комоломе. Оттуда под землей, по пути, впервые

проложенному демонами, он идет до Кондомирава, а потом еще дальше, за Старый Маро ¹⁵, и там вновь выходит наверх. И от его жара всюду делается тепло и светло. А затем катанэ опять медленно бредет по небу до Комолома.

Там, где катанэ по утрам выходит из-под земли, возвышается белая, как известь, башня. Днем и ночью полыхает на ней яркое пламя, видимое издалека.

Люди, почитающие огонь-демона, утверждают, что это он создал огненную башню: пошел из Кондомирава к Старому Маро и построил ее. Но те, которые знали историю катанэ, усомнились в этом и решили сами отправиться туда и обо всем разузнать. Они долго плыли на своих однодеревках вдоль побережья, выдержали несколько сражений с чужими племенами и наконец увидели вдали остров со сверкающим огнем на башне. Но едва они попытались приблизиться к острову, вода в море сделалась густой, как каша ¹⁶, что готовят себе пиф-пафы из Амбона, и им пришлось повернуть обратно, чтобы не застряли лодки.

Так до сих пор никому и не удалось разгадать тайну огненной башни. Пиф-пафы гово-

рят, правда, будто ее выстроили какие-то ингрис-аним¹⁷. Но разве могут люди сделать что-либо подобное? Конечно же башню построил демон; и от нее катанэ каждый день начинается свой небесный путь.

Под огненной башней ингрис-аним подразумевается маяк на острове Дару. Это один из очень редких случаев, когда явления нашего времени органически включаются в мифологию. Характерно, что ни табак, так полюбившийся маринд-аним, ни новые полезные растения, ни коровы, завезенные в Мерауке голландцами, не нашли в мифологии места. Что же касается утверждения, будто море перед Дару стало густым, как каша, то его не следует понимать буквально. Когда-то маринд-аним ездили в те края вдоль побережья на охоту за головами.

Теперь подобные вылазки сделались весьма затруднительными, и понадобилось объяснение, почему нынче нельзя заходить так далеко. Между прочим, «густое море» — это вообще один из распространенных сказочных мотивов, который благодаря арабам попал также и в европейский фольклор. Этот мотив встречается во многих поэтических произведениях средневековья.

Любопытно, что жители деревень Иунгальнам и Мулинам, расположенных на

юге острова Фредерика-Хендрика, позаимствовали у маринд-аним миф о катанэ и, не задумываясь, повторяют его слово в слово, хотя там и говорится, будто солнце заходит на Комоломе, сразу же за деревней Момбум. Таким образом получается, что место захода солнца лежит восточнее их собственных деревень. Конечно, они прекрасно знают, что это не соответствует действительности; но их робость перед словом мифа и их уважение к маринд-аним настолько велики, что они не осмеливаются в угоду фактам отступить от текста.

К тому же они вообще меньше говорят о солнце, чем о месяце или о звездах, и потому не видят в этом особенно большой беды.

Некоторым созвездиям маринд-аним дали особые названия. Так, одна группа звезд называется у них крабом. В другой они различают нижнюю челюсть крокодила, в третьей — женщину, ловящую рыбу. Но каких-либо историй, связанных со звездами, они не знают, за исключением мифа об утренней и вечерней звездах, а также о Плеядах, возникших по их мнению, из пылающих поленьев, которыми швыряли друг в друга мальчишки-демоны.

В мифе об утренней и вечерней звездах воплощено представление маринд-

аним об идеальной женщине и о ее противоположности. У них ценится женщина прилежная, которая весь день не покладая рук трудится на огороде или разделявает на болоте саговые пальмы (из расколотого ствола такой пальмы киркой выбивают сердцевину, потом тщательно ее промывают, чтобы очистить от древесных осколков, а затем высушивают и получают хорошую саговую муку). Особенно большое значение придается кулинарным способностям женщины. Она должна много и вкусно готовить и в первую очередь обеспечивать семью плотным ужином. Кроме того, от женщины требуется, чтобы она была уживчивой и ласково обходилась с детьми.

Красива она или нет — это не играет большой роли. Маринд-аним говорят, что красота юности быстро отцветает, достоинства же хозяйки дома должны отличаться постоянством.

И все-таки красота тоже привлекает их. Правда, мариндский идеал отличается тенденцией к полноте; во всяком случае для обозначения красивой девушки и девушки дородной применяется одно и то же слово «кабиливаг». Но подобные красавицы чаще предназначаются для культовых обрядов, чем для женитьбы. Прообразом такой девушки служит прекрасная Манди.

УТРЕННЯЯ ЖЕНЩИНА И ВЕЧЕРНЯЯ ЖЕНЩИНА

Манди была очень красивой девушкой, но она совсем не любила работать. Поэтому ни один юноша не хотел взять ее в жены, хотя многие из них были бы не прочь сходить с ней в лес.

В то время как другие девушки и женщины уходили на огороды и сажали там растения, пропалывали посевы или собирали урожай, Манди наряжалась и без дела слонялась по округе.

Поздно вечером все женщины и девушки возвращались домой и, сгрузив вязанки хвороста и съестные припасы, начинали готовить ужин. И только когда приступали к еде, являлась Манди.

Самой прилежной из женщин была Охом. Она не раз звала ленивую Манди пойти вместе со всеми на огороды или в саговую рощу, уговаривала ее сходить за хворостом и научиться готовить еду. Но Манди ничего не желала слушать.

Однажды красавица Манди прогуливалась в окрестностях Имо и случайно забрела в банановую рощу. Устав от долгих блужданий, де-

вушка решила отдохнуть. Она срезала несколько банановых листьев, приготовила себе удобную постель, потом улеглась на ней и уснула.

Мужчины из Имо, проходившие через рошу, наткнулись на спящую Манди и забрали ее с собой, потому что приближался большой культовый праздник, во время которого полагалось убить какую-нибудь красивую девушку.

Перед самым праздником Манди удалось бежать. Рано утром, когда все еще спали, она поднялась на небо и превратилась в красивую звезду: и теперь каждое утро ее можно там видеть.

А прилежная Охом тоже стала звездой. Правда, по утрам у нее нет свободного времени, как у лентяйки Манди: Охом весь день трудится. Но как только стемнеет, она появляется на небе. Первая вечерняя звезда — это и есть Охом. Как все порядочные женщины в деревне, она возвращается домой только вечером.

Вот почему молоденьким девушкам желают, когда они подрастут, больше походить на вечернюю звезду, чем на утреннюю.

Но некоторые люди говорят, будто Манди в конце концов почувствовала себя неловко

перед Охом и там, на небе, принялась добывать саговую муку. И еще говорят: всю ее утварь — корыто для промывания саго, черпак для воды, кирку и колотушку — все это тоже можно разглядеть среди звезд. Свои украшения Манди сбросила, и они превратились в райских птиц. Эти птицы в виде звезд с длинным хвостом из перьев иногда пролетают по небу. Только видно их очень редко.

По словам йе-аним, что живут в верховьях Маро, все звезды — такие же женщины, как Манди и Охом, и все они замужем за месяцем.

В морской стихии маринд-аним видят воплощение демы Йолумы. А так как жители побережья относятся к морю с огромной любовью, то естественно, что они переносят ее и на Йолуму, «Сына бездны», названного так в связи с его происхождением из водных глубин. В своей основной сущности Йолума — грозный демон; и миф о нем — не что иное, как поэтическое выражение мощи бури, которая, все нарастая, несет людям смерть и разрушения и в то же время поражает их своим величием. Вместе с тем миф о Йолуме является попыткой объяснить возникновение культа Имо.

СЫН БЕЗДНЫ

Йолума — Сын бездны. Это она произвела его на свет в одном из болот за деревней Имо¹⁸. Он красивее самого нарядного юноши¹⁹ и сильнее всех людей.

Жители Имо не знали, кто такой Йолума. Они приняли его за чужеземца и не пожелали иметь с ним дело. А когда Йолума знаками дал им понять, что хочет взять в жены девушку из Имо, они стали над ним смеяться и выстрелили в него из лука. Раненный в голову, Сын бездны покинул Имо.

Через некоторое время рана на голове Йолумы загноилась. В глубокой печали побрел он через леса и болота к своему другу Гебу. Тот вырубил из раковины маленький острый ножик и этим ножиком надрезал Йолуме кожу. Гной и дурная кровь вышли, и рана Йолумы быстро зажила. Затем Геб изготовил для своего приятеля очень красивый наряд, такой красивый, какого еще никто и никогда не носил.

От Геба Сын бездны направился к морю и сделался морским демоном. Вот он ударил в свой барабан — и море зашумело, ударил сильнее — послышался гул прибоя. Йолума по-

шел вдоль берега. Ветер трепал его нагрудные украшения. Они раскачивались и блестели, и в лад им вздымались и пенились морские волны.

Придя в Вамал²⁰, Йолума лег отдохнуть, и оттого в бухте у этой деревни море всегда спокойно.

Потом Сын бездны отправился дальше. И чем быстрее шагал он, чем громче бил в барабан, тем сильнее бушевало море. Когда он дошел до Вамби, буря так разыгралась, что валила пальмы и хижины.

Вскоре Йолума достиг мелководья у Имо и принялся жестоко мстить за обиду, что нанесли ему жители этой деревни. Его барабан грохотал, как гром, ожерелья, а с ними и пенные гребни, сверкали под ветром. Йолума в гнев вырывал с корнем деревья, опустошал сады и разрушал дома. Жители Имо, даже не успев проснуться, погибали под развалинами. Потом Йолума обрушил на берег огромный морской вал. И все, что еще оставалось в живых, было смыто соленой водой.

Тогда-то и появились в море первые рыбы. Они возникли из людей деревни Имо.

После расправы над Имо Йолума прошел еще немного вдоль побережья и наконец оста-

повился в устье Биана. Но и поныне гнев его не иссяк, и он ежедневно гонит из моря в реку мощную волну прилива²¹, о чем никогда нельзя забывать при езде на лодках.

Там, где когда-то стояла деревня Имо, ныне — голое место, от нее не осталось и следа. Но в память о мести Йолумы в соседних деревнях — Сангасе, Алаку и Меве — Союз Имо и теперь еще справляет свои праздники. Главная цель Союза — заботиться о том, чтобы кокосовые пальмы были плодоносны и имели крепкие корни; и тогда Йолума, великодушный и могучий Сын бездны, не повалит их снова.

Если вечером море начинает волноваться и окрашивается в красный цвет, значит Йолума и другие демоны отправились на какую-то битву и предстоит большое кровопролитие.

С данным мифом о Йолуме связаны еще два сказания, которые также имеют отношение к морю и особенно почитаются родственниками водного тотема. То, что одно из них, повествующее об острове и морском орле, сродни мифу о Йолуме, ясно и так. Другое же сказание, о шагающем дереве, стоит в связи с этим мифом хотя бы потому, что там тоже говорится о происхождении морских рыб. Кроме того,

в нем также идет речь об опасности, навдвигающейся на деревню. По всей вероятности, этот мотив связан с представлениями о странствиях морского демона вдоль побережья. Правда, странствия Йолумы обычно протекают более бурно.

ШАГАЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Однажды на берегу близ Онгари играл маленький мальчик. Вдруг он увидел, что к деревне медленно движется огромное дерево. Оно выглядело очень грозно. Мальчик испугался и с криком бросился в деревню.

Собрались мужчины. Они посоветовались и решили срубить дерево прежде, чем оно дойдет до Онгари и раздавит дома, убьет людей, свиней и собак. На помощь позвали мужчин из соседних деревень и все вместе, взяв каменные топоры, пошли рубить корни дерева.

Мужчины трудились изо всех сил два дня и еще один день²². За это время дерево подошло почти к самой деревне. Наконец могучий ствол покачнулся и со страшным шумом повалился на землю.

Пока дерево раскачивалось туда и сюда, с него осыпались плоды. Те, что упали в море,

стали первыми морскими рыбами. А те, что попали в реку, превратились в первых речных рыб.

Так была спасена деревня Онгари и так возникли рыбы. Если бы маленький мальчик вовремя не заметил шагающего дерева, не было бы сейчас красавицы Онгари и никто не мог бы ловить и есть рыбу.

МОРСКОЙ ОРЕЛ И ДЕВУШКА

В давние времена морской орел Кидуб жил на высоком дереве близ устья Биана. В ту пору неподалеку от побережья лежал небольшой островок. Назывался он Волинау и был похож на нынешний остров Хабе. Сейчас на том месте остались только подводные камни, но когда-то там находилась деревня.

Однажды морской орел залетел на Волинау и увидел очень красивую девушку. Она уже достигла возраста иваг²³, и потому Кидуб решил взять ее себе в жены.

Жители Волинау были против этой женитьбы и спрятали все лодки, чтобы девушка не могла перебраться на большую землю. Но так как прекрасный юноша-орел сам полю-

бился девушке, то она посоветовала ему перенести ее к себе на дерево по воздуху.

Первое время молодые сильно любили друг друга. Кидуб ежедневно приносил своей подруге самых вкусных рыб, а когда шел дождь, простирал над ней крылья, чтоб она не намочла.

Но постепенно молодой женщине наскучила жизнь на дереве, а на землю орел из-за ревности никогда ее не спускал. Сама же она по высокому и гладкому стволу не могла сойти вниз. И тогда она решила тайком сбежать от своего мужа. Она долго думала, как бы это сделать, и наконец придумала.

Она сказала морскому орлу, будто уже пришло время плести корзинку-люльку, в какой молодая мать носит на груди младенца.

Доверчивый Кидуб очень обрадовался такому известию: ему хотелось иметь побольше детей. Он тут же полетел и принес жене превосходные волокна, чтобы она могла приступить к работе.

Но жене они явно не понравились. «Для ребенка морского орла, — сказала она, — могут подойти только волокна из листьев уговой пальмы²⁴». Кидуб исполнил и это ее желание. Тогда жена для виду начала плести кор-

зинку. Вдруг она отбросила работу в сторону и говорит: «Эти уговые волокна никуда не годятся. Мне нужны те, что растут на земле бурик-аним²⁵. Слетай, принеси их, да побольше!»

И снова морской орел поверил жене и отправился в путь. А бурик-аним живут очень далеко, еще дальше, чем канум и мани²⁶, и значит, Кидуб должен был нескоро вернуться домой.

Когда орел улетел, жена распустила начатую корзинку и из всех волокон сплела длинный — до самой земли — и крепкий шнур. По нему она спустилась на землю и побежала к берегу. К счастью, там оказалась лодка с Волинау. Женщина села в нее и стала поспешно грести к родному острову. Жители Волинау с радостью встретили беглянку.

Тем временем к своему дереву из страны бурик-аним возвратился морской орел, нагруженный листьями уговой пальмы. Он сразу понял обман, а по шнуру и следам, ведущим к берегу, догадался, куда бежала жена. Не помня себя от гнева, Кидуб ринулся к острову.

Люди слышали шум его крыльев и в страхе спрятались под корни деревьев. Вместе со всеми забралась туда и жена Кидуба.

В ярости морской орел налетел на Волинау. От удара его мощных крыльев с треском ломались хижины, и вскоре на месте деревни осталась только груда развалин.

Тут из своей щели вылез один выживший из ума старик мес-меаким²⁷. Он подумал, что морской орел уже улетел, и хотел немного прибраться среди развалин. В закутке, где хранились кокосовые орехи, он нашел метлу и с силой вымел ею кучу обломков. При этом старик случайно угодил метлой прямо в клюв Кидуба. От неожиданности морской орел страшно испугался и улетел. Испуг был так велик, что Кидуб даже ни разу не оглянулся и опомнился лишь на той стороне Мули. Он и теперь еще сидит там на большом камне²⁸. Волинау же отстроилась снова, и бывшая жена морского орла еще долго жила в ней.

Так рассказывают эту историю женщинам и детям, а также другим людям, не посвященным в тайны культа Майо. Посвященным же известно другое. Они знают, что морской орел разрушил весь остров; он разыскал всех жителей, в том числе и свою неверную жену, и растерзал их на части. Потом он полетел к Мули. И в тех местах, куда с его окровавленных лап капала кровь,— на равнине Паюми,

между Вамби и Велаб, и у болотных людей ²⁹ по ту сторону Мули,— еще теперь находят алую земляную краску. Это не простая краска, а запекающаяся кровь жителей Волинау.

Некоторые говорят, будто морского орла звали Бау. Но посвященным известно, что это был не кто иной, как морской демон Йолума, принявший облик морского орла.

Вполне возможно, что Волинау когда-то действительно был островом. Со временем, однако, море размыло его, и на том месте осталось лишь несколько подводных рифов. В наши дни вблизи побережья существует только один маленький остров — Хабе. Цепочка рифов, протянувшаяся от него, позволяет думать, что в прошлом Хабе был связан с материком. Остров никем не заселен, по раз в году его посещают жители деревни Вамби, которые собирают там яйца черепах. Это право жителей Вамби на остров также находит свое обоснование в мифе.

ОСТРОВ ХАБЕ

Когда появился огонь и пожар распространился по всему побережью, могучий демон Деви попытался его потушить. Он ударил по горячей земле своей палицей; но пламя от

этого не погасло, только от берега отскочили большие куски суши и превратились в острова. В стране бурик-аним и по сей день существует несколько таких островов. А один из них, остров Хабе, лежит сейчас против деревни Велаб.

Когда-то Хабе был частью суши у устья старой реки Маро. Но после того как Деви отколол его от берега, Хабе не остался на месте, а поплыл. Он миновал Кондо-мирав и Бути и доплыл до деревни Бирок. Здесь он вдруг за что-то зацепился и стал. Оказалось, его схватил демон-ротан.

Другие демоны попробовали было освободить остров, но шипы ротана так крепко впились в Хабе, что демоны никак не могли сдвинуть его с места. Они даже поколотили ротана палицами, но и это не помогло. И лишь после того как позвали колдунов с реки Булаки и те произнесли свои заклинания, демон-ротан отпустил Хабе и остров поплыл дальше.

Хабе передвигался очень медленно, и жители побережья часто ездили на него собирать черепашьи яйца и охотиться на морских птиц.

Как-то раз на плавучий остров высадился один мужчина из Вамби со своей женой и до-

черью по имени Упикак. Это случилось, когда Хабе проплывал мимо их деревни. Упикак сразу же полезла на пальму за птичьими яйцами. В это время подул сильный ветер. Люди испугались, что может начаться буря и они не успеют возвратиться домой. Недолго думая, они бросились в лодку и поспешили в Вамби. И верно: едва лишь они добрались до деревни, как разразилась буря.

А Упикак осталась на пальме. Чтобы не упасть, она изо всех сил уцепилась за ствол и вместе с ним раскачивалась под порывами ветра. Девушка громко кричала и звала родителей, но из-за бури никто не слышал ее голоса.

Упикак прижалась к пальмовому стволу, как варан, и постепенно приобрела облик этого животного. Так возник первый варан; а оттого что Упикак в то время охотилась за птичьими гнездами, вараны поныне преследуют птиц и крадут у них яйца.

Между тем остров Хабе проплыл Вамби и приблизился к деревне Велаб. Упикак испугалась, что никогда не сможет вернуться в родные места, и решила между островом и землей соорудить плотину. Она взяла куски красного железняка и стала бросать их в воду.

Это увидал демон огня Арамемб, который как раз находился в Велабе. Арамемб захотел помочь девушке-варану и тоже принялся строить плотину. Она начиналась у деревни Велаб и шла навстречу той, что сооружала Упикак. А так как под руками у Арамемба не было ничего подходящего, а медлить было нельзя, он пустил в дело крупные клубни ямса.

Как только обе плотины сомкнулись, Упикак быстро перебежала к Арамембу. Она вышла за своего спасителя замуж, и они оба стали родителями кенгуру.

Плотина же вскоре разрушилась: ямс смыло водой, и даже красные камни от частых бурь и прибоя сильно измельчали, и их сделалось меньше. Но и теперь еще между Хабе и деревней Велаб находят ее остатки. Они-то и удерживают остров.

В представлении маринд-аним другие рифы также связаны с действиями демонов. Так, неподалеку от Домандэ есть место Белевил, возле которого находится риф. Место с таким же названием имеется и у деревни Вамал. Говорят, будто здесь женщину-демона по имени Белевил во время родов неожиданно застал прилив и она превратилась в камень. И хотя кости Белевил давно уже стали рифами, сама

она все еще жива и иногда топит людей, которые ловят рыбу.

Многие участки берега покрыты наносами морской глины серо-синего цвета. Наибольшую протяженность такие участки имеют к востоку от реки Маро, а также между Бангу и Вамби. Глинистые наносы, которые населены тысячами крабов, зачастую делают местность почти непроходимой для человека. Мало-помалу эти участки зарастают мангровыми деревьями с их многочисленными воздушными корнями-подпорками и тем самым успешно противостоят размыву. В результате в подобных местах море постепенно отступает, в то время как в других — медленно надвигается на сушу. Правда, людям нет от этого никакой пользы: там, где растут мангровы, им все равно нечего делать. В мангровнике могут жить только птицы и морские животные.

Среди обитающих здесь существ самым необыкновенным является «грязевой прыгун»³⁰ — рыба, которая может подолгу обходиться без воды и любит сидеть на корнях мангровов. В случае опасности грязевой прыгун бросается в грязь и ловкими прыжками прямо по ней быстро пробирается к спасительной воде. О такой рыбе-прыгуне и говорится в приведенном ниже сказании, изображающем охоту демона Вали за человеческими головами.

МОРСКАЯ ГЛИНА

Однажды демон Вали отправился на охоту за головами, но ни в Макалине, ни в Кумбе ему не удалось никого убить. Тогда он рассердился и поплыл в Бангу. Перед самой деревней демон спрятал свою лодку и пошел пешком. В Бангу почти все крепко спали; и только один молодой мужчина услышал шаги разъяренного Вали. Мужчина немедленно разбудил свою жену и маленького сына и вместе с ним вскарабкался на высокое дерево.

Они успели как раз вовремя: Вали тут же ворвался в деревню, перебил всех людей и завалил все дома толстым слоем серой морской глины. Сверху остались торчать лишь макушки деревьев.

Из всех жителей Бангу только три человека избежали смерти.

Когда демон ушел, мальчик и говорит: «Я хочу сойти вниз посмотреть, что это там такое серое?» А глина была еще совсем вязкой, и едва он ступил на нее, как сразу же провалился и стал тонуть. Чтобы спастись, мальчик превратился в рыбу-прыгуна и большими прыжками поскакал к воде.

Все это видела его мать. Она быстро нало-мала веток, сплела из них вершу, какой обычно ловят рыбу в мелких местах, и бросилась вдогонку за сыном. И, конечно, тоже увязла в глине. Пока мать барахталась в серой жиже, корзина ее превратилась в корни мангрового дерева, а сама она — в его ствол и крону.

Мужчина ничем не мог помочь своим близким и решил не сходить с дерева, пока глина не затвердеет. Потом он спустился вниз и ушел в глубь страны, подальше от Вали и его серой глины.

А возле Бангу в глине еще и теперь часто находят большие белые раковины. Это кости людей, которых убил Вали.

Охота за человеческими головами, которая на первый взгляд кажется нам какой-то особенной жестокостью демона, для маринд-аним выглядит совершенно нормальным делом, представляющим интерес для всей их общины. Ведь среди них есть не только взрослые люди, но и дети, которым недостает жизненной силы. Особенно нуждаются в ней младенцы, не умеющие еще самостоятельно ходить, есть и говорить. А чтобы достать им необходимую жизненную силу, нужно раздобыть череп взрослого человека, ибо только в нем дости-

гает она своего полного развития. Однако при этом ни в коем случае нельзя убивать кого-либо из своих соплеменников или их друзей. Все прочее не имеет существенно-го значения: была ли жертва охоты за черепом мужчиной или женщиной, убита ли она в открытом бою или из засады — безразлично. Важно лишь, чтобы вместе с головой было добыто и имя жертвы, которому также приписывается магическая сила. Имя это потом присваивается ребенку³¹.

Крупнейшим среди демонов охотником за человеческими головами считается демон Дивахиб, который является также большим специалистом по убою свиней и вообще великим мастером смерти.

ДИВАХИБ И МОЛНИИ

В стране людей канум жил демон по имени Дивахиб. Некоторые говорят, у него было еще одно имя — Дехевай, что значит «Убивающий отец», и будто от этого демона пошло все воинственное и жестокое.

Днем Дивахиб был человеком и вместе с другими людьми жил в деревне Сангар. По ночам же он превращался в свинью, тайком бегал на саговое болото и пожирал там заготов-

ленную людьми сердцевину саговых пальм. Но люди не догадывались, что их обворовывал Дивахиб, так как он еще затемно возвращался в Сангар и снова принимал вид человека.

Ущерб от ночных краж был очень велик, и люди решили поймать вора. Они вырыли перед болотом глубокую яму-ловушку. На дне ямы укрепили острые бамбуковые колья, а сверху прикрыли ее ветвями. На следующее утро в яме нашли свиное тело Дивахиба. Ночью он в образе свиньи упал на колья и умер. Но душа³² демона осталась жива. Она вновь обрела человеческий облик, и Дивахиб как ни в чем не бывало возвратился в деревню.

В те времена еще не знали свиней и найденная в яме туша была всем в новинку. Но жители Сангара сразу поняли, что свинья будет хороша для еды. Они зажарили тело Дивахиба и устроили большой пир. На него пригласили и самого демона в образе человека. Все с удовольствием ели вкусное мясо, и только Дивахиб не попробовал ни кусочка: не мог же он есть самого себя! После пира Дивахиб собрал все свиные кости, отнес их за деревню, старательно уложил и прикрыл травой. Через некоторое время трава приподнялась и из-под нее

выскочили кабан и свинья. Хрюкая и визжа, они кинулись в Сангар.

Когда люди увидели двух свирепых животных, они очень перепугались. Мужчины закричали «кха-кха», а женщины — «вии-вии». Этого им не следовало делать, потому что, закричав, как свиньи, они сами тут же превратились в свиней, а их дома — в густой лес.

Потом Дивахиб предложил своим друзьям сходить с ним в этот лес на охоту. Он показал им, как делать лук, стрелы и другое охотничье снаряжение — копьё и копьёметалку³³, а также рассошку³⁴ для ловли свиней.

Один мужчина сказал, что хочет убить большого кабана, того самого, который произошел из костей Дивахиба. Но вдруг этот кабан сам набросился на мужчину и клыками распорол ему живот. Мужчина истек кровью. Из его крови вырос первый куст бетеля³⁵. Оттого, когда жуют бетель, слюна становится красной, как кровь.

А кабан убежал к Вамби. Позднее другие люди убили его там, а из его хвоста сделали нагрудное украшение, какие с тех пор гордо носят все охотники за свиньями³⁶.

На охоте в Сангаре Дивахиб поймал двух поросят и отдал их на воспитание двум девуш-

кам³⁷. Эти поросята стали первыми домашними свиньями. Одной из них был кабан. Ночью он оборачивался юношей и учинял насилие над своей кормилицей. Мать девушек попросила Дивахиба отомстить за нее насильнику. Демон согласился и обещал убить кабана.

Как заменяющий мать, он надел длинный женский передник, какие носят жены людей канум, и целую ночь плясал перед мужчинами и женщинами. Утром девушка привела к нему кабана, и Дивахиб ударом палицы проломил ему череп. С тех пор мужчины, перед тем как накануне свиного праздника убить кабана, всегда надевают женские передники. Некоторые говорят, будто этим хотят обмануть свинных демонов, чтобы они приняли убийцу за женщину и не преследовали мужчин. Но Дивахиб никого не боялся и надел передник просто потому, что заменял мать.

Когда кабана начали резать на части, из него хлынула мощная — до самого неба — струя крови. Так появилась радуга.

Убийство доставляет Дивахибу радость. И он убивает не только одних свиней. Он первым пошел к Дигулу и отрезал головы людям³⁸. Он первый придумал, как снимать с го-

ловы кожу, коптить ее, а потом снова натягивать на очищенный череп и приносить в мужской дом прекрасные боевые трофеи³⁹. И он же научил своих товарищей по охоте за головами, и прежде всего пса-демона Маху, запоминать имена убитых, чтобы давать их потом своим детям.

Таким способом Дивахиб убил многих людей и демонов. Но одна из убитых им женщин решила отомстить. И когда на рыбалке к ней, уже ставшей духом, подошел Дивахиб и попросил несколько рыб, только что выловленных ею, она презрительно швырнула ему пару самых плохих.

Обозленный Дивахиб ночью поджег ее хижину. Женщина-дух еще успела спастись, но ее дитя сгорело. Тогда она собрала кости ребенка, сложила их в корзину, потом незаметно подкралась к Дивахибу и повесила эту корзину ему на шею. А сама тут же обернулась собакой и быстро скрылась из виду.

Дивахиб очень удивился и открыл корзину. Кости, лежавшие там, превратились в мальчиков, и ему волей-неволей пришлось стать их приемным отцом.

Когда Дивахиб пришел к верховью реки Булаки, он повесил корзину на высокое де-

рево. В то же мгновение в корзине что-то зашипело и оттуда с грохотом выскочили огненные стрелы, а дерево повалилось на землю. Мальчики, возникшие из костей сгоревшего ребенка, превратились в молнии.

На шум прибежал пес-демон Маху. По его совету Дивахиб сделал из упавшего ствола лодку-однодеревку. Псу-демону тоже захотелось иметь такую. Он повесил корзину на другое дерево, и оно также рухнуло под ударами молний. Люди говорят, что обе эти лодки были самыми первыми на свете.

Затем друзья-демоны взяли корзину с молниями, сели в свои лодки и снова отправились на охоту за головами. И всюду, где бы демоны ни появлялись, они добывали много трофеев.

Однажды во время охоты мальчики-молнии так увлеклись, что вообще не пожелали прекращать стрельбу. Дивахиб рассердился. Он попытался было сам схватить их и упрятать в корзину, но молнии выскользнули у него из рук и единым мощным пучком поднялись на небо.

Дивахиб очень горевал, что мальчики покинули его: отныне ему опять надо будет вырезать обычные стрелы из тростника, вместо того

чтобы пускать молнии. Печальный, пошел он на болото к верховью реки Кумбе, да так там и остался. И когда люди приходят туда за тростником для стрел, они часто слышат, как он стонет и жалуется.

Однако Дивахиб не всегда бывает только жестоким убийцей. Это видно из другого мифа, посвященного ему же.

Имбасум, о котором там идет речь, представляет собой топорovidную копье-металку с каменным крючком, выточенным из лопасти топора. Чтобы понять, как высоко ценятся у маринд-аним подобные орудия, следует принять во внимание, что в их стране вообще не встречается камней и что куски камня для топоров наряду с головами приносят из края дигульцев в качестве особо ценных трофеев, независимо от того, обработаны они или нет.

ОРУЖИЕ ГРОЗОВОГО ДЕМОНА

Отец молний Дивахиб живет за небесным сводом, и, чтобы спуститься на землю, демону всякий раз приходится проламывать его. При этом раздается громкий гул, и тогда люди говорят, что гремит гром.

В глубине души Дивахиб вовсе не так уж зол, а иной раз бывает и совсем добрым.

Однажды Дивахиб сошел на землю. Как всегда в таких случаях, сильно гремел гром и сверкали молнии. По земле бегал мужчина и искал укрытия от дождя. Вдруг он увидел впереди себя небольшой шалаш. В шалаше у огня сидел какой-то древний старик. Он приветливо пригласил мужчину сесть рядом и даже угостил его мясом и орехом бетеля. Оба приятно провели время в беседе, а когда утихла гроза и дождь прекратился, старик на прощание подарил мужчине имбасум — чудесное оружие, какого в те времена не было еще ни у кого из людей.

Конечно, этот старик был не кто иной, как сам Дивахиб, и он не пожалел отдать человеку свое лучшее оружие.

Но сыновья Дивахиба, молнии, остались очень недовольны его поступком. Они заявили, что имбасум им совершенно необходим для охоты на кенгуру, и всячески бранили отца за его доброту. Но Дивахиб сказал: «Что подарено, то подарено, и потребовать имбасум обратно я уже не могу».

Рассерженные сыновья Дивахиба сами спустились на землю и разыскали там нового вла-

дельца имбасума. Он как раз возвращался с охоты с богатой добычей.

Увидев возле себя молнии, мужчина страшно перепугался и попытался спастись от них бегством. Но они были более проворны, чем он, и тут же догнали его снова. Чтобы легче было бежать, мужчина бросил всю свою охотничью добычу, но молнии все равно не отставали от него ни на шаг. Тогда он выбросил свою походную сумку, потом лук и стрелы и наконец копье. И только имбасум он по-прежнему крепко держал в руках и со всех ног бежал к деревне. Но и это не помогло. Молнии, угрожая, оценили мужчину огненным кольцом, и ему, скрепя сердце, пришлось бросить драгоценный подарок старого Дивахиба.

Молнии стремглав кинулись к отцовскому оружию и, схватив его, поднялись на небо.

Сразу же вокруг стало тихо. Облегченно вздохнув, мужчина неторопливо собрал все свои брошенные ранее вещи и целым и невредимым, однако уже без имбасума, возвратился к себе в деревню.

Там он рассказал о всех своих приключениях. Люди очень сокрушались, что пропало такое прекрасное оружие. Но, оказывается, мужчина, получив у Дивахиба имбасум, успел

хорошо разглядеть его, и потому теперь, правда лишь после долгого и кропотливого труда, ему удалось сделать точно такой же. С тех пор люди знают это оружие и с успехом применяют его на охоте. А так как оно пошло от самого демона грозы, то им пользуются также и в тайном культе Имо.

О копье и копьёметалке, правда, простой, говорится и в одном из сказаний о демоне огня Арамембе. От этого демона ведут свое происхождение кенгуру, и потому он считается родоначальником Кенгурового тотема.

КОПЬЕ АРАМЕМБА

Между землями маринд-аним и людей яб, с одной стороны, и землей болотных людей — с другой, лежит широкий водный проток Мули. Выглядит он как река, но вода в нем соленая. Принадлежит он Сыну бездны Йолуме.

В Мули живет друг Йолумы — Мули-дема. Он женился на девушке из Авехимы⁴⁰, и та родила ему прекрасного сына, которого отец назвал Арамембом.

Когда Арамемб был еще подростком, он попросил своего родителя подарить ему оружие,

чтобы тоже ходить на охоту. И тогда Мулидема дал ему копьё и копьёметалку.

Арамемб очень обрадовался, но он не знал толком, на кого ему охотиться с таким большим оружием, потому что в те времена из всей дичи были известны одни лишь птицы. Диких свиней, казуаров и кенгуру тогда еще не водилось. Не было в ту пору и собак, и вместо них охотников сопровождали крысы.

Арамемб пришел со своим копьём в страну людей яб⁴¹. Там встретился ему великан, по имени Мингуй, который преследовал и убивал людей. Арамемб подумал, что Мингуй вполне подходящая цель для его копьёя, и при помощи копьёметалки изо всех сил метнул его в великана. Пронзенный насквозь, Мингуй замертво повалился на землю.

Арамемб разрезал тело великана на части, приготовил мясо и, так как сильно проголодался, всего его съел, оставив одни кости. Затем он прикрыл кости травой и лег спать.

На следующее утро под травой что-то зашуршало. Арамемб разгреб ее и увидел, что все до одной кости Мингуя превратились в маленьких кенгуру, ползавших по земле. Кенгуру еще не умели прыгать, и только после того как Арамемб стегнул их черенком паль-

мового листа, они подскочили и научились передвигаться прыжками, как делают это теперь.

Вскоре кенгуру подросли и так расплодились, что Арамемб решил истребить часть из них, пока они не сожрали все растения. И тогда он начал на них охотиться.

Однажды во время охоты на кенгуру Арамемб с такой силой метнул свое копьё, что оно вошло глубоко в землю и никак не вынималось обратно. Копьё пустило корни и превратилось в огромное дерево, что растёт возле Кумбиса ⁴² на берегу Мули. Чтобы все же не упустить добычи, Арамемб в гневе швырнул в нее свою копьёметалку. Но и копьёметалка тоже воткнулась в землю, пустила корни и превратилась в куст бамбука.

Все это видел из воды Мули-дема. Ему стало жаль своего сына, оставшегося без оружия. Тогда он срезал кусок бамбука, сделал из него хороший лук и дал его Арамембу.

С тех пор на кенгуру охотятся не с копьём, а с луком и стрелами.

Арамембу посвящено еще одно сказание, в котором также говорится о происхождении кенгуру. В то же время в нем объясняется, откуда взялись москиты — подлинный бич почти всей Новой Гвинеи.

МОСКИТЫ

Демон Арамеиб носил спереди на поясе большую красивую раковину⁴³, и все люди дивились этому. Как-то ночью Арамеиб почувствовал под раковиной сильный зуд и услышал исходящие из нее тихий шорох и приглушенное дыхание. Он собрался уже встать, но чуть только шевельнулся, как из раковины выскочил крохотный кенгуренок. Так Арамеиб стал отцом кенгуру, который с той поры повсюду его сопровождал.

Однажды у реки Биан⁴⁴ один вероломный демон тайно умертвил кенгуру Арамеиба и зажарил его. Когда мясо было уже готово, он пригласил Арамеиба поесть вместе с ним. Арамеиб страшно рассердился, что Биан-демон убил его любимца, и решил отомстить злодею.

Немного погодя убийца кенгуру позволил себе еще одну злую шутку: он собрал подпаленные волосы кенгуру и всыпал их Арамеибу в калебасу для извести⁴⁵. Однако Арамеиб заметил эту проделку и быстро произнес над калебасой слова заклинания. Тотчас же в ней поднялся громкий гул. Арамеиб взмахнул калебасой и так ударил ею злого демона по голове, что калебаса раскололась и оттуда тучей

вылетели москиты, образовавшиеся из волос кенгуру. Москиты набросились на Биан-демона и безжалостно преследовали его до тех пор, пока он не прыгнул в реку и не остался там навсегда.

Так отомстил Арамеб за убийство своего кенгуру. С тех пор и поныне у реки Биан очень много москитов.

Правда, позднее самый сильный и могущественный из москитов переселился к Домандэ. Но все остальные из-за страха перед ним не последовали его примеру. И оттого в Домандэ москитов не так много, как у Биана ⁴⁶.

К циклу сказаний об Арамебе относится также история о первом исполнении смертного заклęcia (Todeszauber), которая связана с легендой о происхождении кокосовой пальмы. То обстоятельство, что подобным колдовством занимаются именно люди куркари, объясняется, как мы уже отмечали, смешением их племенного имени с названием цикасовой пальмы (куркари), которую маринд-аним считают волшебным растением ⁴⁷.

Летающий волшебный орех (обá), употребляемый для смертного заклęcia,— это карликовый кокос, которому резьбой придана форма головы какого-то животного,

по мнению одних,— змеи, а по мнению других,— кабапа. Внутреннюю полость такого ореха заполняют кровью и известью, которые вследствие особого заклинания становятся его жизненной силой⁴⁸. После этого волшебный орех бросают под ноги или на тело жертвы. Вместо ореха можно также пользоваться волшебной лопаткой, один конец которой вырезан в виде головы или пасти змеи. Иногда орех или лопатку просто кладут на пути человека, назначенного в жертву, чтобы он сам наступил на них. Считают, что при соприкосновении с жертвой в орехе (или лопатке) пробуждается к жизни «искусственный демон»; он проникает в тело жертвы и разрушает ее «внутреннее мясо». Тогда потерпевший лишается чувств, а когда снова приходит в себя, то уже ничего не помнит. Он приходит домой, но не может никому рассказать, что с ним произошло. Сумей он это сделать, его еще можно было бы спасти. Но так как он молчит и никто не предпринимает никаких мер, его жизненная сила (ви), основание, т. е. «внутреннее мясо», которой разрушено, постепенно увядает, и человек гибнет⁴⁹.

С этим колдовством (камбала), в силе которого маринд-аним нисколько не сомневаются, предание связывает происхождение кокосовой пальмы.

СЫН ЗМЕИ И КОКОСОВАЯ ПАЛЬМА

У реки Кумбе жила раньше большая змея. Однажды у нее родился мальчик. Змея набрала много мягких листьев, уложила на них младенца, а сама отправилась на поиски пищи. Тем временем мальчика увидели три какие-то девочки. Они подумали, его кто-то подбросил, и унесли младенца к себе домой.

Возвратившись на место и не найдя сына, змея пошла по следам девочек. А ночью, когда все крепко уснуло, она обвилась вокруг свай дома и так сжала их, что дом рухнул. Змея-мать чуть было уже не забрала своего сына, но тут одна старая женщина стала кидать в нее пылающие головни, и змее пришлось бежать в страну канум и укрыться в болоте. Там она подстерегала женщин, приходивших ловить рыбу, и из мести хватала и проглатывала их, пока наконец мужья этих женщин не убили ее.

Сына змеи звали Яви. Он остался у людей и со временем превратился в красивого и статного молодого человека, которого все любили. Узнал о прекрасном юноше и демон огня Ара-мемб, а так как ему очень хотелось иметь такого сына, он взял и похитил его.

Но Яви был уже взрослым, и, когда Арамеб однажды ушел на охоту, он обманул его с женой демона.

Однако Арамеб вскоре обо всем догадался и задумал погубить своего приемного сына.

Он позвал пятерых колдунов из людей куркари, и те с помощью летающего ореха оглушили Яви и повредили ему нутро, хотя с виду этого совсем и не было заметно. Придя в себя, ничего не подозревавший Яви пошел домой, потом вдруг почувствовал себя плохо и на другое утро умер.

Услышав плач по Яви, Арамеб все же пожалел, что велел околдовать его. Он догнал колдунов и попросил у них средство против заклятия. Но когда он вернулся обратно, Яви уже похоронили. Тогда Арамеб выплеснул волшебное средство прямо на землю. Одна змея слизала его, и с тех пор змеи не умирают, как люди, а только меняют кожу.

Из головы змеиного юноши Яви выросла первая кокосовая пальма. Его плетеные лубяные косы превратились в корни, голова — в нижнюю часть ствола, тело — в сам ствол, а ноги — в хвосты листьев, что качаются от ветра, как будто собираются куда-то уйти. Но

земля крепко держит голову, и потому пальма никак не может сдвинуться с места. А в память о черепе Яви кокосовые орехи и теперь имеют три зародышевых углубления, очень похожие на глаза и рот сына змеи.

Мотив о разрушении дома повторяется также в сказании о змеином демоне.

ЗМЕЙ-ДЕМОН

Сначала змей-демон жил в Домандэ. Потом вдоль побережья он переполз в Окабу, затем в Макалин и наконец в Вамал. Оттуда, приняв облик человека, змей-демон направился к людям яб, в Бибикем. Он появился там в образе красивого юноши эвати и женился на ябской девушке. А она и не подозревала, что сделалась женой змея.

Однажды муж и жена пошли на огород сажать таро⁵⁰. Из-за долгой жары и засухи почва затвердела, и копать ее деревянной палкой⁵¹ было тяжело. Тогда мужчина, чтобы облегчить труд, снова принял свой змеиный облик и начал взрыхлять землю хвостом.

Молодая женщина очень испугалась. Она побежала в деревню и рассказала всем, что слу-

чилось с ее мужем. Демону стало стыдно, что жена увидела его в образе змея. Он покинул огород и уполз на берег Мули, к Мавеолу ⁵². А так как за ним гнались жители Бибикема, он попросил демона-наутилуса ⁵³ помочь ему перебраться на остров Комолом. Наутилус растянулся во все стороны и превратился в лодку, и змей-демон уплыл на Комолом.

Люди на острове как раз собирались справлять праздник и, увидев большую змею ⁵⁴, решили приготовить из нее хорошее праздничное жаркое. Но змей-демон весь день скрывался в мангрововых зарослях, а ночью, когда все спали, обвился кольцом вокруг деревни, потом сжался и раздавил все дома вместе с находившимися в них людьми. Сейчас на месте той деревни — болото, в котором живут змеи ⁵⁵.

Преднамеренное разрушение дома над головами людей, не подозревающих о грозящей им опасности, играет известную роль и в ритуале тайного Союза. В свое время там умерщвляли подобным образом какую-нибудь молодую пару, чтобы потом съесть ее. Девушкам, которых доставляют посвященным, приходится перенести очень многое, даже если с ними и не обращаются так жестоко. Отголосок этого мы находим в мифе о человеке из Опеко.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ОПЕКО

Могучий демон Ваба, основатель тайных празднеств Союза Майо, однажды послал другого демона раздобыть девушку, чтобы потом, согласно обряду, убить ее. Девушка не заподозрила ничего дурного, но едва оказалась среди посвященных, как ее начали мучить. Она не вытерпела, схватила копьё и со всех сил воткнула его в тело демона.

Потом она взвалила демона себе на спину и отнесла его к своим родичам⁵⁶, чтобы они ему отомстили.

Девушка дотащила демона до Кондо-мирава, но нести его дальше уже не могла. Тогда ее родичи схватили какого-то мужчину, бросили его на землю и до тех пор вытягивали и топтали его, пока из него не получилась лодка-однодеревка.

С тех пор все однодеревки украшают резьбой, напоминающей нос, уши и зубы человека⁵⁷.

В эту лодку родственники девушки и положили демона. Они поплыли вдоль побережья, а затем вверх по реке Кумбе до деревни Опеко. Здесь они вбили в речное дно две сваи и крепко привязали к ним демона. Но вскоре

демону удалось освободиться от пут. Тогда его привязали снова, и на этот раз уже вниз головой. Демон отчаянно размахивал ногами, но так ничего и не смог поделать. Он и по сей день остался в реке Кумбе, у Опеко, и потому его теперь все называют Опеко-анем, «человек из Опеко».

Над тем местом, где он находится, постоянно бурлит водоворот, вызываемый его движениями. И там опасно ездить на лодках.

Однажды, когда голландцы привезли в страну маленькую обезьянку, все стали называть ее Опеко-анем⁵⁸, потому что она делала такие же смешные движения, как и демон в Кумбе.

Лодка, о происхождении которой говорится в данной легенде,— обычная однодеревка, пригодная лишь для плавания по рекам и Мули. Уже к острову Хабе поездка на такой лодке представляется от важным предприятием. То, что подобная лодка играет известную роль в культуре Имо, мы уже отмечали.

Мотив о падающем доме разрабатывается также в сказании о пляшущих столбах. Его действие разыгрывается в Сенау, где весьма заметны следы влияния на маринд-аним соседних с ними йе-нан.

ПЛЯШУЩИЕ СТОЛБЫ

Однажды в Сенаю справлялся большой праздник. Все ели много свиного мяса, пили вати и целую ночь под звуки барабана плясали нгатси⁵⁹. Правда, некоторые говорят, будто этой пляске научились у людей боди⁶⁰ значительно позднее, а тогда знали только бендель⁶¹; но это не имеет существенного значения.

К утру от пляски и от вина все очень утомились, и вскоре в праздничном доме, стоявшем на особенно красивых резных столбах, не оставалось уже ни одного бодрствующего.

Пока люди спали, одному из столбов пришло на ум тоже попробовать поплясать, подобно людям. Конечно, это был не простой столб, а столб-демон. К сожалению, нижний его конец находился в земле и потому лишь верхняя часть столба раскачивалась туда и сюда в лад пляске. Столбу-демону это показалось забавным, и он двигался все быстрее и быстрее. Наконец его движения стали такими сильными, что нижний конец расшатался, и, когда демон захотел продолжить пляску, он поскользнулся и повис. А крыша дома, которую он подпирал, обвалилась на спящих людей.

Они вскочили и с перепугу громко закричали: «пак! пак!»

Так возникли лягушки.

У йе-нан имеется особая тотемная группа, ведущая свое происхождение от домашнего столба-демона. У них же намного чаще, чем у других племен, встречаются резные столбы у домов и возле мостов⁶², причем большей частью эти столбы имеют вид людей, зверей⁶³, барабанов или лодок. Самое северное селение маринд-аним По, расположенное неподалеку от области йе-нан, также отличается красивыми домовыми столбами, которых не увидишь на юге.

В следующей истории, где делается попытка объяснить, почему лук и стрелы маринд-аним отличны от таковых у их соседей, будут упомянуты некоторые племена, живущие, подобно куркари, в восточной части страны. Это племя йе-нан, обитающее в верховье реки Маро, канум-иребе — на крайнем востоке и крохотное племя людей мораури или, как их называют маринд-аним, — «мангат-аним», т. е. «зубных людей»⁶⁴, которое в 1934 году насчитывало всего лишь семьдесят пять человек. Все эти племена имеют собственные языки и несколько отличные обычаи, хотя и стоят довольно близко к маринд-аним.

ЛУЧНОЙ ДЕМОН

В давние времена лук и стрелы были известны одному лишь лучному демону. Всем остальным людям приходилось промышлять кенгуру при помощи деревянных дубинок, которые кидали в животных во время облавы; охотиться на свиней тогда вообще еще не умели.

Лучной демон жил в глухом лесу у реки Обы⁶⁵, на земле йе-нан. Йе-нан очень сердился на демона, потому что он перебил всех кенгуру, а им так хотелось поесть мяса! Их соседи — маринд-аним из По и Сенаю также страдали от демона: у них даже на праздниках никогда не бывало мясного.

Вот маринд-аним договорились с йе-нан и совместно выследили демона. Но он убежал от них к реке Кумбе. Вскоре и там все рассердились на него за истребление кенгуру, и наконец многие мужчины, в том числе даже из племен мангат и канум, стали его преследовать, так что демону пришлось постоянно перебегать с места на место. Правда, отыскать его следы было нетрудно: там, где он побывал, совсем не оставалось кенгуру. Вместе с демоном скрывалась от людей и его дочь.

Однажды преследователи застали их обоих на берегу реки Кумбе. Беглецов схватили. При этом люди с такой силой потянули демона, что он разорвался пополам. Нижняя часть его тела оказалась в руках у жителей побережья и Кумбе, а верхняя — у лесных людей⁶⁶ — йе, мангат и канум. С тех пор прибрежные жители имеют лук с концами, похожими на ноги демона, а лесные люди — другой: верхний конец их лука напоминает нос лучного демона. Затем люди взялись за дочь демона и тоже разорвали ее на две части. Жителям побережья досталась нижняя часть девушки, и оттого стрелы у них совсем простые и лишены всяких украшений, йе-нан же досталась красивая и богато украшенная голова дочери демона, и потому они насаживают на свои стрелы такие великолепные красные полированные наконечники⁶⁷, какие не умеет делать ни один из жителей побережья.

В мифе о человеке из Опеко говорилось о лодке, сделанной из тела мужчины. К кругу подобных легенд относится и сказание о деревянном крокодиле. Любопытно, что у маклеуга лодка называется «имо», а крокодил — «явун», что опять-таки совпадает с мариндским наименованием однодеревки.

ДЕРЕВЯННЫЙ КРОКОДИЛ

Однажды демоны отправились в далекое странствие на лодке-однодеревке. Она была такая большая, что они с трудом вытаскивали ее на берег, когда останавливались где-нибудь переночевать.

Демоны спустились вниз по реке Маро и достигли Гандина⁶⁸, что лежит чуть выше Эрмасука, называемого чужеземцами Мерауке. Там они снова заночевали. Но они не учли, что волны в том месте много сильнее, чем в глубине страны⁶⁹, так как сами демоны никогда не бывали вблизи моря.

Пока они спали в Гандине, волны раскачали лодку, и она съехала на воду. От сильной качки у лодки внезапно выросли ноги, задний ее конец зашевелился и превратился в хвост, а передний, украшенный зубчатой резьбой,— в пасть с большими зубами.

Так возник первый крокодил.

Ничего этого демоны не заметили. Утром они пошли к своей лодке, но не нашли ее.

И крокодила они тоже не увидели, так как он погрузился в воду. Демоны подумали, что лодка затонула, и стали шарить по дну. А кро-

кодил схватил многих из них и утащил под воду.

Демоны в испуге прекратили поиски и собрались сделать себе новую лодку. Один из древесных стволов, что лежал неподалеку от берега, показался им вполне подходящим. Но едва они приблизились к нему, вода в реке заволновалась и оттуда высунулся крокодил.

Тут демоны поняли, что это он и утащил под воду их друзей, и решили его убить.

Но осуществить это решение было не так-то просто, потому что, когда крокодил вынырнул еще раз и демоны бросили в него свои копья, они отскочили от его твердой кожи, и чудовище снова скрылось в глубине.

Прошло много времени, а крокодил все не показывался. Тогда один смелый молодой демон опустил под воду, захватив для дыхания длинную бамбуковую трубку. На дне реки он увидел крокодила: тот спал среди добытых им черепов. Демон связал его крепкими стеблями ротана и вытащил на берег.

Демоны убили крокодила и съели. Но опасность не миновала, так как крокодил успел отложить множество яиц и из них вылупились новые крокодилы⁷⁰. Они были очень похот-

ливы — недаром похотливых людей называют крокодилами — и потому сильно размножились.

А когда крокодилы отдыхают на берегу, они все еще похожи на старые древесные стволы.

Йе-пан считают крокодила изобретателем смертельного колдовства⁷¹, открытие которого маринд-аним приписывают людям куркари. Обычного крокодила йе-пан называют дабау или дебо, и потому кишащий этими животными приток реки Маро получил название Дебойид, что значит «место отдыха (йид) крокодилов». Если же речь идет о крокодиле, имеющем отношение к магии, то его называют камбала, и это слово тесно связано с колдовством смерти (камбала по-мариидски: камбара). С помощью колдуна обычный крокодил может стать демоном в облике человека. Но для этого ему нужно дать сожрать череп маленького ребенка. Такой «черепной демон» (Ореявал⁷²) может возникнуть также из ядовитой змеи, если какой-нибудь мужчина после смерти своего сына сходит в лес с добытым им человеческим черепом и уговорит змею отомстить убийце. (В то, что смерть могла наступить в силу естественных причин, никто не верит. И всегда ищут виновника, которому следует отомстить.)

По представлениям мариинд-аним, крокодил связан также с бетелевой (арековой) пальмой, корявые плоды которой они сравнивают с крокодиловой кожей.

БЕТЕЛЕВАЯ ПАЛЬМА

В старые времена демоны как-то устроили свиной праздник. Об этом услышал крокодил-демон и вместе с женой тоже отправился туда, чтобы получить свою долю свинины и заодно с другими мужчинами принять участие в пляске ⁷³.

Возле самой деревни им встретилась девушка в возрасте иваг. Она оглядела крокодила и нашла его кожу слишком шероховатой. Поэтому она предложила демону, прежде чем идти на праздник, смазать кожу маслом и сделать ее помягче. Тогда, сказала она, он тоже станет красивым.

Пока девушка со своими подругами натирала крокодила маслом и разминала ему кожу, демон Мана увидел его красавицу-жену и соблазнил ее.

Но затем, испугавшись, что крокодил-демон будет ему мстить, Мана решил опередить его. Он взял свою палицу, подобрался к крокоди-

лу сзади и убил его мощным ударом. А сам сбежал.

Убитого завернули в мягкую кору мелалеуки⁷⁴ и с громким плачем похоронили. На следующее утро на могиле выросло какое-то неизвестное пальмовое дерево со странными корявыми плодами, напоминающими кожу крокодила. Это была первая бетелевая пальма.

Люди попробовали ее плоды и нашли, что они приятно возбуждают. Только зубы у всех сделались черными, а слюна — кроваво-красной. Все больше народу подходило к пальме, и каждому хотелось поесть вкусных орехов. Наконец на дереве остался один-единственный маленький орешек.

Вдруг откуда-то появился никому не знакомый безобразный мальчик с кожной болезнью. Он отобрал у людей последний бетелевый орех, что-то прошептал над ним и колдовством вогнал в него червей, сделавших орех несъедобным. И хорошо, что он так поступил. Теперь этот последний орех, который еще сохранил всхожесть, можно было только посадить.

Потом из него выросли новые бетелевые пальмы, и сейчас их вполне достаточно, чтобы все люди могли жевать бетель.

Гадкий мальчик ⁷⁵ был крокодил-демоном. Он очень беспокоился, чтобы не уничтожили все плоды, и потому вышел из могилы. Никто не узнал его. Но если бы люди были более внимательны, они бы заметили, что кожа у него шершавая, как у крокодила.

В то время как йе-нан ведут колдовское искусство от крокодила-демона, маринд-аним считают, что начало ему положил его приятель Угу, который, впрочем, тоже имеет крокодилоподобные черты.

Необыкновенная история о его волшебной коже встречается также на весьма отдаленном от страны маринд-аним острове Новая Британия ⁷⁶, правда она стоит вне всякой связи со сказанием об Угу.

КОЖА УГУ

Харау была первой женщиной, которая научилась выколачивать муку из сердцевины саговой пальмы ⁷⁷. Она вышла в Сенаю замуж за Эльме и уже через два дня родила ему сына, по имени Угу.

Насколько необычным было рождение Угу, настолько же резвым оказался его разум. Он первый постиг тайну колдовства. Когда Угу ходил со своим отцом Эльме на охоту, он не

пользовался никаким оружием, а просто залезал на какое-нибудь дерево и оттуда с помощью чар убивал столько диких кабанов, кенгуру и казуаров, сколько ему хотелось. Но чтобы никто про это не узнал, он потом мазал свои стрелы кровью, как будто ими убил животных.

Угу мог, как крокодил, подолгу находиться под водой, и у него были такие же зубы, как у крокодила. Он часто пугал ими людей. Вообще он любил строить людям пакости, нередко избивал своих сверстников и непочтительно относился к старикам. Так как Угу потерял всякий стыд и плохо себя вел, старейшины решили, что его надо убить. Однако мужчинам не удалось этого сделать, они только выбили ему несколько зубов, которые и теперь еще можно видеть в Сенаю.

Потом Угу ушел на побережье, в Алаку. Но и там он своим дурным поведением очень скоро рассердил стариков. Зато мальчикам понравилось, как он умеет плавать и нырять.

Однажды Угу сказал мальчикам, что может научить их своему искусству. И когда один из них согласился нырнуть вместе с ним, Угу оттянул от тела кусок своей кожи, которая легко

растягивалась, раскрыл ее, впустил туда мальчика, а потом закрыл ее снова.

Они долго купались и ныряли, а когда вышли на берег и Угу выпустил мальчика обратно, другие дети также захотели поплавать с Угу. Мальчиков было столько, сколько у человека пальцев ⁷⁸, но Угу так широко растянул свою кожу, что все уместились в ней; и Угу с детьми опять ушел под воду.

Много дней пробыл Угу под водой, и ничто на поверхности не выдавало его присутствия. Иногда он незаметно подплывал к людям, ловившим рыбу, неожиданно хватал кого-нибудь из них и проглатывал, так что в прибрежных деревнях постоянно раздавался плач о погибших. А тем временем мальчики, сидевшие под его кожей, вынуждены были питаться кровью, которую они высасывали друг у друга из заднего прохода.

Когда Угу снова вышел на берег и мальчики выбрались из его кожи, они были крайне истощены и очень злы на него, что он так долго продержал их в темноте и голоде.

За то, что Угу погубил многих людей, один мужчина убил его копьем. Затем с убитого сняли его волшебную кожу, а мясо отдали изголодавшимся мальчикам. И едва они съели

его, как сразу же почувствовали в себе необыкновенные силы. Вкусив мясо Угу, они сделались первыми колдунами⁷⁹.

А кожа Угу до сих пор хранится в деревне Сарор. С ее помощью колдуны могут погружаться в воду и под водой незаметно подкрадываться к своим жертвам, как это раньше делал сам Угу.

Мать Угу — женщина-демон Харау непосредственно связана с саговой пальмой. Это она первая приготовила саговую муку. Создание же самого сагового дерева приписывается демону Вокабу и его жене Сангон. Все эти три демона играют особую роль в преданиях махухе — людей, относящихся к тотемной группе Саговой пальмы.

САГОВАЯ ПАЛЬМА

В местности Сивазив⁸⁰ состоялся праздник, и там было много свиного мяса. Жена Вокабу Сангон столько его съела, что когда вернулась к себе в деревню, у нее разболелся живот.

Никакие заговоры и никакое лечение не помогали. Наконец ее вздувшийся живот лопнул и оттуда вывалилась какая-то бледнокрасная

мякоть, никем еще не виданная. Сангон подумала, это — выкидыш, и постеснялась рассказать мужу о случившемся. А то, что выпало из ее живота, она завернула в женский передник⁸¹ и спрятала в хижине.

Как-то раз, когда Сангон пошла в сад за стволами банана⁸², которые в те времена служили пищей, ее муж Вокабу стал рыться в ее вещах. Он не стыдился, как нынешние мужчины, прикасаться к женскому переднику или упоминать о нем в разговоре⁸³ и нашел то, что спрятала жена. Случайно кусок найденной им мякоти — а это было саго — упал в огонь, и вскоре оттуда послышался вкусный запах. Вокабу попробовал печеное саго и нашел, что оно куда вкуснее сердцевины бананового ствола. Тут домой воротилась его жена, и Вокабу поспешно упрятал остаток саго под лубяные косы, вплетенные в его волосы. Однако Сангон заметила это. Она ударила мужа по уху, и сырое саго упало на землю.

На другой день из саго выросло большое дерево, правда совсем без листьев — один лишь ствол. Тогда Вокабу попросил одного мужчину из семейства Водного тотема⁸⁴ наловить для него рыб. Мужчина принес ему скатов, и Вокабу прилепил их к стволу. И тотчас

скаты превратились в широкие основания листьев, какие имеются у саговых пальм. Снова попросил Вокабу принести ему рыб, но на этот раз получил уже рыб-пил. Вокабу воткнул их в основания листьев, и пилы этих рыб стали настоящими и красивыми пальмовыми листьями. Первая саговая пальма появилась.

Вскоре к пальме прилетела стая медовых птиц⁸⁵. Они расселись на верхних листьях, а над ними уселась спустившаяся неведомо откуда белая цапля. И все эти птицы превратились в цветы саговой пальмы.

Вокабу хотел было повалить пальму, чтобы добраться до ее съедобной сердцевины, но ни он и никто другой не знали, как это сделать, потому что в ту пору не было еще каменных топоров. Тут как раз в страну забрел один демон с верховья реки Дигул. Вокабу вырвал у пришельца один из его огромных зубов и сделал из него топор. Демон не вытерпел боли и сбежал. Он остановился к востоку от нижнего течения Маро и положил начало роду мангатаним, «зубных людей», которые и поныне живут там⁸⁶.

Вокабу взял топор и ударил им по стволу пальмы. Раздался отчаянный крик. Демон, си-

девший в стволе, выскочил оттуда и убежал. А саговая пальма, лишившись опоры, рухнула на землю.

Но опять же ни Вокабу, ни Сангон не знали, что делать дальше и как достать из пальмы съедобную сердцевину. К счастью, в это время из деревни Оан с верховьев Биана пришла молодая женщина, по имени Харау. Только ей одной и было известно, как можно вскрыть ствол и как путем вымачивания приготовить из сердцевины муку. Харау помогла Вокабу и его жене сделать саговую муку. И с тех пор больше уже никто не ест сердцевину стволов банана.

Только некоторые из болотных людей по ту сторону Мули не умеют еще добывать саго⁸⁷, но они ведь не настоящие люди.

Добрая и трудолюбивая Харау является идеалом мариндской женщины. Она усердно добывает саговую муку, а в присутствии мужчин, которые иногда заговаривают при ней о своих похождениях, ведет себя, как это и полагается, очень сдержанно. От порядочной женщины и от хорошо воспитанной девушки требуется, чтобы она не разговаривала с чужим мужчиной, если он не представлен ей по всей форме ее мужем или отцом, и чтобы она

не смеялась, когда шутят мужчины. Только старые седовласые женщины могут позволить себе такую вольность. Примечательно также, что Харау считается красивой, причем это выражается не словом «кабил», которое указывает и на полноту, а словом «ванингап», что означает одновременно и «красивая» и «хорошая».

Партнер Харау казуар-демон Ягил является демой больших бегающих птиц Новой Гвинеи, которых маринд-аним не считают, однако, птицами, ибо они не умеют летать⁸⁸. Так как Харау не согласилась на предложение Ягила «сходить с ним в лес»⁸⁹, между Саговым тотемом и тотемом Казуара не существует родственной связи и члены этих тотемных групп имеют право жениться друг на друге.

КАЗУАР

Казуар-демон Ягил жил на острове Комолом⁹⁰. Он мог принимать образ юноши, правда не целиком: одна его нога оставалась такой, как у казуара, и потому он оставлял после себя необычные следы — наполовину человеческие, а наполовину казуаровы.

Ягил был вздорным малым и забавлялся тем, что днем, когда женщины работали на

огородах, пробирался в чужие хижины и прятал женские передники. Это заметила одна старуха. Она рассказала обо всем мужчинам и показала им странные следы. Мужчины выследили юпошу-казуара, который как раз принял свой обычный облик, подняли его и убили своими копьями.

Комоломцы разрезали Ягила на части и решили на другой день съесть его. Но ночью мясо демона превратилось в деревья: на одном из них росли орехи аке⁹¹, а на другом — водяные яблоки⁹².

К останкам Ягила незаметно подкрались его братья и мать. Мать уложила в свою заплечную корзину внутренности Ягила, а братья собрали его кости и бросили их в огонь. В тот же миг к небу поднялся огромный столб дыма и превратился в тучу. Под мощные раскаты грома из тучи вылетела молния и сожгла всю деревню вместе с жителями⁹³.

На обратном пути мать услышала позади себя глухой звук и почувствовала, что у нее за спиной, в корзине, что-то шевелится. Неожиданно оттуда выпрыгнул вновь возродившийся из своих внутренностей Ягил. Братья и мать пошли вместе с ним через страну людей яб к верховьям Булаки.

Там жила красавица Харау, славившаяся своим умением выделывать муку из сердцевины саговой пальмы. Каждый день она уходила на саговое болото и трудилась не покладая рук.

Ягил не раз в образе красивого молодого человека подходил к Харау и пытался завязать с ней разговор. Но Харау была благовоспитанной девушкой и потому ничего ему не отвечала и не смеялась его шуткам. Когда же он увязался за ней и проводил ее чуть ли не до самой деревни, а потом даже предложил сходить с ним в лес, она немедленно прогнала его; и Ягил в образе казуара убежал прочь.

В деревне Харау пожаловалась на эти приставаания, и отец девушки попросил мужчин подстеречь незнакомого юношу-казуара. А чтобы не спутать его с другими, он поручил Харау, при следующей же попытке юноши приблизиться к ней, снабдить его каким-нибудь отличительным знаком.

И когда Ягил снова явился к Харау, она сделала вид, будто согласна пойти с ним в лес, как только окончит работу. И пока что повесила ему на шею красноватый кусок сушеного саго. С тех пор все казуары носят на шее красные повязки.

Харау тайком убежала от ожидавшего ее Ягила и сообщила родичам, как его узнать. Недолго думая, все мужчины вместе со своими собаками бросились ловить юношу-казуара. Но сильный казуар легко передал собак и со всех ног помчался к реке Биан.

Там он забрался в Оанское болото⁹⁴, а его мать, обернувшись высоким тростником, со всех сторон прикрыла его, чтобы никто не смог найти и убить ее сына.

Так же, как и казуар, странные следы оставляет демон-аист. Вместе с тем аист является изобретателем украшений; перьям после перьев райской птицы его перья ценятся наиболее высоко. Кроме того, он считается создателем опьяняющего напитка вати, и потому в сказаниях об аисте часто встречаются образы, напоминающие об оглушении, вызываемом этим напитком.

ОПЬЯНЯЮЩИЙ АИСТ

Гигантского аиста-демона звали Оле⁹⁵. Он стоял посреди болота и своим длинным клювом вылавливал из него рыб, которых тут же проглатывал. Люди увидели, как он ловит рыб, и им самим захотелось поймать эту большую птицу.

Они вырезали из мягкого дерева рыбу и воткнули в нее колючку от ската ⁹⁶, имеющую острые крючки-зазубрины. Потом привязали деревянную рыбу к длинному шнуру и бросили ее в болото. Через некоторое время аист и в самом деле схватил приманку. Колючка застряла у него в клюве — и, когда люди потянули за шнур, аист оказался у них в руках. Его связали и отнесли домой.

Так как был уже вечер, аиста не зарезали сразу, а посадили в хижину и поручили одной старой женщине охранять его.

Она села возле дверей и занялась плетением циновки. Неожиданно из хижины донеслись какие-то хлопки. Старуха испуганно вскопчила. Но хлопки тут же прекратились, и она успокоилась. Немного погодя за дверьми послышалось легкое пощелкивание. И снова все стихло. Вдруг двери хижины отворились и мимо старухи быстро прошагал какой-то очень красивый юноша. Старая женщина растерялась ⁹⁷. А пока она раздумывала, последовать ли ей за ним или позвать мужчин, юноша исчез.

То был аист, обернувшийся юношей. Когда он смазывал маслом свои лубяные косы, слышались хлопки, а когда надевал на себя укра-

шения, они пощелкивали. Только одно отличало юношу-аиста от молодого человека, и именно то, что ступни его были вывернуты задом наперед. И это спасло его, потому что, обнаружив наавтра следы юноши, мужчины подумали, будто они ведут в хижину, а не из нее, и не стали его преследовать.

Между тем юноша-аист пришел к реке Маро, в Эрмасук, который чужеземцы называют Мерауке. Здесь он уселся, вырвал у себя под мышками немного волос и начал их жевать. Возле него собрались другие юноши и с удивлением глядели на его странное занятие. Вскоре, однако, они ему надоели, и тогда руки его вдруг покрылись перьями, а нос и ноги сделались длинными и тонкими. Он снова превратился в аиста и улетел в Бирок, расположенный между реками Маро и Кумбе.

Там демон-аист опять принял облик юноши и вырвал у себя под мышками волосы. Но на этот раз он не стал жевать их, а зарыл волосы в землю. И сразу же из них выросли первые кустики вати. Правда, в те времена никому не было известно, что, пожевав их, можно получить крепкий пьянящий напиток, и потому никто не обратил на них никакого внимания.

Только демон по имени Вокабу, следивший за аистом, незаметно подкрался туда и стащил несколько растений. Но аист заметил это. Он подбежал к Вокабу, выхватил у него из рук краденые растения и так ударил ими демона по голове, что совершенно оглушил его. Таким образом Вокабу оказался первым, кто был оглушен вати.

Разгневанный юноша-аист ушел к болотным людям⁹⁸. Но в память о нем узлы стеблей вати еще и теперь выглядят точь-в-точь, как колени аиста⁹⁹.

Жители деревни Кумбе, расположенной у устья одноименной реки, часто подвергаются насмешкам со стороны остальных маринд-аним за их простоватость, что, впрочем, несправедливо, ибо они ничуть не глупее жителей других деревень. Про людей из Кумбе говорят, будто они, опьянев от вати, хотели поджарить самого демона-аиста.

ЖАРКОЕ ИЗ АИСТА

Однажды неподалеку от деревни Кумбе демон-аист ловил в реке рыбу. Простоватые жители Кумбе не заметили, что это был не обычный аист, а демон, и поймали его. Они связа-

ли аиста и бросили на раскаленные угли, чтобы он поджарился. Очень довольные своим успехом, люди из Кумбе уже предвкушали сытный ужин, а пока аист жарился, жевали стебли вати и пили их сок, отчего изрядно опьянели.

Вскоре они услышали какое-то шипение и решили, что аист уже зажарился с одного боку и из него в огонь вытекает жир. Наполовину пьяные, они перевернули аиста на другой бок. Через некоторое время в костре вновь что-то зашипело. Тогда они перевернули аиста на спину, радуясь, что жаркое вот-вот будет совсем готово. В третий раз услышали они шипение, а когда взглянули на огонь, увидели, как оттуда вылетел демон-аист.

Люди в ужасе разбежались. На месте предполагаемого пиршества остался только потухший костер. Огонь сжег путы, связывавшие аиста, и погас, потому что аист с перепугу трижды помочился на него.

С тех самых пор жители Кумбе всегда очень сердятся, если их спрашивают, вкусно ли жаркое из аиста.

В то же время существует предание, изображающее демона-аиста с другой стороны — как прекрасного молодого челове-

ка, приносящего людям опьяняющий напиток и украшения. Известна также история об охоте демона-аиста за черепом, которая, правда, не в почете у людей из тотемной группы Морского орла.

АИСТ — ОХОТНИК ЗА ЧЕРЕПОМ

Аист Ндик и морской орел Кидуб были друзьями. Оба жили в одной из деревень в образе людей, и никто не подозревал, что они — птицы. Когда же друзья оказывались на болоте вдали от деревни, то принимали свой обычный облик и ловили много рыбы. На обратном пути Ндик и Кидуб вновь оборачивались людьми, а пойманных рыб нанизывали на стрелы, чтобы все думали, будто они подстрелили их из лука.

Но однажды жена Кидуба незаметно прокралась за ними и все увидела. И когда Кидуб как-то изъявил готовность помочь ей в огороде, она засмеялась и сказала: «Нет уж, лучше отправляйся с Ндиком за рыбой. Это у вас обоих получается куда более ловко, даже без лука и стрел!»

Тогда Кидуб и Ндик поняли, что ей известна их тайна. И чтобы жена Кидуба не пробол-

талась, Ндик ночью бамбуковым ножом отрезал ей голову и полетел с этой головой на болото к Урұмбу.

Кидуб с криком кинулся следом за ним. Над самым болотом Ндику пришлось бросить голову, потому что Кидуб нагнал его и между ними завязалась драка. Они долго бились друг с другом, пока наконец Ндик не отступил на край болота.

Тогда Кидуб попытался выловить голову жены. Но каждый раз, как только он приближался к ней, рыбий демон, сидевший в болоте, прятал ее под воду. И он делал это до тех пор, пока Кидуб, обессилев, не оставил своих попыток и не улетел.

Когда морской орел скрылся из виду, Ндик потихоньку подобрался к рыбьему демону, схватил его своим длинным клювом и проглотил. Потом он взял голову жены Кидуба и отнес ее своим детям. Теперь он мог дать им имя¹⁰⁰.

В действительности же ни один, даже самый большой, охотник за головами ни за что в жизни не станет убивать кого-либо из членов семьи своего друга. Но демоны, как и древнегреческие боги, находятся по ту сторону морали.

Следующее сказание повествует о происхождении жителей верховья реки Дигул.

ПТИЦЫ-НОСОРОГИ

У одной змеи родилось несколько красивых мальчиков. Она уложила их в корзинку, и там они подрастали.

Однажды в пути змея зажарила на костре немного рыбы и накормила своих сыновей. После еды она из предосторожности повесила корзину с детьми на высокое дерево.

Но мальчики тайком прихватили с собой на дерево остатки рыбного обеда, а также несколько горящих поленьев, чтобы согреться ночью.

Наверху мальчики поспорили из-за еды и стали кидать друг в друга горящие головни. В пылу ссоры они забросили головни на самое небо, где их и теперь еще можно видеть как звезды.

Невоспитанность детей так рассердила змею, что она без оглядки уползла от них. Вот и пришлось мальчикам самим спускаться с дерева. После многих попыток это удалось всем, кроме самого младшего, который не решался соскользнуть вниз по высокому стволу. Оставшись один на дереве, малыш не растерялся: он прикрепил к своим рукам перья, превратился в птицу ржанку¹⁰¹ и улетел.

Тем временем старшие братья пришли к реке Дигул¹⁰². Ночью им стало холодно, а так как их теплая корзинка осталась висеть на дереве, они забрались в большое дупло и проспали там до утра. На рассвете мимо них проходили дигульские девочки. Они услышали в стволе какое-то гудение и подумали, что там живут дикие пчелы. Но когда девочки открыли дупло, оттуда вышли красивые мальчики. Обрадованные своей находкой, девочки проводили их в деревню.

Там мальчиков усыновили, а когда они выросли, то отдали им в жены тех самых девушек¹⁰³, которые их нашли.

Старший из братьев первым обзавелся сыном. Мальчик любил играть с луком и стрелами и однажды по ошибке угодил стрелой в ногу одной старой женщины. За это все женщины крепко его выбрали. Мальчик очень обиделся: ведь он попал в старуху нечаянно, — и потому решил отомстить.

Как-то раз, когда все женщины и девушки ушли на болото ловить ручными сетями рыбу, он отправился в лес и смастерил много больших деревянных клювов и украшений из перьев. Затем он позвал своего отца и других мужчин и сказал им, что хочет научить

их летать. Мужчины согласились, надели на себя украшения, а к головам привязали клювы.

Сначала они летали только вниз, причем с небольших деревьев, потом со все более и более высоких и наконец превратились в птиц-носорогов ¹⁰⁴ и, громко хлопая крыльями, полетели по-настоящему.

Возвратившись в деревню, женщины не нашли там ни одного мужчины. Но, увидев пролетающих носорогов, они догадались, в чем дело, и тоже захотели стать птицами. Они также раздобыли себе перьев и вырезали из дерева клювы. Но женщины оказались менее искусными, чем мальчик. И потому, сделавшись самками птиц-носорогов, они вышли далеко не такими красивыми, как их мужья.

Среди женщин была одна беременная. Ей было тяжело учиться летать. Поэтому она сделала себе маленький клюв и превратилась не в носорога, а в райскую птицу, которая не может летать далеко ¹⁰⁵.

От птиц-носорогов произошли дигульцы. Вот почему они до сих пор строят свои дома на высоких деревьях или на столбах, точно это гнезда ¹⁰⁶.

Очень проста легенда о происхождении голубей и уток, действие которой разыгрывается на острове Хабе.

ГОЛУБИ И УТКИ

Когда остров Хабе плыл еще на запад¹⁰⁷, многие демоны пришли посмотреть, что на нем делается. В это время умерли две женщины-демона, и их похоронили на острове. Могилу одной из них прикрыли листьями банана, а могилу другой — корой саговой пальмы. Через несколько дней под листьями и корой что-то зашевелилось, а когда демоны покинули остров, из-под банановых листьев вылетела стая голубей¹⁰⁸, а из-под коры — стая уток. С тех пор голуби относятся к Банановому тотему¹⁰⁹, а утки — к тотему Саговой пальмы.

В следующем сказании говорится о происхождении вариба, темной разновидности гигантского аиста, и серой цапли. В нем же содержатся указания на культ огня, некогда распространенный в Кондомираве.

ДОЖДЕВЫЕ ЧАРЫ

В старые времена жили у Онгари муж с женой и сыном. В ту пору люди уже умели выращивать бананы и таро. Но однажды все их

труды оказались напрасными. Из-за жестокой засухи растения в садах погибли и в стране начался голод.

Тогда сын заявил, что хочет избавить всех от этой беды. Он попросил у матери несколько кустов банана и клубней таро и сказал родителям, чтобы они не выходили из дому, пока он не вернется. Затем он пошел в лес, вырыл там глубокую яму и на самом ее краю развел огонь. Потом бросил в яму банановые кусты, сочные клубни таро, листья кротона¹¹⁰ и разные волшебные травы, все это полил водой, а сверху закидал камнями и комьями земли.

Вода из ямы поднялась высоко в небо и дождем полилась обратно на землю. Тут юноша бросил в огонь немного свиного сала, и, как только оно зашипело, разразилась сильная гроза с проливным дождем.

Между тем родители, не дождавшись сына, отправились в сад. По дороге их застал дождь. Чтобы хоть немного защититься от него, они подняли над головой палки, которые несли с собой. Дождь долго не прекращался, и палки постепенно приросли к ним и стали длинными клювами. А так как родители дрожали от холода, на руках у них выросли перья, и они

превратились в птиц: отец — в черного аиста, а мать — в серую цаплю¹¹¹.

Вызывание дождя при помощи волшебных трав, на которые льют воду, считается обычным колдовством и до сих пор широко применяется у мариинд-аним. Сжигание свиного сала магически вызывает сильную грозу, во время которой, подобно вспыхнувшему жиру, загораются и трещат молнии.

Аналогичные действия играют большую роль в культе демона огня Рапа, справляемом в области Кондо-мирав. Из пойманного кабана вытапливают сало и факелом поджигают его. Непосвященным разрешается смотреть на этот огонь лишь издали. В культе Имо также применялся жир жертвы. Но там в качестве ее брали не кабана, а тело мужчины, и жир не сжигали, а поедали.

Первые кусты кротона, употребляемые для вызывания дождя, согласно преданию, произошли из перьев райской птицы.

КРАСНО-ЖЕЛТАЯ РАЙСКАЯ ПТИЦА

В конце Мули, неподалеку от устья Дигула, напротив страны умерших жил человек по имени Гопа. Его отец женился во второй раз.

Мачеха Гопа была молода и красива, и Гопа влюбился в нее. Но молодая женщина не желала слушаться пасынка, и взбешенный Гопа убил ее, а труп бросил в Дигул. В том месте, где лежит тело убитой женщины, еще и теперь бурлит водоворот.

Боясь отцовской мести, Гопа бежал из дому. Его отец Доле пустился в погоню за сыном и так упорно преследовал его, что тот в конце концов превратился в пугливую красно-желтую райскую птицу батенд¹¹². А так как перья у батенда были необычайно красивы и многие хотели бы сделать из них нарядные головные уборы для танцев, то другие люди тоже стали его преследовать.

Охотники за батендом во главе с Доле вслед за птицей все время переходили с места на место. Однажды у верховьев реки Булаки они догнали беглеца и набросились на него с палками. Но батенду снова удалось уйти, и только несколько его пестрых перьев упало на землю. Из этих перьев выросли первые кусты кротона, покрытые красивыми пестрыми листьями.

Батенд улетел дальше, ко входу в страну умерших, где уже никто не мог его преследовать. Он и поныне порхает там взад и впе-

ред, и мимо него пролетают все духи умерших, прибывающие в страну Хаис.

Во время погони за сыном Доле сильно порезал себе ногу об острую лучину бамбука. Из раны вытекло много крови. Кровь сбежала на большой лист таро и загустела. Вдруг в кровавом сгустке отчетливо вырисовалось лицо, потом тело, руки и ноги. И наконец кровь превратилась в живого мальчика.

Доле очень обрадовался, что обрел себе нового сына взамен ставшего птицей. Он хотел поднять мальчика, но на запах крови слетелось множество ос; они уселись по краям листа таро и не давали дотронуться до малыша.

Тогда Доле пошел и привел сюда своего друга Геба, с головы до ног покрытого ракушками морской оспы, отчего ему не были страшны никакие осы. Геб взял мальчика и передал его отцу.

Новый сын Доле стал впоследствии знаменитым охотником за человеческими головами. Ему очень везло, и однажды с ним случилось такое, чего вообще ни разу не бывало с охотниками: он повстречал человека с двумя головами. Одна из них глядела вперед, а другая — назад. И обе эти головы сын Доле сре-

зал одним ударом бамбукового ножа. Такой удачи не переживал уже больше никогда ни один охотник за головами.

Данная история почему-то относится к кругу преданий тотема Саговой пальмы. Что послужило основанием для этого, мне выяснить не удалось.

Более понятна связь следующего сказания о баклане¹¹³ с мифом о морской глине у Бангу, относящихся к одному и тому же тотему Сома. Баклан, морская глина, сом, а также другие существа вроде крабов имеют то общее, что все они связаны с морским побережьем. В прибрежной же деревне Борем разыгрывается действие легенды о рыбьем воре — баклане.

РЫБИЙ ВОР

Как-то раз мальчики из Борема пошли на рыбалку. Клев был хороший, и они наловили много рыбы. Но вечером, когда дети возвращались в деревню, их остановил демон Нгенге. Он отобрал у них весь улов и скрылся в лесу.

Дети прибежали домой в слезах и обо всем рассказали отцам. Но когда мужчины захотели узнать, кто же отнял рыбу, оказалось, что мальчики забыли имя грабителя. Делать

было нечего: не зная имени врага, нельзя было рассчитывать на его поимку.

Немного погодя в деревню вернулся самый младший из рыболовов — маленький, сплошь покрытый струпьями мальчик¹¹⁴. На своих коротких ножках он не мог поспеть за товарищами и потому пришел позже всех. Но малыш был умнее других детей. Чтобы не забыть имени вора, он всю дорогу повторял про себя: «Нгенге, Нгенге, Нгенге»¹¹⁵. Придя в деревню, мальчик назвал его.

Мужчины взяли оружие и пошли ловить демона. Они нашли его неподалеку от деревни. Нгенге уже разводил огонь, чтобы зажарить украденную рыбу. Охотники схватили грабителя. Нгенге отчаянно сопротивлялся, стараясь вырваться. Вдруг шея у него вытянулась, вместо носа появился большой клюв, а на руках отросли перья. Нгенге превратился в баклана, взмахнул крыльями и улетел.

Мужчины и мальчики съели вновь найденную рыбу. А баклан так и остался навсегда рыбьим вором.

К числу легенд с превращениями принадлежит, наконец, сказание о черепахе и варане, примыкающее, как это ни странно, к циклу преданий о гигантском аисте.

ЧЕРЕПАХА

Неподалеку от Кумбе, в Кайбуре, жил демон Таб. Однажды у него украли палицу, и Таб отправился разыскивать вора. В пути он часто останавливался и выпивал полную кокосовую чашку вати. Наконец он так опьянел, что еле мог передвигать ноги. Оттого он превратился в черепаху и, шатаясь, медленно пошел в Кумбе.

Там один мужчина сказал ему, что вор спит у себя дома. Таб тихонько пробрался через собачью лазейку ¹¹⁶ в хижину, взял висевшую на стене палицу и убил ею вора. Из хижины он вышел уже со своим оружием.

Чтобы отпраздновать победу, Таб достал у демона-аиста много вати и так напился, что сам забыл, кто он такой. То он был черепахой, то вараном, то снова черепахой. Вот в облике черепахи Таб поплелся домой. В голове у него творилась полная неразбериха ¹¹⁷. Так он шел, раскачиваясь из стороны в сторону, и в конце концов свалился в болото за Кайбуром. Там он живет и по сей день.

По представлению маринд-аним, в мире, помимо демонов и людей, имеются еще так называемые накари, принадлежащие

к свите демы. Большой частью накари представляются им в виде каких-то эльфо-подобных существ. В них воплощаются предметы, сами не являющиеся тотемами, но имеющие сколько-нибудь близкое отношение к тотемным животным или растениям, как, например, ящерицы и жуки, тесно связанные с пальмовым стволом, на котором они живут. Обычно накари повсюду сопровождают своего дему. Но есть также одно постоянное место, в котором они пребывают в обществе друг друга и которое недоступно для людей. Это место — Бравская роща.

БРАВСКАЯ РОЩА

У каждого демона есть свои накари. Это такие женщины или девушки, которые всегда сопровождают его. Иные из них бывают женами демонов, но часто накари очень малы, всего с палец ростом. Однако во всех случаях они необыкновенно красивы, и самые красивые из них живут в Бравской роще, у Йобарика.

Как-то в древности демон Арамемб бросил вверх свою палицу, и она раскаленным камнем упала в Браву¹¹⁸. С тех самых пор Бравская роща стала местом демонов и накари, и люди никогда не заходят туда, по крайней

мере — маринд-аним. Но чужеземцы, не считаясь с демонами, вырубали в Браве много бамбука для постройки своих домов.

Оскорбленный этим, демон Ваба, основатель тайного обряда, позвал Тик-дему¹¹⁹, и тот наслал на людей мор. Многие люди умерли, и некоторые деревни почти совсем опустели. Это должно было послужить людям предупреждением. Но чужеземцы по-прежнему нарушали покой Бравской роши и даже стреляли там из своих ружей. В наказание Ара-мемб по наущению Вабы сжег людям срамные члены, и снова появилось много больных¹²⁰.

И все же пиф-пафы не перестали грешить против демонов и накари из Бравы. Но над ними демоны не властны. Возможно, позднее наступит такое время, и тогда пиф-пафам никто, даже самые лучшие колдуны, не смогут ничем помочь.

На опушке Бравской роши мне повстречались две молодые женщины, собиравшие хворост. Одна из них отличалась удивительно светлой кожей и была одета в необычный передник из красной материи. При нашем приближении обе женщины поспешно скрылись в кустарнике. По твердому убеждению моих проводников, это были накари.

Очевидно, к накари же следует отнести и существо, о котором идет речь в следующем ниже сказании о змее на луке. Во всяком случае это не демон и не человек.

В то время, как предания маринд-аним в общем не имеют никакой видимой связи со сказками и легендами, распространенными от Западной Европы до Восточной Азии и островов Полинезии, а скорее прилегают к мифам аранда и других племен Центральной Австралии, в данном сказании, и только в нем, звучит известный европейско-азиатский мотив. Это мотив о девушке-лебедь, правда выступающей здесь в образе змеи.

ЗМЕЯ НА ЛУКЕ

Жил в деревне Урумб один мужчина. Он был хорошим охотником, но не имел жены. Однажды, возвратившись с охоты, он повесил свой лук на место, а сам пошел за хижину разделывать добытого кенгуру. Когда же он снова вошел в хижину, то увидел, что вокруг его лука обвилась какая-то змея. Мужчина попытался сбросить ее оттуда, но как он ни тряс лук, змея не спадала. Тогда он оставил ее в покое, повесил лук на прежнее место и пошел к друзьям — занять у них немного золы, чтобы приправить еду¹²¹.

Когда он вернулся обратно, площадка перед его хижинкой была так хорошо прибрана, как никогда раньше. Он не мог понять, чьих это рук дело, и опять отправился в деревню, чтобы выяснить, кто бы это мог быть. Но никто ничего не знал. Еще раз придя домой, мужчина обнаружил там уже зажаренного кенгуру. Удивленный, он сел и принялся за еду, а змея глядела на него и не двигалась.

Насытившись, мужчина встал и сделал вид, будто снова уходит в деревню. На самом же деле он никуда не пошел, а спрятался за хижинкой. Вскоре он увидел, как из хижины вышла красивая девушка и начала печь саговые лепешки. Заметив мужчину, девушка хотела было бежать. Но он крепко схватил ее, и девушка призналась, что она-то и есть змея.

Мужчина попросил девушку-змею остаться жить у него. Она согласилась и осталась, навсегда сохранив человеческий облик. А лук, вокруг которого она обвилась, будучи змеей, еще долго служил им: мужчина часто ходил с ним на охоту и добывал пищу для себя и своей жены.

К числу легенд, приуроченных к определенным местам, таким, как Хабе, Волиау, Белевил или Брера, в которых и по-

ныне пребывают демоны, относится также и неприязательная история о деме Кведьеле, восходящая к йе-нан. Она имеет лишь одну цель — объяснить наличие большого камня в русле Абтала, как называют у йе-нан верховье реки Маро.

Камень этот даже при низком уровне воды остается под поверхностью и потому представляет опасность для неосторожного пловца на однодеревке. Однако Кведьелю приписывают и те лодочные аварии, которые происходят в других местах реки, объясняя их тем, что пострадавшие когда-то задели запретный камень своими веслами.

Кроме всего прочего, весьма существенно то, что здесь, в стране, где почти не знают камней и где их наряду с головами причисляют к особо ценным трофеям, вообще имеется такая большая каменная глыба. Подобная диковина, конечно, не может быть не чем иным, как демой.

АБТАЛЬСКИЙ КАМЕНЬ

Вблизи деревни Квель в реке Абтал лежит большой камень. Проезжая здесь на лодках, люди должны быть особенно осторожны, чтобы невзначай не задеть его своими веслами. Иначе камень рассердится и тут же или позднее, но непременно опрокинет их лодку¹²².

Этот камень называется Кведьель. Когда-то он был совсем маленьким. Но он не желал, как другие камни, спокойно лежать на одном месте, забрался в лодку и поплыл в ней вверх по реке Абтал. Вдруг лодка перевернулась, и Кведьель упал в воду. Его понесло вниз, точно беременную женщину, и камню стало стыдно, ведь он как-никак был мужчиной. Тогда Кведьель спрятался под поверхностью реки.

Наконец ему наскучило лежать там, и он отважился снова выйти на землю. Кведьель выбрался на берег и улегся в лесу. Мимо проходили какие-то люди. Они заметили камень и решили сделать из него топоры. Но так как он был очень тяжел, люди временно оставили его на месте, думая прихватить камень на обратном пути.

Кведьель устыдился, что его увидели в таком безобразном виде, прыгнул в Абтал и опять скрылся под водой. По пути домой люди зашли за камнем, но не нашли его. И хотя любопытный Кведьель спросил у них из-под воды: «Кто вы такие?» они все-таки не смогли его отыскать.

С тех пор Кведьель так и остался лежать в Абтале.

Как легенда о Кведьеле, так и следующее за ней предание о сухопутном крокодиле содержат в себе известное зерно истины. Если не считать одного неправдоподобного утверждения, будто это животное убивает своих жертв хвостом, то создается впечатление, что здесь идет речь о гигантском варане, вроде варана из Комодо¹²³, и что вся эта история задумана как простое описание сухопутного крокодила, имеющее целью отличить его от обычного крокодила¹²⁴ и от всеобще известного «кадиху» (*Varanus indicus*). Вероятность существования гигантского варана в низовьях реки Биан тем более велика, что, помимо данного предания и независимо от него, об этом животном имеется еще сообщение одного миссионера из Окабы¹²⁵, видевшего своими глазами мясо сухопутного крокодила, а также свидетельство одного правительственного чиновника из Британской Новой Гвинеи¹²⁶. Правда, ни один из них не видал гигантского варана живым.

СУХОПУТНЫЙ КРОКОДИЛ

В лесах у устья Биана водится роу. С виду он очень похож на варана, только много крупнее его. Он такой большой, как взрослый крокодил. Но в отличие от крокодила роу никогда

не заходит в воду и постоянно живет в лесу. Поэтому многие называют его сухопутным крокодилом ¹²⁷.

И все-таки роу не настоящий крокодил: у него варанья пасть с острыми краями, без зубов, раздвоенный язык и руки, точно такие, как у варана или у человека. Выше по реке, где уже не растут мангровы и ниповые пальмы ¹²⁸, он не встречается.

Роу живет на высоких деревьях и прямо оттуда бросается на свою добычу, даже на казуаров и диких свиней. При этом он фыркает, как кошка ¹²⁹, каких привезли в страну чужеземцы, кричит человеческим голосом «оу-оу!», раздувает щеки и горловой мешок и высовывает язык.

Бывает, пойдут женщины в лес за хворостом, повесят на сучья корзинки с младенцами, как вдруг появляется роу и крадет ребенка, а потом съедает его.

Иногда он нападает даже на взрослых людей. Прыгнет неожиданно на спину, укусит в затылок и так глубоко вонзит свой острый хвост в спину жертвы, что он выйдет где-нибудь из груди или изо рта.

Вот как опасен роу. И оттого никто не ходит в этот лес в одиночку или без оружия.

Тот же, кому удастся убить роу, может радоваться, потому что его хвост очень вкусен, куда вкуснее, чем мясо варана или крокодила. Ведь и сам роу не такой, как они.

Правда и вымысел переплетаются также и в истории о деме, охраняющем саговые пальмы в Сангасе. По мнению маринд-аним, эта история, конечно, правдива от начала и до конца. Но и критически мыслящий европеец найдет в ней отзвук истинного события.

В 1928 году к деревне Овокле, расположенной к западу от Окабы, течением принесло мертвого кашалота. Он погиб, видимо, задолго до того, и когда его наконец выбросило с мелководья на берег, находился уже в состоянии полного разложения. Местные жители с удивлением разглядывали невиданное огромное существо, естественно принимая его за дему, ибо киты вследствие мелководья никогда не заплывают в те края. Яванский рыбак Ибрахим бин Сиди («Иблахим») тщетно пытался отыскать в трупке кашалота амбру. Из-за нестерпимой вони людям пришлось оставить Овокле, и некоторое время к умершему животному никто не подходил, пока вдруг из Сангасе не явились члены союза Имо совершить перед трупом кита свои торжественные церемонии. Позднее по распоряжению по-

мощника администратора амбонца Лебе-лаува часть костей кашалота была доставлена в Окабу и установлена перед зданием колониальной администрации. Еще в 1934 году там лежал спинной позвонок «демы — хранителя саговых пальм».

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЛОВАКА

Сыновья демона Маху были собаками. Из их кала возник демон Словак. Из-за такого происхождения его мало уважали, и он ушел к Сангасе, где поселился в маленькой речке Сангал. Там он стал охранять саговые пальмы, и это очень радовало жителей Сангасе.

Но прошло какое-то время и на саговые пальмы напали жуки-носороги¹³⁰, а сердцевина пальм начала портиться. Тогда жители Сангасе поняли, что Словак покинул Сангал, однако куда он девался, не знал никто.

Долгое время о нем не было ни слуху, ни духу. Мальчики стали юношами, потом мужчинами и стариками, потом умерли и их похоронили в прибрежных песчаных дюнах¹³¹, то же самое случилось с их детьми и внуками, а Словак все не возвращался.

Однажды, когда нынешние старики были еще молодыми и только что поженились¹³²,

на берегу у Овокле появилось какое-то чудовище. С виду оно походило на огромную рыбу, конечно не на простую, а на рыбу-демона. Поглядеть на странное существо пришли люди из всех прибрежных селений — из Велаба, Вамби, Окабы и других. Пришел туда и пифпаф Иблахим, который живет у устья Биана, где ловит и сушит рыбу.

Иблахим сказал, будто это существо — кит¹³³ и будто в нем скрыто нечто такое, что необыкновенно приятно пахнет и за что пифпафы могут дать много хороших вещей. Но существо уже давно умерло и так сильно воняло, что никто не пожелал искать в нем благовоние¹³⁴. Тогда Иблахим сам полез в вонючее мясо, но, конечно, ничего там не нашел. А потом от него так несло, что ему пришлось выбросить свой саронг¹³⁵ и долго бултыхаться в воде¹³⁶. Он очень рассердился и ушел.

Люди так и не знали, что за демон это гниющее на берегу чудовище. Да они и не могли о том догадаться, потому что все они принадлежали к культовому Союзу Майо¹³⁷.

Но вот о случившемся услышали жители Сангасе, принадлежащие к Союзу Имо, и тоже решили пойти посмотреть на чудесное существо. Они знали, что это не кто иной, как

давно исчезнувший и наконец возвратившийся Саловак. Полные надежд, жители Сангасе отправились в дальний путь вдоль побережья.

Все они были намазаны черной краской, натерты маслом, а их щеки украшены алыми пятнами, как это принято у людей из Союза Имо. Они несли с собой барабаны, но не били в них и шли молча, лишь изредка глухо выкрикивая: «Уму, уму!»

В Овокле они почтительно приблизились к исполинскому телу Саловака и сразу же поняли, что перенести эту огромную вонючую тушу обратно в Сангал невозможно. Тогда старейшины Имо попросили душу демона оставить тело и последовать за ними в Сангал. Тут они ударили в барабаны, запели и произнесли могучее заклинание, чтобы заставить душу Саловака пойти с ними. После этого они вместе с душой демона торжественным шагом, как шли сюда, направились обратно в Сангасе и к Сангалу.

Тело Саловака осталось лежать на берегу у Овокле. И пока оно совсем не сгнило, от него исходила такая жуткая вонь, что в деревне никто не мог жить. Когда от него остались только одни кости, старший из пиф-пафов велел принести их в Окабу и расставить там. Их

и теперь еще можно там видеть. Но от них чужеземцам нет проку, потому что душа Саловака давно находится в Сангале и снова охраняет саговые пальмы у Сангасе.

О яванском рыбаке Ибрахиме бин Сиди, который живет в свайном доме у устья Булаки и с помощью искусной ловушки малайского типа ловит там рыбу, а потом сушит и продает ее, соседние с ним маринд-аним рассказывают еще одну историю, также содержащую зерно истины.

РУЧНОЙ КРОКОДИЛ

По-анем Иблахим построил в Булаке большую ловушку, которой он ловит рыбу ¹³⁸. Он относит ее потом другим пиф-пафам. Те едят рыбу и дают за нее Иблахиму табак, ткани, ножи и вообще все, что он захочет ¹³⁹.

Когда Иблахим сооружал свою ловушку, было время отлива. Он отошел далеко от берега и стал забивать в глинистое дно бамбуковые колья. Пока он работал, начался прилив. Вода все прибывала и прибывала ¹⁴⁰, но Иблахим не обращал на это никакого внимания. Наконец течение подхватило его и понесло вверх по реке Булаке.

Иблахим очень испугался и позвал на помощь своего дему. Откуда ни возьмись появился большущий крокодил. Иблахим сел ему на спину, и крокодил отвез его на берег к самому дому. С тех пор этот крокодил каждый день приходит к Иблахиму, и тот кормит его большими рыбами.

Крокодила зовут Булака, так же, как и реку. Его можно видеть ежедневно во время отлива. И даже можно хорошо рассмотреть, потому что он не трогает людей. Но этот крокодил — не демон, а просто старый крокодил¹⁴¹, которого прислал Иблахиму его дема. Иблахимов дема — великий дема, так как он убил многих других демонов.

Основанием для создания этой истории послужила попытка мусульманина Ибрахима бин Сиди объяснить маринд-аним, что нет бога, кроме бога. Из этого они тотчас заключили, что «Иблахимов дема» большой охотник за головами, убивший других демонов. Пытаясь сделать свою проповедь более убедительной, Ибрахим уверял, будто однажды, когда его лодка перевернулась в Булаке, бог послал ему спасителя — крокодила, верхом на котором он и добрался до берега. Между прочим, этому поверили не только маринд-

аним, но и многие индонезийцы¹⁴², и Ибрахим прослыл среди них чуть ли не святым. Характерно, что рассказчик, один маринд-анем из Вамби, не хотел признавать в крокодиле Ибрахима хорошо известного крокодила-демона, так как вещи чужеземцев не могут соответствовать мифологии.

В приведенной выше истории верно и то, что яванец действительно в какой-то степени приручил к себе одного старого крокодила. Каждое утро во время отлива крокодил появляется вблизи ловушки, поедает брошенных ему Ибрахимом менее ценных рыб и снова уходит в воду¹⁴³.

Известную роль в мышлении маринд-аним начинают играть «пиф-пафы». Обычно это выходцы из Восточной Индонезии, которые прибыли в страну в качестве охотников за райскими птицами, но позднее, когда истратили все добытые этой охотой большие деньги, были вынуждены добывать средства к существованию каким-либо иным способом. После того как охота на райских птиц в целях их сохранения была запрещена¹⁴⁴, маринд-аним и их соседи немного отдохнули от чужеземцев, которые вплоть до первой мировой войны обходились с ними, как с рабами¹⁴⁵. Характерно, что индонезийцы называли раньше охоту на райских птиц «Perang ketjil», т. е. «маленькой войной». А у йе-

нан и теперь еще вместо выражения «люди пиф-паф» для обозначения чужеземцев употребляется слово «брмакр» («райская птица»), так как это было первым словом, которое они выучили.

Прежде всего чужеземцам не могут простить, что они заставляли мужчин служить им носильщиками, требовали у них жен и дочерей и отнимали продовольствие, ничего или почти ничего не давая взамен.

Беспокойство о собственном пропитании звучит в рассказе, сложенном в деревне Кумбе и изображающем странствующего великана Сосома, которому на востоке страны посвящен особый культ. Разумеется, этот рассказ предназначен для непосвященных и содержащиеся в нем выпады против чужеземцев относительно новы. Однако их нельзя не заметить.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ВЕЛИКАН

В верховьях реки Тораси ¹⁴⁶ живет великан Сосом. Время от времени он покидает свой край и отправляется к людям йе ¹⁴⁷, а потом дальше — на реку Кумбе. Там он подымается вверх по течению, идет к реке Маро и через земли мораури и людей канум снова возвращается домой ¹⁴⁸.

В лесу, где он побывал, впоследствии находят следы огромных ног. Как и следы демонаиста Оле, они перевернуты задом наперед. Кто не знает этого, пойдет по ним не в ту сторону. Каждый отпечаток ноги в глине почти равен росту двух мужчин, а так как Сосом переступает прямо через деревья, следы его расположены очень далеко друг от друга.

Спустя некоторое время какой-нибудь мужчина обычно обнаруживает в лесу место, приготовленное великаном для себя. Это корчевье с высоким столбом или таким же высоким помостом в середине.

В один прекрасный день оттуда доносится глухой гудящий голос великана ¹⁴⁹. Он служит знаком, по которому женщины и дети должны оставить деревню, а мужчины с подростками пойти на площадку Сосома. Если кто-нибудь явится туда без зова, Сосом убьет его.

Мужчины выкрикивают «Уму, уму!» и отправляются на площадку, где будет проходить торжество. Там они видят великана, свернувшегося клубком, точно спящая собака, вокруг столба или помоста. Только он не спит, а внимательно оглядывает каждого. Он не терпит мужчин, одетых не по старинке, и если заме-

тит вещи, полученные от пиф-пафов, то может очень рассердиться ¹⁵⁰.

Однажды Сосом пришел к Кумбе, и когда к нему явился деревенский староста ¹⁵¹ в одежде пиф-пафов, великан разгневался и закричал на него: «Ты почему одет не по-мариндски?» — «Я староста деревни, и это платье дали мне пиф-пафы». — «Что это за люди?» — «Пиф-пафы уже давно живут в нашей стране. Среди них есть и хорошие и плохие. Одни из них коричневые, а другие красные» ¹⁵².

Тогда Сосом покачал головой и спросил: «Отчего же это пиф-пафы светлее людей маринд?» — «Вероятно, от частого купания ¹⁵³», — отвечал староста. — «Йойо! Это, наверно, так!» — сказал великан и посмотрел на еду, которую принесли ему жители Кумбе.

Сосом очень любит поесть и поглощает неизмеримо много пищи. Он засовывает в рот сразу целый куст банана, а стебли вати съедает, вместо того чтобы выжевывать из них напиток, как это делают люди. Но он может есть только мариндскую пищу — мясо свиней, кенгуру и казуаров, саговую муку, бананы, ямс, клубни таро и рыбу.

Поэтому он очень рассердился, когда увидел, что мандур ¹⁵⁴, заместитель старосты, при-

нес ему рис. Он спросил: «Что это за еда?» — «Это рис», — ответил мандур. — «Но это же не мариндская пища!» — сердито воскликнул Сосом.

Мандур объяснил ему, что рис — еда коричневых пиф-пафов, и рассказал, чем еще питаются чужеземцы.

Сосом поглядел на горшок, в котором лежал рис, и пожелал узнать, что это такое, потому что никогда не видал железа.

Мандур сказал: «Это железный горшок» и перечислил другие железные вещи, привезенные в страну пиф-пафами.

Многие из новых хороших вещей, кажется, понравились Сосому, и он пробурчал уже не так сердито: «Йойо, если так, то пиф-пафы могут оставаться¹⁵⁵. Но будьте настороже, чтобы они не отобрали у вас еду!¹⁵⁶»

Сосом и вправду не любит чужеземцев, и если они станут в тягость маринд-аним и их соседям, он призовет духов умерших. Те явятся из Кондо-мирава и, как только увидят мариндского мужчину в одежде пиф-пафа, сразу же превратят его в камень или в рыбу¹⁵⁷.

В приведенном рассказе явно чувствуется враждебное отношение к чужеземцам, и, по-видимому, именно этому

обязан культ Сосома своим широким распространением в период между двумя мировыми войнами. Однако сам культ существует уже давно, что хорошо видно из следующего ниже рассказа о празднике совершеннолетия молодых людей, где Сосом — главное действующее лицо.

ПОЖИРАТЕЛЬ МАЛЬЧИКОВ

Едва зазвучит голос Сосома, женщины и дети покидают деревню. Следом за ними уходят и бураны ¹⁵⁸. Мужчины, знающие Сосома, подзывают больших мальчиков и вместе с ними отправляются на площадку великана. Но мальчики очень его боятся. Идя к Сосому, мужчины не надевают никакой одежды и украшений, кроме головных уборов из перьев казуара. Мальчики идут к нему совсем голые.

Всю ночь на площадке великана раздается пение. Но там не поют новых нгатси, а только те песни, которые похожи на этор людей канум. Их называют бандра ¹⁵⁹. Когда певцы устают, слышится гудящий голос Сосома ¹⁶⁰. Они пугаются и поют дальше. Едят же мужчины то, что оставляет им великан.

Наконец песни умолкают. Тогда является Сосом, лежавший до того у своего столба,

и одного за другим забирает мальчиков. В то время как он пожирает второго, первый уже выходит из его заднего прохода. И так продолжается до тех пор, пока великан не сожрет и не пропустит через себя всех мальчиков. В теле Сосома мальчики становятся юношами ¹⁶¹, и когда они после праздника возвращаются домой, то уже надевают юношеские украшения. Молодые люди, ставшие людьми Сосома, имеют право видеть деревянную гуделку, из которой исходит голос великана ¹⁶². Но если ее увидит тот, кто не прошел через тело Сосома, его убивают.

Так как люди Сосома выходят из его заднего прохода, они меж собой называют великана топ-анем («человек заднего прохода»). Его зовут так еще и потому, что вновь посвященные делаются женами Сосома ¹⁶³. Но это бывает только во время первого торжества.

После праздника Сосома справляют свиной праздник, как было в последний раз в Ндаманде ¹⁶⁴. И на нем пляшут под звуки ручных барабанов. А на собственном торжестве Сосома в барабаны не бьют и не танцуют, а только сидят и поют.

Когда Сосом явился в Бад ¹⁶⁵, живший там учитель ¹⁶⁶ запретил мальчикам идти на празд-

ник великана. Но мальчики так боялись Сосома, что все-таки пошли к нему вслед за мужчинами. И только один из них остался в деревне с учителем.

Послушные мальчики возвратились от Сосома юношами. А непослушный так и остался навсегда мальчиком. Сосом сожрал его жизненную силу¹⁶⁷. Правда, с виду он походил на обыкновенного живого человека: он и двигался и разговаривал. Но это был только живой труп. Никто в Баде не хотел больше иметь с ним дело. И потому учитель отослал его в Эрмасук¹⁶⁸. Самого же учителя Сосом наказать не мог, так как над пиф-пафами он не властен.

В последнем случае особенно примечательно то, что из-за уважения к учителю никто не причинил строптивому молодому человеку никаких телесных повреждений. Раньше его, несомненно, убили бы. Все уверения учителя, что юноша находится в полном здравии, оказались напрасными. «Он мертв», — упрямо отвечали ему. Вера в силу Сосома была сильнее очевидных фактов.

Все пережитое в сновидениях маринданим также считают вполне реальным. И если они встретят какого-нибудь знакомого человека, смерть которого видели во

сне, и удостоверятся, что он жив, то признают его воскресшим. Это представляется им более вероятным, чем то, что они во сне видели призрак. Они твердо убеждены в правильности своих взглядов и не могут понять чужеземцев, которые сомневаются в показаниях честного человека. Так, однажды в Окабу явился один маринд-анем с девочкой-подростком на руках и пожаловался чиновнику администрации, амбонцу, что сосед убил и съел его дочь. При этом он показал девочку и сказал: «Вот она, моя мертвая дочь». Ссылки амбонца на то, что девочка выглядит совершенно живой и здоровой, не произвели на него никакого впечатления. «Я сам видел, как он выел у нее внутреннее мясо,— утверждал жалобщик,— и теперь она мертвая». Он был возмущен, что, несмотря на его сон, тут же не схватили и не наказали соседа, и усомнился в справедливости чиновника, не пожелавшего помочь ему в совершении мести. Сам же он, однако, из-за близости властей не отважился убить соседа. Что касается девочки, то вскоре после своей мнимой смерти она, кажется, снова ожила.

РАССКАЗЫ ОХОТНИКОВ
ЗА ГОЛОВАМИ

У маринд-аним есть пословица, которая ясно показывает, что охота за людьми ведется ими не ради человеческого мяса. Согласно их представлениям, она необходима для сохранения самого народа. Пословица гласит: «Отив па-игис — отив хон-а-хон». Это означает: «Много имен, добытых в охоте за головами (буквально: черепных имен) — много маленьких детей».

Чтобы иметь возможность дать ребенку имя, требуется череп и имя убитого. В Окабе одну девушку называли Игису — «Безымянная», так как в свое время, раздобыв для нее череп, не принесли с ним имени жертвы. Возвращаясь домой, охотники за головами все время повторяют про себя имя убитого.

В наше время охота за черепами в прибрежной области уже не ведется, но внутри страны она, видимо, практикуется и до сих пор. Охотничьей вылазке предшествует продолжающееся в течение нескольких ночей кряду пение возбуждающих песен, которое приводит мужчин в соответ-

ствующее расположение духа. Иногда пение сопровождается игрой на флейтах, а йе-нан обходятся и ей одной. Так как эти песни не могут исполняться, если за ними не следует охота за головами, то их почти невозможно услышать. Те же мелодии, которые я слышал у йе-нан и которые так воодушевляли их мужчин, мне, во всяком случае, показались печальными и тоскливыми.

Окончив эти приготовления и захватив с собой необходимое оружие и запас саговой муки, мужчины выступают в боевой поход. Каждый имеет при себе запасные тетивы для лука и много бамбуковых ножей, могущих служить также наконечниками для стрел. После многодневного марша через леса и болота охотники за головами на рассвете подкрадываются к деревне, на которую собираются напасть.

Тут каждый мажет себе лицо белым, чтобы в пылу схватки свои по ошибке не приняли его за врага. Затем охотники с криком врываются в деревню и нападают на не успевших опомниться жителей. При этом стараются схватить взрослых людей живыми. Двое воинов крепко держат пленника, а третий подходит к нему спереди и спрашивает его имя и прозвища, чтобы принести домой как можно больше трофейных имен для своих детей. Потом идет в дело бамбуковый нож. С добытыми голо-

вами, прихватив с собой маленьких детей убитых (этих детей впоследствии усыновляют), охотники поспешно отправляются в обратный путь.

По представлениям маринд-аним и их соседей, между земным и потусторонним миром нет резкой границы. Как демоны, почитающиеся предками, повсюду оставили следы своей деятельности, так и мертвые продолжают оказывать влияние на живущих. Черепа убитых врагов излучают таинственные силы, которые, как думают, нужны для процветания общины. А благо общины превыше всего, и перед ним отступает всякое уважение к людям из чужих племен. Отсюда и проистекает непостижимая на первый взгляд беспощадность маринд-аним к своим жертвам. Из людей, которые готовы пожертвовать собой ради интересов общины и которые образцово ведут себя по отношению друг к другу, являются примерными отцами семейств и отличными сыновьями, они вдруг становятся кровожадными убийцами, расправляющимися с невинными и без колебаний поедающими себе подобных, даже не считая это за преступление.

С каннибализмом это не имеет ничего общего. Правда, убив врага, маринд-аним съедают его, если могут. Но людоедство никогда не служит побудительной причиной убийства.

Основным местом, куда маринд-аним совершают свои вылазки за человеческими головами, является область верхнего течения Дигула.

То, что жестокость и доброта имеют одни и те же корни, доказывает история старого Дадабая из Докиба, у которого один за другим умерло двое взрослых сыновей. Однажды он увидел своих сыновей во сне. Что он после этого должен был, по его мнению, предпринять, рассказал сам Дадабай.

МЕСТЬ ДАДАБАЯ

ба мои сына были еще совсем молодыми¹ и очень хорошими людьми. Один из них, старший, уже имел сына в возрасте патур². Но вот кто-то околдовал его. Он тяжело заболел и, прежде чем появился новый месяц, умер. Мы сделали из него песочного человека³, а сами

надели траурные наряды⁴. Когда мы еще носили их и до поминок⁵ было далеко, кто-то околдовал моего второго сына, и он тоже умер.

Я очень горевал и все время думал, кто бы это мог их околдовать. Однажды ночью ко мне явились души моих сыновей. Вдруг к ним подошел Имоан из Вамала, подлый мезав-анем, камбала-анем⁶, и укусил их в локоть. Он высосал у них внутреннее мясо, и они погибли.

На следующее утро я взял свою палицу и отправился в Вамал. Переплыл на лодке реку, остановился у самой деревни и позвал Имоана. Он подошел ко мне с таким видом, будто не сделал ничего дурного. Тут я ударил его палицей по голове и убил. Потом я опять сел в свою лодку и довольный поплыл обратно. Люди из Вамала отнесли Имоана в деревню, но преследовать меня не стали⁷.

В Докибе все сказали, что я поступил правильно. Но вскоре пришли полиси-аним⁸ и отвели меня в Эрмасук, в Буи⁹. Однако туан Донтол¹⁰ сказал, что я старик, и велел поместить меня не в Буи, а в больницу. Здесь очень даже хорошо, но мне все-таки хотелось бы вернуться в Докиб. Почему мне этого не разрешают? Я же не сделал ничего плохого.

Ведь любой отец обязан отомстить колдуну, убившему его сыновей.

Вскоре после этой истории Дадабай умер, так и не успев вернуться в родную деревню. Правда, там вряд ли его ждал хороший прием. Жители Докиба и их соседи из деревни Йовид после ошеломляющей победы хилого Дадабая над сильным Имоаном заподозрили старика в колдовстве и начали бояться его возвращения. Между тем Дадабай был весьма добродушным человеком и сделал только то, что почитал своим отцовским долгом.

Тюрьму маринд-аним и их соседи не считают позором. В нее очень легко попасть, сделав что-либо, что противоречит законам чужеземцев, но что по туземным обычаям вполне дозволено или даже необходимо.

Так, например, считается, что при рождении двойни второй ребенок — дема и его надо убить, ибо демонов достаточно и без того. Когда в 1933 году в Йовиде у одной женщины, по имени Вепиб, родилась двойня, ее муж, Дево, так и поступил. И они оба были крайне удивлены, что угодили в тюрьму: ведь они спасли мир от лишнего злого демона и, по их мнению, заслуживали только похвалы.

Некий Кебан, прославившийся в племени маклеуга как охотник за человеческими головами, был преисполнен чувства собственного достоинства, и ему даже в голову не приходило, что пребывание в тюрьме является наказанием. Скорее он был польщен своим заключением и долгое время после освобождения с гордостью рассказывал о нем в родной деревне Вельбути.

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

Мы, маклеуга, всегда отличались храбростью¹¹. Правда, когда мой дед был еще молодым, на нас иногда нападали люди Имо из деревень Сангасе и Алатепе. Но потом они стали нас очень бояться и больше не показывались¹².

Мы добывали много голов, большей частью у маринд-аним с Эли́ и Булаки, пока они не сделались нашими друзьями, как ябга. Еще мы доставали головы у дигул-аним¹³, пока они от страха перед нами не перебрались в Имаху́. Там они поселились с маринд-аним¹⁴ и потому тоже оказались нашими друзьями. Но не могли же мы обходиться без голов, иначе что стало бы с нашими детьми?

Тогда Миту¹⁵ сказал, надо пойти за голо-

вами к сохурам¹⁶. Их все очень боятся, потому что они сами отличные охотники за головами. Но мы не испугались и жители деревни Накеас тоже. Вот мы и отправились в Мабур¹⁷. Однако там люди проснулись слишком рано, еще до того как мы напали на них. И они убили сына Миту и многих других маклеуга.

Тогда мы пошли в Имохи¹⁸, и старый Казима, который живет там и является нашим другом, посоветовал нам позвать полиси-аним из Окабы и сказать им, что негодные сохуры убили сына Миту и других людей. Полиси-аним пришли с нами в Мабур, но сохуры уже скрылись, и мы нашли там только кости наших друзей.

Туан, пришедший с полиси-аним¹⁹, не захотел преследовать беглецов и вместе с нами вернулся в Имохи. Он отослал многих маклеуга домой в Вельбути, а мне, Миту, Экеду и Сипале из Накеаса сказал, что хочет познакомиться с нами поближе, так как мы большие охотники за головами. Мы очень обрадовались и пошли с ним в Окабу, а потом на большой лодке²⁰ поплыли в Эрмасук. Полиси-аним на всем пути были с нами очень приветливы²¹.

В Эрмасуке старший туан устроил собрание и спросил нас, как проходила охота за головами²². Потом он велел отвести нас жить в Буи. Некоторые полиси-аним говорили еще, ее надо называть не Буи, а Секола²³.

Туаны отнеслись к нам по-дружески, и в Буи было очень хорошо. Они знали, как подбаивать принимать больших охотников за головами. Это был очень красивый дом с крышей из железа, и туда ни разу не проходил дождь, как это бывает в Вельбути. Каждый день нас кормили рисом. Он намного вкуснее саговой муки²⁴. Когда прошло несколько дней, мы получили еще и табак, и с тех пор у нас всегда было, что жевать. Дома мы этого не имели. Кроме того, полиси-аним дали нам по красивому куску ткани, чтобы мы обвязались²⁵. Они только не разрешали разводить по ночам огонь, и оттого нам было немного холодно спать. Но все-таки они поступали правильно, потому что пол в Буи был не земляной, а деревянный, и если бы мы развели там спальный огонь, красивый дом, вероятно, сгорел бы и его было бы жаль.

В Буи жили еще и другие гости, главным образом маринд-аним, а также несколько людей канум и йе. Все они были большими охот-

никами за головами или знаменитыми колдунами, и всех их пригласил туда старший туан. Каждый из нас получил большой нож²⁶, каких мы еще никогда не имели. Он был необыкновенно хорош и очень удобен для отсекания голов, куда удобнее, чем бамбуковый. Полисианим сказали нам, что мы должны срезать им траву на улице. А улица там широкая, как много наших дорог вместе²⁷, и по краям ее росла трава, в середине же — ничего, как и на наших дорогах. Мы пошли и срезали траву, потому что тот, кого так хорошо принимают, должен и сам сделать что-либо приятное гостеприимному хозяину!

Рассказ Кебана о тюрьме и мелком человеческом тщеславии пойманных охотников за головами не дает, однако, достаточно ясного представления о том, что поход против сохуров был прежде всего ужасным и опасным предприятием. Значительно отчетливее обнаруживается это в рассказе, который поведал мне Экед²⁸.

ПОХОД НА МАБУР

Сохуры — очень плохие люди. Ты знаешь: недавно они напали на марииндскую деревню Амк²⁹. Сохуры забирают не только головы

своих врагов, но вообще всего человека и целиком поедают его, оставляя только внутренности. Больше всего они любят есть мозг и высасывать костный жир из нижней челюсти. И когда они возвращаются домой с охоты за головами, все уже съедено. С собой они приносят одни лишь черепа³⁰. А кости, которые другие люди зарывают у своих палм, чтобы те лучше плодоносили, они просто выбрасывают. И когда они отсекают голову, то не спрашивают имени, как это делаем мы. Они думают, для детей достаточно одних черепов, но это совсем неверно! Мы же приносим домой и черепа и имена убитых³¹.

Все люди боятся сохуров, только маклеуга их не боятся³². Мы почти всегда ходили в Мабур и в Лолому³³. Это наши главные места охоты за головами. И раньше у нас в Вельбути имелось столько черепов, сколько у человека пальцев на руках и ногах³⁴. Некоторые из этих черепов мы добыли у людей озэр, которые потом стали нашими друзьями, некоторые — у охотников за райскими птицами, но большинство из них были черепами сохуров. Этого нет ни в какой другой деревне, потому что никто, кроме нас, не осмеливается нападать на них.

Есть люди, которые знают много языков и потому могут ходить из одного племени в другое без всякого вреда для себя³⁵. Такой человек Аду, а раньше был еще и Буме³⁶. Это хорошо, что бывают такие люди. Благодаря им мы достаем красную земляную краску и узнаем, что делается в других племенах.

И вот однажды в Мабуре сохуры убили одного такого человека, нашего друга³⁷. Миту рассердился, потому что это было очень несправедливо и потому что он сам очень его любил. Он сказал, мы должны отправиться в Мабур и из мести добыть там сохурский череп. Кебан согласился с ним, и многие мужчины тоже поддержали его. Но нас было недостаточно, и потому мы сначала направились в Кивалан, к маринд-аним. Однако те не желали идти с нами, так как боялись сохуров. Тогда мы пошли в Накеас и спросили там мужчин, не хотят ли они присоединиться к нам. В Накеасе живет наш друг Сипале, и он, а с ним и многие другие молодые люди согласились пойти с нами на Мабур. Так у нас набралось очень много воинов³⁸.

Мы взяли наши луки, много стрел, тетиву, бамбуковые ножи, хороший запас саговой му-

ки, сели в однодеревки и поплыли через большое болото. В Бобаре и Тсуду́ мы поспали, а потом пришли в Ваб, где живут люди озэр. Они, верно, подумали, что мы собираемся на них напасть, и убежали. Но их лодки оказались на месте. Мы срубили саговые пальмы озэр и велели нашим женщинам³⁹ приготовить побольше муки для боевого похода. Затем отослали домой женщин с несколькими старыми мужчинами, а сами ночью на озэрских лодках переправились через Дигул. У деревни Ваб он так широк, как Мули⁴⁰, но все же нас никто не заметил.

Дальше мы пробирались лесом и, чтобы не выдать себя, за весь день ни разу не развели огня. Так мы добрались до Мабура и на рассвете со всех сторон окружили деревню. Она состояла из нескольких небольших домов, расположенных на высоких деревьях; в таких домах обычно живут дигульцы и сохуры. Кроме того, внизу стоял большой дом для многих людей. В Мабуре все еще спали. Мы вымазали себе лица белой краской, чтобы в бою можно было узнать друг друга, и стали ждать, пока в лесу не закричит первый бегонский голубь⁴¹. По его крику мы все сразу должны были напасть на деревню.

Но голуби молчали, и пока что проснулся какой-то сохур, которому понадобилось сходить по нужде⁴². Он шел из деревни сквозь высокую траву совсем один, и когда это увидел юноша Маге, он не смог совладать с собой и проткнул сохура охотничьим копьем. Мужчина громко вскрикнул и умер, прежде чем Маге успел узнать его имя. Тогда юноша быстро отрезал ему голову.

Между тем проснулись и выбежали из домов другие сохуры. Они размахивали своими щитами и длинными копьями с зубчатыми наконечниками. У некоторых были луки или кинжалы из нижней челюсти крокодила⁴³. Но вот они побросали свои щиты⁴⁴ и кинулись на нас. Одного мужчину из Накеаса сохуры закололи копьем. Потом один из них выстрелил из лука в сына Миту, и тот упал. Миту в ответ пустил стрелу в убийцу своего сына, но только ранил его в ногу.

Нам пришлось бежать. Сохуры своими деревянными трубами подняли тревогу, и к ним на помощь прибывали все новые и новые воины. Они бросились за нами в лес. Веленг, Мели, Маге, Байгау и еще один мужчина из Накеаса были убиты ими, а вечером сохуры застрелили еще старого Ивора. Но тут совсем

стемнело, и они отстали от нас. Мы не смогли забрать ни одного из наших убитых товарищей и были рады, когда сами, наконец, снова очутились в деревне Ваб.

Там мы отыскивали спрятанные нами лодки, и затем через Тсуду и Бобар опять пришли в Накеас — без черепов и без захваченных детей.

Накеасские жители очень горевали об утрате двух своих земляков. Но еще больше скорбел Миту, потому что он сильно любил своего сына и не мог его даже похоронить.

Путь из Накеаса в Вельбути лежит через Кивалан. А киваланцы, особенно Пангапу⁴⁵, предостерегали нас от похода на Мабур и отказались идти с нами. Мы боялись, что теперь они нас засмеют, и стыдились встречаться с ними⁴⁶. Поэтому мы пошли в Пуэпэ⁴⁷, чтобы потом через привалы Пхибхиб и Апель возвратиться в Вельбути.

В Пуэпэ живет наш друг, старый Казима. Мы попросили его, чтобы он со своими друзьями помог нам совершить новый поход на Мабур и отомстить за погибших товарищей. Но Казима сказал, что никак не может этого сделать, потому что тогда наверняка явятся полиси-аним и сожгут Пуэпэ. Однако, доба-

вил он, мы сами могли бы сходить в Окабу и заявить полиси-аним, что сохуры убили так много людей из Вельбути и Накеаса. Тогда, наверно, они сами пойдут с нами в Мабур, и так как у полиси-аним есть ружья, мы легко победим сохуров.

Совет Казимы нам понравился, и мы с Кебаном, Сипале и Миту, который все еще очень горевал, отправились в Окабу. По пути на нас косо поглядывали ати-аним из деревень Йомоб и Явиму, потому что мы не дружим с ними, как с ямули-аним⁴⁸. Но все же мы благополучно добрались до Окабы.

Хозяин полиси-аним велел им взять свои ружья и большой запас риса, и вскоре мы вместе с ними пришли в Пуэпэ. Там уже многие мужчины приготовились сопровождать нас в Мабур, так как думали, что совместно с пиф-пафами будет нетрудно добыть головы сохуров. В числе других собрался пойти туда и озэр-анем Буме, тот самый, что знал много языков. Дорога нам тоже была уже известна.

Итак, мы снова подошли к Дигулу и переправились через него у деревни Ваб. На другой стороне реки нам неожиданно повстречалось много сохуров из Лоломы, которые в

однодеревках возвращались с охоты за головами от людей озэр. Хозяин полиси-аним крикнул им, чтобы они остановились, а Буме перевел его слова. Но сохуры в ответ только громко закричали и презрительно замахали своими щитами и копьями, а женщины, что были с ними, неистово забарабанили в борта лодок.

Тогда полиси-аним стали стрелять, и лодомцы бежали. В лесу мы нашли одного из них, раненого. Но тот сказал, что он вовсе не сохур, а озэр. И потому мы не могли взять его голову.

Миту и Буме повели полиси-аним и людей из Имохи в Мабур. Но оттуда уже все сбегали. Мы обнаружили там лишь свежие могилы и несколько разбросанных костей, с которых сохуры обглодали все мясо. Хозяин полиси-аним велел раскопать могилы, однако черепов в них не оказалось. Не было их и в домах. Очевидно, сохуры, убегая, забрали их с собой. Но в одном из домов Миту нашел защитный наручник⁴⁹ своего сына, и теперь он знал, что сохуры прикончили его и съели.

Деревню мы сожгли, но преследовать сохуров дальше хозяин полиси-аним не захо-

тел, и нам пришлось ни с чем вернуться обратно.

Из Пуэпэ меня, Кебана, Миту и Сипале полиси-аним взяли с собой в Эрмасук, где мы много месяцев провели в Буи. Миту все еще хранит у себя наручник своего сына и, когда он смотрит на него, делается печальным и злым.

Буме, бывший нашим проводником, больше ни разу не осмеливался ходить к сохурам. Но Аду однажды побывал у них, и они сказали ему, что если к ним снова придут полиси-аним, они всех их перебьют. И все же мы должны будем еще раз сходить с ними туда, а если полиси-аним не захотят, мы пойдем сами. Мы не потерпим, чтобы в домах сохуров оставались черепа маклеуга! Все боятся сохуров, но мы все равно еще отомстим им⁵⁰.

К сожалению, рассказ Экеда не выдуман, а основан на подлинных фактах, которые были подтверждены также служащими администрации и полицейскими и могут быть еще дополнены показаниями Сипале из Накеаса и Казимы из Пуэпэ⁵¹. Согласно всем этим данным, описанное событие произошло в 1927 году.

Насколько важны добытые черепа для

тех, кому присваивают имена убитых, видно из рассказа о похоронах мужчины, принадлежащего к Союзу Майо. Такой обряд совершался ранее в деревнях, расположенных к западу от Окабы.

БАКЛАН И ЧЕРЕП

Когда умирал мужчина из Союза Майо, его, как и других людей, быстро зарывали в землю. Потом товарищи по Союзу ждали, пока пройдет столько дней, сколько у человека пальцев⁵², и тем временем строили возле деревни небольшую хижину. Другие в это время приводили в порядок обрядовые маски⁵³.

Затем из мужского дома приносили череп, который был добыт для умершего еще в бытность его младенцем. Череп клали на открытую площадку, а в хижину входил бакландемон⁵⁴. Он забирался в нее с самого утра и долго сидел там, то и дело вскакивая и беспокойно перебегая с места на место.

На площадке стояли другие демоны — аист и несколько собак — и держали под мышками пестрые пучки кротоновых листьев. А вокруг них стояли люди Майо.

Баклан то вскакивал, то снова на некоторое время успокаивался. И так продолжалось до полудня.

Тут на площадку выходило двое галиносецев. На головах и плечах они несли два гали — огромных побеленных известью полукруга из легкой сердцевины черенков саговой пальмы.

Едва появлялись галиносы, из хижины выскакивал баклан, подбегал к черепу и, схватив его обеими руками, бежал прочь. При этом он расставлял локти в стороны, так что его руки делались похожими на крылья. Убегая, он кричал, как птица: «Ко-ко-ко».

Галиносы замирали на месте. А аист, качиваясь и махая крыльями — он тоже выставлял в стороны локти, — шел к баклану. За ним, разгребая землю, следовали собаки. Тогда галиносы ударяли в свои ручные барабаны и медленно направлялись вслед за демонами.

Это служило для молодых людей⁵⁵ знаком — броситься на баклана и отобрать у него череп прежде, чем то успеют сделать демоны. Потом они со всех ног убегали с ним в лес. Там они зарывали череп в землю, чтобы

отныне было похоронено не только тело умершего, но и его черепное имя.

Гнаться за молодыми людьми в лес демоны не могли, потому что им мешали большие маски. Аист и собаки поворачивали обратно, а следом за ними медленно возвращались на площадку Майо и галиносцы. Они шли медленно, так как гали, которые они несли, были очень велики.

Все люди Майо, стоявшие у хижины баклана, хорошо знали, что означало появление галиносцев: если их было двое, то на торжественной площадке убивали для демонов двух непосвященных. Если же являлся только один, то приносили лишь одну жертву. А если приходило три⁵⁶ галиносца, тогда убивали трех человек.

Позднее по-аним решили, что охота за головами — плохое дело, и мы стали прятать от них добытые черепа. Жизненную силу из голов люди Майо колдовством переносили в кокосовые орехи, и таким образом нам все-таки удавалось незаметно для по-аним хоронить черепные имена.

Несколько по-иному относятся к черепам пресловутые сохуры. У них после торжеств по поводу успешного возвращения

воинов с охоты за головами трофейные черепа больше не играют такой существенной роли, как у маринд-аним или их соседей, и на первом плане стоят заботливо охраняемые черепа собственных предков. Но и сохуры считают охоту за головами необходимой, когда собирается жениться молодой человек или когда в доме устанавливают череп предка. Истинными виновниками этого являются прежде всего женщины, которые и посылают своих мужей и сыновей на добычу черепов, потому что у сохуров в отличие от других племен господствует материнское право⁵⁷.

По той же причине принял участие в охоте за головами и юный Генемо из сохурской группы энемур⁵⁸. Позднее, находясь в мераукской тюрьме, он поведал свою историю, однако при этом, из боязни быть осмеянными товарищами по заключению, умолчал о ведущей роли сохурских женщин.

ИСТОРИЯ ГЕНЕМО

Старые мужчины из моей родной деревни Обамена условились с людьми из других энемурских деревень, что мы снова пойдем на охоту за головами. Мужчины из Когоира и Ванггайму также присоединились к нам. Как

раз кончалась пора дождей, и это казалось нам особенно удобным, так как еще можно было легко переправиться через большое болото на лодках.

Мы поплыли вниз по Обахе, потом по Мапи, до ее устья, вышли в Каваргу⁵⁹ и наконец в Або⁶⁰ и ночью миновали деревню Ваб так, что никто из озэр нас не увидел. Возможно, они сбежали, но если они и оставались в Вабе, то все равно не заметили бы нас, потому что мы были на другой стороне⁶¹ Або, вели себя совсем тихо и не разводили огня.

Потом мы проплыли еще большой кусок вверх по Або, спрятали наши лодки и через лес и болото пошли к деревне Амк. Это мы сделали уже ночью, чтобы нас не могли увидеть маринд-аним, а особенно остерегались мы встречи с жителями Имаху⁶².

Рано утром мы подошли к Амку и окружили деревню. Мы заранее условились ни в коем случае не трогать учителя, потому что он — по-анем и из-за него могут быть большие неприятности. Но мариндских голов мы хотели добыть как можно больше⁶³. Ведь и самих нас было очень много: Гаен, Вейт, Обоньемо, Аваморгай, Муйебо и Адай — из

энемуров, Геймаф и Додам — из Ванггайму, и многие другие.

Все шло прекрасно. Мы напали на жителей Амка, когда они еще спали, и многих из них убили своими копьями, а потом отрезали у убитых головы⁶⁴. Кроме того, мы забрали у них детей. Наконец жители Амка опомнились и стали защищаться. Тогда мы отошли, прихватив с собой оружие убитых врагов⁶⁵. Когда мы снова собрались в лесу, оказалось, что у нас нет ни одного убитого или раненого. Мы потеряли только два щита — один в Амке, а другой на спуске к реке Кейп. Люди из Амка не посмели преследовать нас, и мы были рады, что добыли черепа, никого не потеряли и не тащили за собой раненых.

Маленькие дети, захваченные нами в Амке, также были очень милы, и женатые мужчины с радостью думали о том мгновении, когда они смогут передать их своим женам⁶⁶. И только одна девочка не годилась уже для удочерения. Она была в возрасте хомбог⁶⁷ и всю дорогу непрерывно плакала и звала родителей. Мы уже добрались до Або, а она все еще упиралась и кричала. Тогда мужчина, взявший девочку, рассердился и заколол ее.

Так как прошло уже два дня и мы думали, что находимся в безопасности, то сделали привал и стали есть девочку с саговой мукой. Вдруг все вскочили и разбежались. Оказалось, пришли чужеземцы⁶⁸. Всем нашим удалось спастись, но меня они поймали и повели с собой.

Сперва чужеземцы пошли со мной к эпемуррам и в Когоир. Никого из сохуров там не было, и потому чужеземцы забрали только черепа⁶⁹. А еще они взяли оружие, которое мы добыли в Амке,— лук со стрелами и чудесный железный топор, какие делают чужеземцы⁷⁰.

Потом они повели меня в Ваб, Тсуду и Бобар и через большое болото в Мохмон⁷¹. Оттуда мы пошли в Имохи, и конечно, если б не чужеземцы, меня там убили бы. И в Вапе, и в Явиму тоже все люди были на меня злы, хотя я не сделал им ничего плохого. Напоследок мне пришлось пойти с чужеземцами в Анау⁷², а потом в Окабу, и все это время я должен был носить их еду. И мне ни разу не позволили сходить в лес одному, даже когда этого требовали мои кишки⁷³. Из Окабы мы на большой лодке поплыли в Эрмасук, и тут меня поместили в Буи.

Чужеземцы сказали мне, когда наступит новый месяц, я могу уйти домой. Но у меня не хватит на это смелости. Ведь по пути маринд-аним непременно убьют меня, как только заметят, что я сохур.

Можно было бы думать, что этот Генемо, который ни одним словом не выразил сожаления по поводу своего участия в каннибальской трапезе, какой-то особенно жестокий человек. На самом же деле это был скромный и услужливый мужчина, отличавшийся приветливым и веселым нравом.

Конечно, в глубине души он все-таки чувствовал некоторое превосходство над своими товарищами по заключению, ибо они были «всего лишь» маринд-аним.

После освобождения из тюрьмы Генемо ни за что на свете не пожелал идти через их область. Он отказался также от предложения отправиться вместе с одним миссионером к проливу Принцессы Марианны, к мирным йильмекам, чтобы потом от них с кем-либо из признанных у сохуров переводчиков и посредников — озэром Нгапе или его сыном Йери из Валави — попытаться вернуться к себе домой. Возможно, он опасался, что йильмеки как друзья маринд-аним будут считать его своим врагом, а может быть, его уже не привлекала

перспектива возвращения к строгим матриархальным обычаям. Так или иначе, но он присоединился к одному индонезийскому лекарю, который должен был принять заведование небольшой больницей на острове Фредерика-Хендрика, в центре области болотных людей.

Там, в маленькой деревушке Кимаам, среди миролюбивых людей племени пуэраха, Генемо со временем смог жениться, и именно на основе патриархальных принципов. Правда, для этого понадобилось вмешательство извне, ибо Генемо был мало способен к языкам и три месяца спустя после своего прибытия в Кимаам еще не знал ни слова по-пуэрахски. Только одна молодая девушка по имени Вандика, покойная мать которой была родом из маринд-аним, немного понимала его. Вандика очень ему понравилась. Но так как он не имел возможности встретиться с девушкой, а ее отец не понимал его, то Генемо даже не мог к ней посвататься.

Так обстояло дело, когда я прибыл в Кимаам и сам стал перед вопросом, где бы найти переводчика. Позднее в Мерауке мой повар-индонезиец Али бин Халим из Банды рассказал другим «по-аним» эту историю. Так что на сей раз вместо новогвинейца пусть слово получит индонезиец.

ЗАМУЖЕСТВО ВАНДИКИ

Мы пришли в Кимаам вконец утомленными, так как от побережья долго плыли вверх по реке Дамбу, а потом еще большой кусок от реки до деревни пробирались через болото по древесным стволам, цепочкой уложенным в вязкой глине. Болотные люди называют это «хорошей дорогой».

Меня трясла лихорадка, и моему туану⁷⁴ было от меня мало проку. Во всяком случае теперь я перешел на попечение амбонца из больницы, и он дал мне хирина. Туан же по своему обыкновению постарался как можно скорее познакомиться с болотными людьми. Он заговорил с ними по-мариндски. Но они, хотя и сделали приветливые лица, совершенно его не поняли, а амбонец не имел времени помочь ему, потому что, кроме меня, у него было еще много больных. Туан снова и снова пытался завязать разговор, но из этого ничего не получалось.

Но вот к нему робко подошла какая-то девушка и спросила его по-мариндски, чего он хочет. Он сказал: «Хворосту для костра и питьевой воды, и чтобы завтра ты пошла со мной, потому что мне надо получить у ки-

маамцев кое-какие вещи в обмен на мои товары». Это была дочь одного кимаамского мужчины и мариндской женщины, которой, однако, уже не было в живых. Оттого девушка и знала два языка.

Звали ее Вандикой, и она производила впечатление довольно умной девушки. Вандика велела сейчас же принести требуемое и сказала людям, чтобы они развели у наших постелей дымный костер. Болотные люди делают это для защиты от москитов, и оттого все они сильно кашляют. Нам же такой костер был совсем не нужен, так как у нас имелись противомоскитные сетки, однако Вандика этого не знала. И сама она вместе со своим отцом и младшей сестрой тоже спала всегда в густом дыму.

Потом к нам явился Генемо, который раньше сидел в тюрьме в Мерауке. Он сердечно приветствовал нас и остался с нами на ночь. Но, как оказалось, кимаамского языка он еще не понимал.

На следующее утро Вандика была уже тут как тут, и туан пошел с ней по деревне. Он долго говорил с людьми и выменял у них много вещей, главным образом за стеклянные бусы, спички и табак. Генемо все время со-

проводил их, и они втроем заходили во все дома. Только в мужской дом девушка не пошла, потому что это было ей запрещено. Туан и Генемо, конечно, могли пойти туда сами, но им все равно не удалось бы там ни с кем поговорить.

Так они вместе провели несколько дней, обходя всех жителей деревни, и Вандика положила немало труда, чтобы помочь им и туану понять друг друга. Но однажды вечером она сказала моему туану, что ее отец очень сердится, потому что она совсем перестала ходить в огород, а уже пора полоть сорняки.

Чтобы успокоить старого человека, туан с Вандикой, но без Генемо, пошел к нему и спросил, что он желал бы получить в возмещение убытка, раз его дочь теперь не работает на него. Что Вандика перевела, туан не понял, но во всяком случае ему пришлось дать старику много разных вещей: табак, орехи бетеля, спички, жестяную коробку с зеркальцем, три рыболовных крючка⁷⁵, стеклянные бусы и маленький ножик. Вандика получила большую и красивую низку стеклянных бус, которой она очень гордилась, а ее сестра — маленькую. Так что все остались довольны.

На следующий день в Кимаам из глубины острова явился мужчина по имени Томбо. Он жил в Йоубие, деревне, до которой можно было добраться через болото только на однодеревках. Когда-то этот Томбо побывал у мариинд-аним и убил там человека ⁷⁶, за что и отсидел в тюрьме в Мерауке. От своих товарищей по заключению он научился говорить помарииндски. Туан решил, что он будет для него подходящим переводчиком, и тут же отправился с ним в мужской дом. О Вандике и Генемо туан, вероятно, уже и не думал, но они продолжали хлопотать о дровах и воде, а сохур по ночам спал возле нас в больничных сенях.

Туан договорился с Томбо и несколькими жителями Кимаама, что они отвезут нас в Йоубие. Сразу же за деревней начиналось большое саговое болото. На другое утро мы пришли туда и сложили в стоявшие там лодки товары для обмена, рис, кухонную утварь и вообще все, что брали с собой в дорогу. Потом уселись сами. Правда, сидеть было не очень удобно, так как лодки болотных людей довольно маленькие. Но в общем все шло хорошо, и даже моя лихорадка больше меня не беспокоила.

И хотя мы уже подготовились к отплытию, кимаамцы почему-то медлили.

«Чего же вы ждете?» — спросил туан.

Тогда все засмеялись, а один из них что-то проговорил. Томбо перевел: «Они спрашивают: разве ты не хочешь взять с собой жену?»

«Какую такую жену?» — удивился туан, потому что он оставил свою жену в Германии.

Томбо недоумевающе посмотрел на него и сказал: «Вандику. Ты же так много дал за нее ее отцу».

Тут мой туан совсем побледнел и говорит: «Али, что же нам теперь делать?»

Я сказал: «Ты дал ее отцу столько разных вещей, что она теперь принадлежит тебе. Но если ты не желаешь ее брать, может быть ее возьмет Генемо. Мне кажется, он не будет против».

Люди позвали Генемо, и, действительно, я оказался прав. Он очень хотел получить Вандику, но ее отец требовал за нее подарка, у Генемо же ничего не было, и он печально глядел то на туана, то на девушку.

Туану стало жаль юношу, и он дал ему две полные пригоршни табаку. Генемо передал табак отцу Вандики, и тот сразу же согласился, чтобы она стала женой сохура, тем

более что подарки туана за разрешение Вандике быть переводчицей также оставались при нем.

Генемо был счастлив, а Вандика от смущения засунула в рот большой палец и причмокнула. Но и она тоже очень радовалась, что станет женой Генемо. Таким образом, все были рады — и Генемо, и Вандика, и ее отец, а больше всех туан.

Потом мы снова сели в лодки и поплыли в Йоубие.

Али почему-то умолчал,— а точности ради об этом следует упомянуть,— что в деревни болотных людей мы ездили не только с ним вдвоем, но с нами были также двое голландских миссионеров, еще один повар-малаец и трое маринд-аним, которые, кстати сказать, вовсе не относились к Генемо враждебно, возможно потому, что сами находились в чужой стране.

Если бы Генемо сопровождал нас на север острова, он встретил бы там своего земляка, также попавшего на чужбину из-за охоты за головами. В деревне Тьюам, расположенной на берегу Каутьяма, вдающегося в море у самой северной точки острова Фредерика-Хендрика, мы обратили внимание на одного мужчину, более энер-

гичного, чем другие, и отличавшегося от остальных также стройной и сухопарой фигурой. Это был Тымба, урожденный сохур. Жители Тьюама рассказали о нем следующее.

ТЫМБА

Иногда сохуры берут с собой на охоту за головами мальчиков-подростков в возрасте монака⁷⁷, чтобы они заранее приучались к этому делу. Когда Верембия и я⁷⁸ были в таком возрасте, мы еще ни разу не видали ни одного сохура, потому что от их страны до нас надо очень далеко плыть на лодках, а вода по пути такая бурная, что лодки опрокидываются. Поэтому мы совсем не боимся сохуров.

Но однажды утром люди, ловившие рыбу в устье Каутьяма, увидели, что вдали появляется все больше и больше каких-то лодок и что они приближаются к берегу. Оказалось, это были сохуры. Они набрались мужества поплыть через Магари⁷⁹, где он шире всего и где на нем самые высокие волны.

Наши рыболовы поспешно вытащили свои лодки на сушу, а сами с луками и стрелами залегли в мангровой чаще в засаду. В то же

время их жены быстро, как только могли, поплыли за помощью в Тьюам, а когда тьюамцы пустились вниз по реке, женщины уже плыли дальше, чтобы позвать на подмогу и жителей Йоумуки.

Когда сохуры приплыли в устье Каутьяма, мужчины в мангровнике вели себя очень тихо. Сохуры вышли из лодок, чтобы потом лесом подкрасться к Тьюаму. Но они просчитались. Было как раз время отлива, и они по бедра увязли в тягучем иле. Тут мужчины, сидевшие в засаде, стали стрелять в них из луков. Многие сохуры упали и захлебнулись в грязи. А тех, кому удалось добраться до мангровника, мужчины убили своими палицами.

В конце концов в живых остался только один подросток. Люди уже собирались его убить, но брат моего отца, у которого не было своих сыновей, вступился за него и попросил отдать сохура ему. Мальчика пощадили, и он рос вместе с нами. Это и был Тымба.

Сохуры больше ни разу не пытались нападать на нас, но то, что Тымба — из их племени, в этом мы убедились. Чего бы он ни захотел, непременно добьется. Но теперь он уже знает, когда у Каутьяма бывает прилив и когда отлив.

Когда мы уезжали из Тьюама, Тымба также доказал свое мужество. Во время спуска по Каутьяму все местные гребцы один за другим выпрыгнули из лодок и укрылись на берегу, опасаясь, как бы мы не увезли их в рабство. И только Тымба храбро оставался на своем посту и даже не побоялся выехать из устья реки в море, где нас ожидал парусный бот. То, что при этом однодеревка могла опрокинуться, его не страшило, так как подобный исход, видимо, казался ему не хуже плена. Когда же мы хорошо одарили его табаком и разрешили вернуться назад, он недоверчиво поглядел на нас, а потом, счастливый, поплыл обратно к устью реки. Мы слышали, как трусливые товарищи Тымбы бранили его, и видели, что, несмотря на это, он честно поделился с ними своим нелегко заработанным табаком.

Но если этот сохур отлично прижился в новом для него обществе, то другие повогвинейцы, порвав старые племенные связи, не всегда могут отыскать новые и среди чужих чувствуют себя менее уверенно, как это было, например, с озэрами Аду и Буме. То же произошло и с одним выходцем из племени йе-нан, по имени Тибул, который безуспешно пытался стать своим человеком у так называемых людей габгаб.

ТИБУЛ И ЛЮДИ ГАБГАБ

Когда Янгал, который сейчас проживает в Квеле⁸⁰, был еще мальчиком-налик⁸¹, деревни Квель не существовало, а люди жили в поселках Врекатер и Мокеди, где и поныне сохранились огороды и несколько домов⁸². Но вот однажды ночью — хотя обычно охотники за головами являются на рассвете — на Врекатер напали мужчины из Гулука. Они убили многих людей, в том числе отца и братьев Янгала, и отрезали у них головы. Кроме того, они забрали с собой ляжки убитых и потом в лесу поели их с саговой мукой. Уцелевшие жители Врекатера бежали в Мокеди. А так как и там люди не чувствовали себя в безопасности, они построили на высоком берегу Абтала⁸³ деревню Квель.

Позднее жители Квеля совершили ответный поход на Гулук. Эта деревня расположена в краю габгаб, и если идти туда из Бупула⁸⁴, надо сначала пересечь лес, кишущий пиявками. Потом путь пойдет по широкой безлесной равнине, среди которой, однако, часто попадаются рощи кокосовых и саговых пальм. Никаких хижин, пригодных для отдыха, там нет, так что приходится четыре

раза ночевать под открытым небом, пока наконец доберешься до земли габгаб. А чтобы попасть в Гулук, надо идти еще дальше⁸⁵.

Туда-то и направились жители Квеля. Охота была удачной: они убили много гулукцев и унесли с собой их головы и кости. Потом в Квеле они сделали из их костей лестницы⁸⁶.

Мои родители жили тогда в Тали. Но после этого случая люди из Тали вместе с жителями Мормии и Кр построили на берегу Абтала деревню Йедьерук, которую, как и Квель, защищать намного легче, чем маленькие лесные селения.

Все эти люди не имели никакого отношения к охоте за головами. Но так как они все время очень боялись нападения из Гулука, то послали меня туда — я был тогда в возрасте налик, — чтобы я выучил габгабский язык и установил с гулукцами дружбу. А вместо меня в Йедьерук пришел юноша из Гулука.

Сперва я испытывал большой страх перед гулукцами. Но они отнеслись ко мне очень приветливо, и я почувствовал себя у них хорошо. Я остался в Гулуке и жил там, пока не достиг возраста ваналуд⁸⁷.

Но вот однажды я услышал громкий бой барабана⁸⁸. Это случилось вскоре после обеда,

когда солнце стояло еще вон там ⁸⁹, и было ясно, что произошло нечто необыкновенное,— ведь танцы начинаются только тогда, когда уже стемнеет ⁹⁰. Женщины и дети сразу же покинули деревню, а мужчины зачем-то собрались вместе. Мне тоже разрешили остаться, так как все думали, что я уже больше не йе-нан, а настоящий габгаб. О том, что готовилось совещание по поводу предстоящей охоты за головами, я и не подозревал, так как гулукцы не дудели на флейтах ⁹¹, как это делают йе-нан, когда хотят раззадорить мужчин.

Мужчины говорили, что надо напасть на Квель. У них ведь была старая вражда с жителями этой деревни, и они желали отомстить им за последний набег. Кроме того, они слышали, что в Квеле можно раздобыть много ножей, топоров и стеклянных бус, которые принесли туда брмакры ⁹². Но потом они начали сомневаться, так как опасались, что в Квеле могут оказаться чужеземцы с ружьями. И тогда гулукские мужчины решили напасть на другую, габгабскую, деревню ⁹³, с которой они также враждовали.

Но я подумал, что скорее всего они все-таки пойдут на Квель и дальше — на Йедьрук, так как им очень хотелось добыть желез-

ные топоры и ножи. И вполне возможно, что габгабскую деревню они называли только для того, чтобы обмануть меня, ведь я как-никак был йе-нан.

Поэтому я ночью тайком бежал из Гулука. А это вовсе не легко, так как вокруг габгабских деревень в высокой траве торчит много острых крючков из бамбука или древесины нибунговых пальм, и даже сами местные жители иногда нечаянно наступают на них. Но мне повезло: я благополучно миновал опасное место, и никто не гнался за мной.

Вскоре я добрался до Бупула. Люди там и так неприветливы и подозрительны, а из-за того, что я пришел из Гулука, они смотрели на меня совсем косо. Но когда я предупредил их о готовящейся охоте за головами, они стали приветливее и даже отвезли меня вниз по Абталу до деревни Квель. Там я и остался, потому что за это время мои родители в Йедьеруке уже умерли.

Гулукцы так и не напали на нас, но зато к нам явились чужеземцы — охотники за райскими птицами. Они заставили нас носить их вещи. Правда, мы получили за это табак и стеклянные бусы⁹⁴, а также ножи, но они часто избивали нас и говорили неприличные

слова⁹⁵. Чужеземцы грабили наши сады и резали наших свиней. А мы ничего не могли поделаться, потому что у них были ружья. Они также ничего не давали нам, когда убивали райскую птицу. И если владелец дерева⁹⁶ пытался выпросить у них хоть немного табаку, они били и ругали его. Кроме того, чужеземцы воровали наших женщин⁹⁷. Все это мне очень не понравилось, и так как я думал, что в Гулуке уже отказались от вражды к Квелю, то снова пошел туда.

Дойдя до Гулука, я остановился и трижды подул в свою собачью манилку⁹⁸. Тогда из деревни вышли трое старых мужчин и спросили, чего мне нужно. Я ответил, что вернулся и теперь хочу остаться у них. Они ехидно рассмеялись и сказали: «Может быть, ты хочешь показать чужеземцам дорогу в Гулук?» Но я рассказал им о плохом поведении чужеземцев у йе-нан и добавил, что сам сбежал от них и очень хотел бы опять поселиться в Гулуке. Тут старики угостили меня орехами бетеля, и мы все вместе стали их жевать⁹⁹. Так что все было хорошо. Вскоре после возвращения я женился на одной гулукской девушке и снова стал полноправным жителем этой деревни.

Позднее я как-то сказал гулукцам, что на Абтале и в лесных деревнях йе-нан много лучше, чем в краю габгаб, и тогда у людей снова вспыхнуло ко мне недоверие. Однажды моя жена услышала, как мужчины говорили, будто я предатель, и что меня надо убить. Она передала мне это. Я сделал вид, будто собрался идти на свой огород, и опять бежал в Квель¹⁰⁰. Жену же мне пришлось оставить в Гулуке. И теперь я никак не могу к ней вернуться, потому что ее земляки непременно убьют меня.

Люди габгаб — плохие, и это хорошо, что Акон-Явал¹⁰¹ наслал на них мор. Полицейский патруль и учитель-миссионер, который живет здесь, сами видели, что в деревнях Вам, Нагове и Сангезе люди лежали мертвые¹⁰². Вероятно, и в Гулуке они тоже поумирали. Но мою жену мне, конечно, следовало взять с собой.

Остается добавить, что жители Квеля стали считать Тибула за его более обширные знания необыкновенным человеком, а в их глазах это равнозначно понятию «колдун», которого все боятся и постепенно начинают ненавидеть. Сам же он страдал от невозможности совместить любовь к родине с чувством любви к своей

жене, а его склонность к независимости не позволяла ему нигде стать по-настоящему своим человеком.

Печальная история жизни Тибула свидетельствует о том, что люди, которых мы считаем грубыми и дикими, так как они иногда отрезают головы себе подобным или едят человеческое мясо, на самом деле способны к глубоким душевным переживаниям.

В период моего пребывания на острове Фредерика-Хендрика я узнал еще одну историю охоты за головами. Весьма неблагоприятную роль сыграл в ней один японец, по имени Вада, которому, к сожалению, удалось избежать наказания за свои преступления. Впервые я услышал о нем от жителей деревни Тор, когда спрашивал их о текстах так называемых ватйиб¹⁰³, особых песен, исполняемых островитянами во время танцев. В одной из таких песен поется:

«Вонггеавор, вогекумара;
вогекурае, ленгурленгур».

Это означает: «Вам еще ничего не известно, но мы рассчитаемся с вами; мы еще расплатимся с вами, так что не зазнавайтесь!» Люди из Тора очень гордились этой песней, так как она, по их мнению, свидетельствовала об их славе. Возникновение данной песни связано с одной охотой

за головами, которую предприняли люди с реки Карерамо¹⁰⁴, протекающей в западной части острова Фредерика-Хендрика, против жителей деревни Инунгальнам, расположенной на его южном побережье. Жители Тора не родственны ни с одной из этих групп¹⁰⁵, но они помогли карерамцам, а потом сами стали жертвой японца, за что отомстили его союзникам. Из-за множества названий деревень эта история несколько трудна для понимания, однако вследствие вмешательства японского авантюриста, ее по крайней мере можно датировать, так как он появился в тех краях в 1928 году. Во всяком случае, так уверяют другие «по-аним», узнавшие имена его спутников.

ПЕСНЯ ДЕРЕВНИ ТОР

Однажды в Тор пришли мужчины из Карерамо¹⁰⁶, Пембера, Каве, Мурбы, Ветау и Тьибендара и сказали, что хотят отправиться в Инунгальнам за головами. Все это были наши друзья, и они попросили нас показать им дорогу в Инунгальнам, потому что тем, кто ее не знает, туда не пройти, а напасть на эту деревню со стороны моря они не могли, так как тогда их заметили бы слишком рано. Мы

повели их через внутреннее болото и к рас-свету добрались до Инунгальнама.

Все люди в деревне еще спали, и карерамцы добыли много голов. А один воин вошел в такой раж, что одним выстрелом из лука убил сразу двух маленьких инунгальнамских девочек, стоявших рядом.

Люди из Инунгальнама, которым удалось спастись, бежали к своим друзьям в Кандинам. Это недалеко ¹⁰⁷, и когда мы возвращались домой, они напали на нас. Инунгальнамцы и кандинамцы убили многих карерамских мужчин, а мы только одного мужчину из Кандинама. Потом они вернулись в Кандинам, прихватив с собой одного из убитых карерамцев. Там они съели его, а голову отдали людям из Инунгальнама. Те взяли голову и отнесли ее в свою сожженную деревню, которую предстояло теперь строить заново.

Совершить ответный поход против карерамцев люди из Кандинама и Инунгальнама не решались, потому что карерамцы были очень многочисленны. Но на Тор они вполне могли напасть, так как очень злились на нас за то, что мы показали дорогу охотникам за головами. Мы долгое время ожидали их нападения, но его все не было.

В ту пору в Кандинам явился один чужеземец, по имени Вада. Вместе с ним на парусной лодке прибыли и другие по-аним, которых звали Сурман, Карел, Паулюс и Тино¹⁰⁸. Кандинамцы говорили, будто Вада — доктор. Только это был не настоящий доктор¹⁰⁹. Он потребовал у жителей Кандинама кокосовых орехов. Но они сказали: «У нас их нет». Потом они наврали еще что-то и сказали: «Все кокосовые орехи отняли у нас люди из Тора. И если ты и твои люди возьмете свои ружья, то сможете раздобыть в Торе столько орехов, сколько пожелаете. А мы тоже пойдем с вами, но нам не нужны кокосовые орехи, а нужны только головы торцев».

Вада согласился. Чужеземцы взяли свои ружья, а кандинамцы луки со стрелами, и все вместе они пошли в Тор. Лишь Паулюс остался на паруснике, потому что он был хромой и не мог хорошо ходить.

У реки Харкар они застали врасплох мужчину из Тора, который с копьем охотился там за рыбой. И прежде чем он успел опомниться, один кандинамец всадил в него все свои стрелы. Потом люди из Кандинама схватили двух маленьких торских девочек и забрали их себе. Но когда они пришли в Тор, мы все уже

были у наших друзей в Кладере, а те подняли на ноги своих соседей из Имбуенама и послали лодки за помощью к карерамцам.

Найдя в Торе лишь немного кокосовых орехов, Вада очень рассердился. Он вернулся в Кандинам, и жителям этой деревни, а также инунгальнамцам пришлось отдать ему все свои орехи. Затем Вада ограбил деревню Мулинам. Но потом, услышав, что мы ожидаем помощи из Карерамо, он уехал и больше уже не возвращался.

Между тем люди из Карерамо так и не пришли, и обе наши девочки остались у кандинамцев. Одна и теперь еще живет в Кандинаме, где ее удочерили. Другую же они отдали в Инунгальнам, но она вскоре там умерла.

Мы были очень расстроены, что не смогли сразу же отомстить за убийство нашего мужчины и похищение детей. Но мы не отказались от мести и заготовили много стрел. А чтобы кандинамцы не надеялись, что это пройдет им безнаказанно, мы сложили песню и часто распевали ее:

«Вам еще ничего не известно,
но мы рассчитаемся с вами.

Мы еще расплатимся с вами,
так что не зазнавайтесь!»

Кандинамцы думали, мы поем это просто так и за песней ничего не кроется. И они нас совсем не остерегались. Но мы знали, что люди из Кандинама часто ходят к Харкару ловить рыбу, как это делали мы до прихода Вады, и устроили там засаду.

Утром к реке и вправду пришло двое кандинамских мужчин. Они не догадывались об опасности и беззаботно жевали сахарный тростник. Тут мы в них выстрелили. Один был убит на месте, а другой сумел дотащиться до Кандинама и рассказать, что случилось. Но потом умер и он.

Нам очень хотелось отрезать у убитого голову, однако у нас не было при себе ножа, а только стрелы, да и те не с бамбуковыми, а с простыми деревянными наконечниками. Поэтому мы оставили убитого лежать, и позднее кандинамцы сами забрали его. Так мы отомстили им за их злодеяние, и с тех пор никто из Кандинама и Инунгальнама больше уже нас не трогал.

Лишь незадолго до прихода в Кандинам Вады местные жители впервые встретились с чужеземцами. В 1922 году китайский купец Тан Кен-лион по заданию фирмы Токо Амбон в Мерауке поселился на

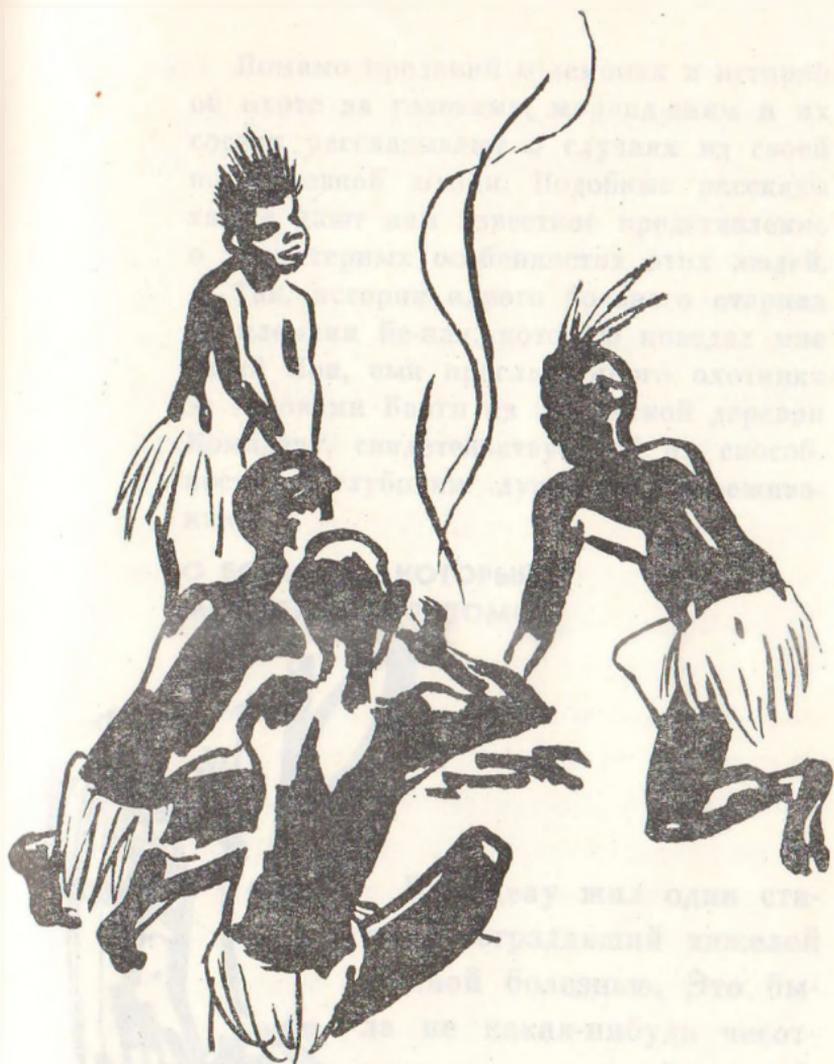
острове Комолом в деревне Момбум, а в августе 1924 года первым из иноземцев посетил Кандинам, Инунгальнам, Тор и Кладер и установил дружественные отношения с местными людьми. Именно за его доброе согласие с туземцами другие «по-аним» дали Тан Кен-лиону малайское прозвище «Баба Ван», что значит «Китаец из Вана», как они называли деревню Кандинам¹¹⁰. К сожалению, во время приезда Вады китаец там не было.

Как известно, южный берег острова Фредерика-Хендрика был открыт еще в 1606 году испанцем Луисом Ваесом Торресом, а в 1623 году голландец Абель Тасман пытался высадиться на его западном побережье, однако это ему не удалось, как и позднее, в 1770 году, английскому мореплавателю Джемсу Куку. Таким образом, честь открытия доступа на южный берег острова по праву принадлежит Тан Кен-лиону, «Баба-Вану», хотя ни одна история открытий и не сообщает нам его имени.

РАССКАЗЫ
ПОСЛЕДНЕЙ ЖИЗНИ

РАССКАЗЫ ИЗ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Помимо преданий о демонах и историй об охоте за головами, мариинд-аним и их соседи рассказывают о случаях из своей повседневной жизни. Подобные рассказы также дают нам известное представление о характерных особенностях этих людей.

Так, история одного больного старика из племени йе-нан, которую поведал мне юный Йон, сын прославленного охотника за головами Банги из йе-нанской деревни Комадеау, свидетельствует об их способности к глубоким душевным переживаниям.

О БОЛЬНОМ, КОТОРЫЙ МОГ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

Комадеау жил один старик¹, страдавший тяжелой кожной болезнью. Это была не какая-нибудь чесотка и не кольчатый червь², которыми болеют многие люди, а скорее что-то вроде язвы, какие иногда приносят на ногах из леса³, только у него она покрывала все тело.

Вскоре вся кожа старика превратилась в сплошную гниющую рану, и от него воняло, как от разлагающегося трупа. Никто не хотел общаться со стариком, и когда он с большим трудом приближался к кому-нибудь из людей, они тут же убегали от него, хотя он был хорошим человеком и в глубине души все его жалели. Мы думали, он скоро умрет.

Но как-то раз мимо нашей деревни проходил учитель-миссионер. Он сказал, что старика надо отвезти в Алматю⁴, в больницу: может быть, там найдется какое-нибудь средство от его болезни. Наши же колдуны, которые выгоняют болезнь растираниями, не решились прикасаться к старику, а других способов лечения они не знали.

Тут нам троим — Дембитю, Куибу из Явара и мне — пришлось уложить старика в лодку и поплыть с ним далеко вниз по реке до Алматю. Это было как раз в то время, когда я достал бритвенный нож для моего отца⁵.

В пути никто из нас не хотел грести или стрелять рыбу с кормы лодки, так как там воняло особенно сильно. И по приезде в Алматю мы с радостью сожгли бы нашу лодку, но тогда как бы нам удалось вернуться домой?

Мы, конечно, думали, что в больнице старик умрет, раз даже наши колдуны не смогли помочь ему. Мы слышали еще, что там у некоторых людей отрезают больные части тела; но ведь у старика все сплошь было больным! И, наконец, люди в больнице вообще не могли так хорошо лечить, как говорил учитель и как это умеют делать наши колдуны. Недаром чужеземцы должны все снова и снова давать больным свои лекарства. Это, наверно, потому, что они намного слабее, чем хорошие колдовские средства.

Так мы думали. Но однажды мимо Комадеау проехали двое мужчин из Бупула — Тъятлить⁶ и Белам. Они сказали, что туан Доктол⁷ оказался очень умелым лекарем и почти совсем вылечил нашего старика и что он велел передать нам, чтобы, когда исчезнет месяц, мы приехали за ним.

Тогда мы с Дембитью и Куибом снова поплыли в Алматью, но на этот раз с нами поехал еще мой отец. В Алматью мы сразу же направились в больницу, и там во дворе среди других больных увидели нашего старика, веселого и довольного. Сначала мы его даже не узнали, потому что кожа у него была совершенно здорова и от него уже не воняло.

Тут к нему подошел туан Доктол и сказал: «Приехали твои друзья из Комадеау. И если хочешь, можешь с ними вернуться домой».

Старик недоверчиво поглядел на туана Доктола и проговорил: «А я думал, мне придется остаться здесь навсегда».

Туан Доктол рассмеялся и сказал: «Это вам наболтали глупые люди. И если ты только хочешь, то в самом деле можешь отправляться в Комадеау».

Старик все еще не верил этому, но когда мы подняли его узелок и понесли к лодке, он все же пошел с нами.

На берегу мы присели, чтобы пожевать бетель и все обдумать, как это мы всегда делаем перед началом поездки. Мы никогда не поступаем поспешно, как чужеземцы, которые вечно кричат: «Скорее! Скорее!»

Старик тоже получил от моего отца орех бетеля и сидел тихий и задумчивый. Вдруг он спросил: «Куда это мы едем?» — «В Комадеау», — отвечал мой отец. Но старик переспросил его: «Правда, что в Комадеау?» — «Да, — подтвердил отец, — я же тебе сказал. Мы ведь йе-нан, а не чужеземцы, которые лгут⁸. Мы едем домой в Комадеау».

Больше старик уже ничего не спрашивал.

Он сидел совсем тихо, и лицо его сияло от счастья. Он долго сидел так, пока мы жевали наш бетель.

Наконец мы поднялись, и только старик продолжал сидеть. Мой отец сказал: «Вставай, мы поедем в Комадеау!»

Но старик не встал. Он был мертв. От великой радости, что может вернуться домой.

Мне известен еще один случай странной смерти новогвинейца, на сей раз дигульца, обстоятельства которой так и остались непонятными для жизнелюбивых марипд-аним и других их соседей. И хотя я не располагаю рассказом папуасов об этом случае, мне все же хочется познакомить с ним читателей, тем более, что смерть дигульца также была вызвана сильным душевным волнением. Правда, я могу изложить суть дела, основываясь только на своих личных наблюдениях и наблюдениях правительственного врача д-ра Харахапа⁹.

В начале 1934 года мы вместе с доктором Харахапом проезжали на парусной лодке мимо плантации Колам-колам¹⁰, принадлежащей одной католической миссии. По просьбе управляющего плантацией мы взяли с собой одного тяжело больного воспалением легких мужчину с верховьев реки Дигул, по имени Тэноб, чтобы поме-

стить его в больницу в Мерауке. Здесь с большим трудом доктору Харахапу удалось полностью излечить болезнь. Он предложил Тэнобу, которому среди остальных пациентов (маринд-аним, канум и йе-нан) было не по себе, на выбор: вернуться в Колам-колам, остаться при миссии в Кампонгбару¹¹ близ Мерауке или же с помощью странствующих учителей-миссионеров и полицейских патрулей постепенно пробраться к себе на родину. Хотя Тэнобу очень хотелось попасть домой, он был уверен, что даже с помощью чужеземцев никогда не сможет добраться туда через область враждебных ему маринд-аним, которых как охотников за головами дигульцы боялись больше всего. Доктор Харахап еще раз основательно исследовал Тэноба и объявил, что он вполне здоров и может отправляться в путь. В конце концов Тэноб взял свой узелок и в угнетенном состоянии, даже не простившись, покинул больницу.

Шесть часов спустя из маленького селения Мопы, находящегося в получасе ходьбы от Мерауке, явился один яванский колонист и сообщил полиции, что неподалеку от его дома под деревом сидит какой-то мертвый «оранг кайя-кайя»¹².

Тотчас же доктор Харахап и я вместе с полицейским вахмистром последовали за ним. То был Тэноб. Он, видимо, умер

давно, так как его труп уже начал разлагаться. При вскрытии доктор Харахап не обнаружил никаких признаков болезни и к своему большому облегчению установил, что легкие Тэноба полностью излечены.

Больничные служители-индонезийцы рассказали нам, что утром Тэноб заявил, будто ему все равно ни за что не дойти до дому и потому он больше не хочет жить. Им приходилось наблюдать подобные случаи и раньше, при предшественнике доктора Харахапа¹³, и всякий разговоры оказывались напрасными. Любопытно, что такое всегда случалось только с дигульцами и ни разу с людьми из других племен, которые никогда так легко не теряли интереса к жизни.

Какой-либо убедительной медицинской причины смерти Тэноба мы не нашли. Самоубийства, как и болезни, здесь явно не было¹⁴. По всей вероятности, он просто отчаялся в своем будущем, и потому жизнь его угасла, как пламя сгоревшей до основания свечи.

Может быть, тут играет роль то обстоятельство, что согласно представлениям дигульцев, живым, как и недавно умершим, угрожают злые лесные духи которо¹⁵. Они будто бы пытаются даже умертвить живущих или так искушать их, чтобы те потеряли рассудок¹⁶, а у мертвых, находящихся в пути в потусторонний мир, они

стараятся отобрать и сожрать душу. Но если умершему удастся достичь того света, он будет там наслаждаться миром у доброго старого духа Томаруба; и раз уж он попал в деревню мертвых¹⁷, с ним больше никогда не случится ничего плохого. Там не надо уже бояться охотников за головами и ни один злой колдун не сможет причинить никакого вреда. Там не знают ни голода, ни болезней, ни раздоров, и все духи в деревне Томаруба — добрые. Поэтому, возможно, и Тэноб подумал, что ему было бы лучше сразу оказаться у Томаруба, чем брести по вражеской земле.

У дигульцев вообще все не так, как у маринд-аним и их друзей. Последние всегда склонны воспринимать жизнь со светлой стороны, и даже войны, смертоносное колдовство и жуткие культовые обряды почти ничего не меняют в их радостном мироощущении. Истинные маринд-аним мало печалются о будущем. Они не знают никаких денег, и потому их совершенно не волнуют заботы о платежах, а еды хватает на всех. У дигульцев же в жизни больше печалей, чем радостей. Они пребывают в постоянном страхе перед нападением, и он настолько велик, что у них считается дозволенным и даже принятым стрелять из лука в каждого чужого человека, без предупреждения появившегося

вблизи их деревни. Им приходится платить большой выкуп за невесту¹⁸ и вести длительные переговоры с семьей будущей жены, а затем, когда они наконец благополучно женятся, им надо соблюдать строгие предписания относительно того, в каких случаях вообще можно разговаривать со своей собственной женой и дочерьми¹⁹. Все это,— не говоря уже о необходимости принимать меры против колдовства и болезней, для чего приходится поститься всем жителям деревни, а также об особом обхождении с покойниками²⁰,— превращает существование дигульцев в непрерывную цепь забот. Правда, иногда у них тоже устраиваются большие праздники. Однако за угощение там приходится платить. К тому же женщины принимают в них участие лишь издали. И вообще эти праздники совершенно лишены того блеска, которым отличаются культовые торжества на юге.

Поэтому не удивительно, что дигульцы из-за своей исполненной забот и бедной радостями жизни, подобно жителям современных крупных городов, чрезмерно раздражительны и весьма болезненно реагируют на все необычное. Так, например, поводом к раздору между деревнями Дина и Дувал послужил инцидент, по правде говоря, не заслуживавший особого внимания.

ДЕВУШКА ИЗ ДИНЫ

Мы, дувальцы, раньше жили в Аримобе на реке Мику²¹. Но когда к нам пришли охотники за райскими птицами и затеяли войну с людьми ботем²², а потом еще явились сохуры на охоту за головами, мы покинули Аримоб и переселились в Дувал на Биане. Тогда же сюда перебрались жители Биангкапы с реки Кау²³ и основались в деревне Дина. В Дине, как и у нас в Дувале, люди говорят на языке вамбон, и долгое время жители обеих этих деревень были очень дружны между собой. Но потом случилась беда.

Во время охоты за райскими птицами, когда нам приходилось носить поклажу чужеземцев, мы всегда брали с собой наших женщин²⁴, чтобы они не оставались в деревнях одни, без защиты. Но тут некоторые приставали к женщинам и девушкам, и мы не раз были вынуждены убивать их, пока наконец они не оставили нас в покое.

В ту пору люди из Дины имели привычку посылать своих жен и дочерей из поселка на огороде в деревню, если им срочно понадобилось что-либо, например сетка²⁵ для клубней ямса, каменный топор или что-нибудь еще.

Этого, собственно, им не следовало делать, хотя охотники за райскими птицами и были так напуганы, что больше не осмеливались совершать ничего дурного, а вскоре вообще перестали ходить в наши края.

Но тут дело в другом. По соседству с нами живут маринд-аним, и им очень нравятся наши женщины, потому что они такие прилежные и послушные. И оттого нам надо быть осмотрительными с женщинами и не оставлять их одних. Но люди из Дины не подумали об этом и послали одну свою девушку из огорода в деревню без провожатого.

К несчастью, в тот самый день один молодой человек из Дувала отправился на охоту за свиньями, и когда он проходил по лесу неподалеку от Дины, случайно повстречал эту девушку. То был весьма порядочный молодой человек, и, увидев девушку, он очень испугался, так как знал, что люди могут сказать о нем плохое, если он пойдет дальше. Поэтому он тут же повернул обратно и быстро побежал в Дувал, чтобы рассказать нам о своей неудаче и сообщить, что он не подошел близко к девушке. Мы сразу же приготовили наши луки и стрелы, надели на себя костяные кинжалы и стали ожидать мужчин из Дины.

Тем временем девушка прибежала в огород и стала плакать и кричать, что в лесу ей встретился молодой человек из Дувала; и она назвала его имя. Тогда мужчины из Дины хорошо вооружились и немедленно отправились к нам в деревню. Вскоре они уже подошли к нашим домам.

Мы сидели наверху, в помещении для мужчин, а они стояли внизу и угрожали нам. Потом они начали стрелять в нас, а мы в них. Они требовали выдать им того молодого человека, а мы не соглашались и говорили, чтобы они лучше смотрели за своими дочерьми. Сперва они хотели убить молодого человека, но затем поразмыслили и потребовали от нас выкуп: или полную стоимость невесты или большую свинью²⁶. Но мы не могли и не хотели давать им это. Тогда они снова стали стрелять в нас, и тут появились раненые и опять поднялся крик о том, кто и сколько должен им уплатить. Так продолжалось всю ночь и весь следующий день, пока мы не обещали послать к ним человека для переговоров. После этого они наконец ушли.

Два дня мы вели с ними переговоры и в конце концов согласились выплатить им столько собачьих зубов, сколько наберется их

до правого плеча и, кроме того, раковин каури — до левого уха²⁷. Мы были рады, что дело обошлось без убитых, но чтобы поправились наши раненые, нам всем пришлось ради них поститься²⁸.

Теперь мы уже не враждуем с жителями Дины, но все же не очень любим встречаться с ними.

Люди из Дины сами признавали, что весь «позор» состоял только в том, что юноша из Дувала случайно встретил девушку; ничего непристойного с ней не произошло. У племен, живущих к югу от Дигула, девушка в подобном случае, скорее всего, свернула бы в сторону, чтобы избежать неприятностей, а мужчина продолжал бы свой путь, словно он ничего не заметил, или оба воспользовались бы сложившимися обстоятельствами и промолчали об этом.

Во всяком случае, приведенный рассказ дает ясное представление о повышенной щепетильности и раздражительности дигульцев.

Из-за постоянных разногласий с маринд-аним люди из Дины, Дувала, Нгатута, Мандума и других дигульских деревень на верхнем Биане в 1937 году переселились на свою старую родину, к истокам Дигула, и стали опять соседями ботем,

низкорослого племени в Звездных горах, с которыми они живут на дружеской ноге.

В противоположность маринд-аним дигульцы малы ростом²⁹, но люди ботем еще меньше и в среднем не превышают ста пятидесяти сантиметров (женщины — 140—145 см), так что, по существу, это настоящие пигмеи. Но их культура очень близка к культуре дигульцев, и последние весьма охотно женятся на ботемских женщинах.

К этим низкорослым людям во времена охоты за райскими птицами явились однажды англичане Росс и Джексон с носильщиками-дигульцами и поваром-индонезийцем Али бин Халимом. Дигулец Кутим³⁰ из Мандума рассказал мне историю этого похода, подтвержденную также Али бин Халимом.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ

Когда ты пришел³¹ в Мандум, мы совсем не хотели пускать тебя в деревню, но тут мы увидели Али³² и сказали себе, что Али никогда не привел бы с собой плохого человека. Мы однажды вместе с ним участвовали в охоте за райскими птицами, и он всегда был добр к нам, не то что другие охотники; он ни-

когда не бил нас и хорошо кормил. Но белые, которые были там, оказались очень плохими людьми. Это были двое англичан³³. Их звали Росс и Джоксен³⁴. И с ними был еще маленький брат Джоксена.

В те времена мы еще не перебрались в Мандум, а жили в деревне Вамбиран между реками Кау и Муйю³⁵. Вдруг к нам в сопровождении людей из Оана³⁶ явились охотники за птицами. От нас они собирались пойти вверх по Кау. Но ночью оанцы сбежали от них, потому что охотники заставляли их носить слишком большие тяжести и к тому же очень их избивали. Тогда англичане взяли свои ружья и стали грозить нам, что перестреляют всех, если мы откажемся быть их носильщиками. Никакие просьбы не помогли, и нам пришлось пойти с ними. Диком³⁷ тоже был при этом.

Тут вмешался в рассказ Али бин Халим: «Незадолго до этого³⁸ я был с тремя англичанами у йе-нан в Квеле. Там было двадцать охотников за птицами и большинство из них вело себя очень плохо. Мы охотились главным образом в лесу между Квелем и Бупулом. Но когда охота стала бесплодной, большая часть охотников

снова вернулась в Мерауке. В конце концов на три наши моторные лодки осталось всего четыре ружья,— и тут люди из Квеля осмелели. Они отправились в Бупул, чтобы напасть там на нас. Вместе с бупулцами их набралось, пожалуй, человек четыреста³⁹, и все они были вооружены. Но и тогда они все же испугались ружей и ничего нам не сделали. Так что нам удалось благополучно добраться до Мерауке. Затем мы поплыли вдоль побережья, потом по Мули и наконец вверх по Дигулу, пока не свернули в Кау. Оттуда мы пошли пешком и вскоре оказались в Оане и Вамбиране».

Но пусть продолжает свой рассказ Кутим.

Сначала мы переправились через Кау и пришли в Огеонкамбу. Там опять сбежало несколько носильщиков, и Росс решил силой набрать в деревне новых людей. Но мужчины из Огеонкамбы не захотели пойти с охотниками. Тогда Росс велел связать двух мужчин, потом канатом прикрепил их к своей моторной лодке и пустил ее во всю мочь. Когда он затем вернулся в деревню, оба мужчины были уже мертвые. А Росс сказал: «Я поступлю так с каждым, кто не будет мне подчиняться!» Мы все очень испугались англичан. И только

один Али осмелился упрекнуть их, но они не стали его слушать.

Потом мы отправились дальше, до Мариамбы, а затем вверх по этой реке и наконец добрались до висячего ротанового моста⁴⁰. Дальше лодка идти не могла, потому что там было очень быстрое течение и слишком мелко. Тогда мы пошли пешком по очень трудной дороге через скалы в страну людей ботем. И после двух ночевок мы уже были там.

Люди ботем — очень маленькие, но они опасны, так как лучше всех других стреляют из лука. Они целятся не прямо в своего врага, а высоко в воздух, так что стрела летит в него сверху, — и всегда попадают⁴¹. Раньше их земли подходили еще ближе к нашим, и это они построили висячий мост. Таких хороших мостов мы делать не умеем.

Теперь мы шли по земле маленьких людей и встречали многих из них. Они были очень пугливы и недоверчивы, и их никак не удалось заставить быть носильщиками. Они так хорошо знали местность и были настолько ловкими, что всегда скрывались от нас. Но однажды мы встретили сразу очень много людей ботем. Все они были вооружены и делали вид, будто собираются на нас напасть. Тогда

Джоксен-старший велел нам стрелять в них. Мы с Дикомом тоже получили ружья, и я сам убил двадцать ⁴² маленьких мужчин. С тех пор они нас ненавидят.

Люди ботем стали еще пугливее и не поставляли нам ни носильщиков, ни еды. Тогда англичане сказали, чтобы мы просто обирали их огороды и убивали их свиней, раз они ничего не хотят продавать нам. И мы грабили у них все, что можно было есть. Кокосовых орехов у ботем нет, но мы находили у них много корней таро, бананов и саговых пальм.

Вскоре нам вообще перестали встречаться люди ботем. Все их деревни — а они у них совсем маленькие — оказывались совершенно безлюдными. У нас зародилась тревога, но охота за райскими птицами приносила много чучел, и потому англичане не хотели еще уходить. А если они замечали какого-нибудь нового человека, не из носильщиков, то тут же стреляли в него, и большей частью попадали.

Так мы пришли в Янггам ⁴³, маленькую ботемскую деревушку, и разместились в ней, потому что жители ее оставили.

Но ночью в деревню вдруг явились люди ботем. Они подкрались так тихо, что никто не слышал их, и неожиданно ворвались в дом, где

мы спали. Они накинулись на нас с костяными кинжалами. Большинство носильщиков тут же были убиты. А Джоксена-старшего они просто разорвали на части. Потом люди ботем разломали все ружья.

Только Али, Дикому, мне и Россу удалось спастись. Что стало с младшим Джоксеном, я не знаю.

Теперь мы должны были идти по лесу без оружия и очень остерегаться, чтобы не встретить кого-нибудь из ботем. Чучела птиц и еду нам пришлось бросить. К счастью, люди ботем нас не преследовали. У них, вероятно, и без того хватало дел с поджариванием Джоксена-старшего и носильщиков. Нам же пришлось голодать, и когда мы, наконец, снова добрались до моторной лодки, которую нашли немого ниже всячего моста, то были еле живы.

Диком, я и Али все перенесли хорошо, но Росс сошел с ума. Это, конечно, сделали лесные духи страны ботем. И я думаю, жена Дикомы помешалась ⁴⁴ также в наказание за то, что мы убили много маленьких людей.

Али бин Халим добавил: «Да, Росс помешался. Мы потом приехали с ним в Мерауке, но он жил там недолго и отпра-

вился пешком вдоль побережья. Ему хотелось поскорее попасть в Окабу, где жила его хозяйка⁴⁵, и он не стал дожидаться прибытия парусной лодки⁴⁶. Но у устья Биана не было никого, кто мог бы перевезти его на другую сторону. Тогда Росс столкнул в воду однодеревку и попытался грести руками, так как не нашел весел. Лодка, конечно, перевернулась, и волна прилива понесла ее вверх по реке. С тех пор Росса больше уже не видели. Вероятно, его сожрали крокодилы».

Следует благодарить Али бин Халима, что именно из-за его вмешательства власти не согласились на требование Росса послать карательную экспедицию против людей ботем, которые «как кровожадные и коварные каннибалы» убили его «безобидных спутников». Однако для привлечения Росса к ответственности свидетельства Али оказалось недостаточно, Кутим же и Диком остались в Вамбиране и не могли подкрепить его показания. Так что Росс до своей внезапной смерти жил еще некоторое время на Маро в качестве плантатора. Правда, все порядочные люди избегали общения с ним.

Позднее на Новой Гвинее появились и другие чужеземцы, внесшие беспокойство в жизнь ее обитателей. Так, на земле канум-иребе в Томёре поселились выходцы из Тимора, один из которых женился на

дочери старика Дане. Когда у него тяжело заболела жена, он решил, что ее околдовал Дане. Старик с чистой совестью отрицал это. Тем не менее тиморец вместе с тремя своими земляками избил его до смерти. Жители Томера были так напуганы случившимся, что не скоро отважились окольными путями добраться до Мерауке и подать там жалобу.

Много зла туземцам причинил также китаец Тан Ах-пи, который, пользуясь своим ружьем, стал подлинным тираном острова Комолом. Он даже построил там тюрьму для людей, приносивших ему мало копры,—разумеется, без всякого вознаграждения,—и заставлял их чистить руками его козий хлев. Если женщины не хотели покориться его желанию, он срывал с них передник — величайший позор, которому их можно подвергнуть,—и гнал их через деревню Момбум. В конце концов один учитель-миссионер заявил об этом в полицию в Окабе, и вскоре Тан Ах-пи попал в свою собственную тюрьму, а затем в большую «Буи» в Мерауке.

В результате подобных явлений ненависть к чужеземцам постоянно усиливается.

Именно поэтому не захотели видеть у себя чужестранцев и жители карерамских деревень. Они не пустили к себе даже Тан Кен-лиона, пытавшегося в 1927 году

проникнуть в их область на парусном боте «Азия», а также и меня. Правда, сделано это было весьма тактично. В начале 1934 года я встретил в Торе их посланца, молодого жителя Ветау, по имени Вата, который обратился ко мне с такой речью.

ЛЮДИ С КАРЕРАМО И ЧУЖЕЗЕМЦЫ

Однажды Баба-Ван сказал людям из Тора, что ему хочется побывать в деревнях на Квангтуве и Карерамо. Мы узнали об этом, потому что как раз тогда в Торе находился Кумуйя из Ветау. Он-то и принес нам эту весть. Мы знали, что Баба-Ван — хороший человек, но думали, может быть его спутники не такие хорошие. Ведь те, что приезжали в Кандинам раньше, на другой лодке, напали на Тор. Поэтому мы были осторожны и залегли с оружием у устья Квангтувы — прежде всего жители Ветау, Пембера и Бовета. Мы не собирались делать ничего плохого Баба-Вану, но и пускать его в страну тоже не хотели.

Когда лодка Баба-Вана вошла в устье, там стоял только один мужчина. Это был Кумуйя, который его уже знал. Кумуйя держал в ру-

ках лук и стрелы, правда, лук был не заряжен. Он махнул Баба-Вану, чтобы тот остановился, и лодка медленно направилась к нему. Тогда Кумуйя прокричал: «Баба-Ван, мы не хотим никаких чужеземцев. Я стою, чтобы предупредить тебя. Я не стреляю, но там дальше, где кончается мангровник, собралось много мужчин, и они держат луки наготове. И если ты поедешь дальше, они будут стрелять».

Баба-Ван посмотрел туда, где стояли мужчины из Ветау, Пембера, Бовета, а также из Каве и Тьибендара,— из Мурбы не было никого,— и увидел, что их очень-очень много ⁴⁷. Потом он долго о чем-то говорил со своими спутниками, чего Кумуйя не понял, и наконец сказал ему: «Хорошо, мы вернемся обратно, потому что я не хочу с вами воевать. Но если вы хотите менять свои вещи, приходите в Тор».

Чужеземцы повернули свою лодку, и она вышла из устья Квангтувы в море. Баба-Ван приветливо помахал Кумуйе рукой, а мужчины, стоявшие на берегу выше по течению, очень хвалили Кумуйю и радовались, что Баба-Ван оказался таким умным и миролюбивым.

И вот теперь мы услышали, что ты собираешься идти к нам. Это нам передали люди из деревни Вонер⁴⁸. Ты тоже миролюбивый мужчина, как и Баба-Ван, но мы вообще не хотим видеть у себя чужеземцев. Мы посоветовались, и так как слышали, что тебе хочется знать, какие у нас языки и что делается в деревнях, то жители Ветау послали меня к тебе в Тор. Вот и спрашивай меня. Я расскажу тебе обо всем, что ты хочешь узнать, и тебе не понадобится идти в наши деревни.

Вата сообщил мне кое-какие сведения, касающиеся языков, краеведения и этнографии области Карерамо — к сожалению, очень кратко — и поспешил домой с радостной вестью: «Чужеземец не придет!»

Помимо дипломатического такта, проявленного в данном случае, заслуживает внимания также уважение карерамцев к любознательности других людей. Надо сказать, что эта черта свойственна и им самим.

Впрочем, любознательные есть во всех племенах, и если это только возможно, они всегда расспрашивают чужеземца о его «деревне», имеет ли он семью и как делаются те вещи, которые чужеземцы привозят в их страну. Отвечая, приходится, конечно, учитывать, что многое, представ-

ляющееся нам обычным, жителю Новой Гвинеи должно остаться непонятным, ну хотя бы описания современных средств передвижения или многоэтажных домов⁴⁹. Если, например, кто-нибудь скажет, что у нас дома строят из камня, его непременно сочтут лжецом, так как они знают, что камни стоят очень дорого и должны специально привозиться из дигульской области и что никто не может быть настолько богат, чтобы построить из них дом⁵⁰.

Многие вопросы, которые кажутся нам глухими или странными, на самом деле вполне закономерны. Так, они спрашивают, из скорлупы какого плода делают стаканы и чашки, на каком дереве растут стеклянные бусы, или почему у коров (о которых знают кое-что лишь в окрестностях Мерауке) на голове торчат два кабаньих клыка. Дело в том, что в своих рассуждениях они исходят из привычных представлений, почерпнутых из окружающего их мира.

Но им очень хочется чему-нибудь научиться. И потому, когда белый рассказывает, что в его стране железо выкапывают из земли, а потом раскаляют в огне и долго бьют, пока из него не получится нож, или что на его родине не растут кокосовые орехи, но зато имеются другие хорошие земляные плоды с множеством клубней,

правда более мелких, чем клубни ямса, или что там разводят больше свиней, чем на Новой Гвинее,— тогда они радуются, что узнали что-то новое. Конечно, многие вещи, далекие от них, новогвинейцы понимают по-своему. Так, подводную лодку они сравнивают с кожей Угу⁵¹, а самолет считают волшебной птицей. Во всяком случае, он не производит на них особо сильного впечатления, и старик Эле из канумской деревни Онгайе говорил о нем не очень почитительно.

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЦА

Не так давно в Онгайе мы вдруг услышали какое-то могучее урчание. Оно шло с той стороны, где расположена деревня Конобека-теро⁵², и мы сразу же схватили наше оружие и выбежали из домов, чтобы узнать, что нас ожидает.

Некоторые говорили, что гудит дема, но я знаю, что у демонов более тонкий голос, и он звучит так: «Рь-рь-рь-рь-рь».

Но вот показалось существо, что так сильно гудело. Это была очень большая птица, какой мы еще никогда не видали, и она летела так быстро, как не может летать никакая другая. Все маленькие птицы сразу же разлетелись

и скрылись, как при появлении морского орла. Тогда люди сказали, что это, вероятно, орел-демон. Но с морским орлом большая птица все же имела мало сходства.

Потом она повернулась так, чтобы не лететь через море — это тоже было не похоже на морского орла-демона — и направилась в сторону Мелиу⁵³. Больше мы ее уже не видели.

Тогда мы пошли искать Гуру⁵⁴ и нашли его за его домом у маленького пруда, откуда он также наблюдал за птицей. Гуру сказал, это была «масин-тербанг»⁵⁵, но мы не знали, что это такое.

Потом он сказал, что птицу сделали ингрис-аним или бланда-аним⁵⁶, и одного из них она несла на своей спине, но кого — этого нельзя было разглядеть. Мужчина, который сидит на ней, может направлять ее, куда захочет: к морю или в лес, вперед или назад⁵⁷, вверх или вниз.

Мальчики и юноши очень удивлялись, и даже Сале из Мелиу, который как раз находился у нас и вообще-то был неглупым человеком, восхищался чужеземцами и говорил, как хорошо они умеют колдовать, если могли сделать такую птицу.

Но Калбон, Нгаронге и Раму стали над ним смеяться, потому что он рассуждал совсем как мальчик или как Гуру.

А Валол сказал: «Конечно, такую птицу надо уметь сделать. Но у нас колдуны лучше, чем у по-аним. Наши колдуны, если захотят, могут летать по воздуху без всякой птицы. А это куда труднее!» И я тоже так думаю.

Для стариков характерно, что они почти всегда упорно отвергают новое. Они никогда не обучались ни письму, ни счету и тем не менее хорошо прожили жизнь, состарились и приобрели уважение окружающих. Для чего же тогда молодые должны учиться столь бесполезному делу?⁵⁸

Тем сильнее был я поражен, когда один старик попросил миссионера, чтобы тот позаботился об организации в его деревне школы. В ответ на возражение: «Но вы, старики, обычно против этого» он сказал рассудительно: «Да, но я видел, как учитель в Талоле сделал недавно какие-то узоры на куске бумаги⁵⁹, потом послал это в Окабу⁶⁰ и через некоторое время к нам прибыли оттуда разные хорошие вещи: ножи, одежда, рис, табак, железная миска и многие другие. Тогда

стоит, чтобы наши дети тоже научились так колдовать и тоже могли получать хорошие вещи».

В основном же старикам нравятся у чужеземцев только две вещи, а именно — напитки и табак. Но, если пиво⁶¹ и шнапс они с успехом могут заменять своим вати, то табак чужеземцев пользуется у них очень большим спросом, так как он гораздо лучше местного. Маринданим, маклеуга, ябга и йе-нан только жуют табак, в то время как другим племенам — канум-иребе, игову-гар, сохурам, жителям острова Фредерика-Хендрика и дигульцам — известны бамбуковые трубки. Но в наше время и старые и молодые жеватели табака очень быстро привыкают к курению.

И однажды старый Казима из Пуэпэ⁶² посмотрел жадными глазами, как я курю трубку, и сказал: «Мне тоже хотелось бы иметь такую».

У меня в вещах имелась еще одна трубка, что было ему неизвестно, и я предложил: «Ты можешь получить ее, только за нее ты должен будешь дать мне тоже что-нибудь особенно хорошее». Я имел в виду головной убор демы, произведение пластического искусства или что-нибудь в этом роде.

Казима задумался. Затем он подозвал какую-то старушку и сказал великодушно:

«Это моя самая старшая жена. Ты можешь получить ее за свою трубку». Так как Казима был известен как неисправимый шутник, я усомнился в серьезности его предложения. Но он настаивал: «Ты можешь получить ее».

Я сказал: «Но она же очень стара».

«А твоя трубка разве не старая?» — ответил Казима.

«Да, но для курения она еще очень хороша».

На это Казима возразил: «И моя старушка тоже еще отлично готовит».

Обмен, конечно, не состоялся, но, как видно, старик предлагал его вполне серьезно, и старая женщина, конечно, пошла бы со мной без единого слова возражения.

Из этого, однако, не следует заключать, что на юге Новой Гвинеи не существует никакой любви между супругами или молодыми людьми. По крайней мере старой женщине было бы очень тяжело расстаться с Казимой, да и он позднее тоже наверняка пожалел бы о состоявшемся обмене; просто там люди слишком зависят от того, что подсказывает им мгновение.

А бывают даже такие случаи, когда молодые люди не довольствуются, как обычно, любой подходящей женой, от которой там требуется лишь трудолюбие, но

с настойчивостью добиваются брака с избранной ими девушкой.

Примером этому служит история Умбери, молодого канум-иребе из деревни Янгандур. Он посетил меня в Мерауке вместе с другими людьми канум, в том числе стариком Эле, сравнительно молодым Мако и его невестой Тьюл. И после того как остальные отправились домой, он оставался у меня еще несколько дней. Умбери что-то удручало. Наконец он рассказал мне, что его родители умерли (очевидно, это случилось давно, так как он уже не носил траурной одежды), и попросил меня стать его приемным отцом. Я согласился, и потом должен был обещать по возможности скорее приехать в Онгаю на праздник. Вообще же на первых порах не произошло ничего особенного, за исключением того, что Умбери в качестве моего сына тут же предъявил свои права на мои запасы табака.

В Онгае я должен был приветствовать и обнять⁶³ всех тех, кто, как и Умбери, принадлежал к тотемной группе Гемар⁶⁴, даже женщин; а затем Эле как старший среди мужчин данного тотема обратился ко мне с речью, которая показала мне, почему он расположен ко мне и каковы были истинные мотивы поступка Умбери.

УМБЕРИ И ТЬЮЛ

Привет тебе, ровесник! ⁶⁵ Ты — отец Умбери и принадлежишь к нашему роду Гемар. Поэтому я могу сказать тебе здесь, где нас не слышит ни одна женщина и собрались только мужчины из Союза Сосома ⁶⁶, почему ты вправе быть нашим товарищем по возрасту и отцом Умбери.

Когда Дэрау, Маку, Нгаронге, Калбон, Самай и я, а также два молодых человека — Умбери и Мако, и обе его женщины — Кадьин и Тьюл посетили тебя в Эрмасуке, ты дал нам всем саговую муку и табак, и мы ночевали в твоём дворе ⁶⁷. Это было хорошо с твоей стороны, и мы остались довольны ⁶⁸.

Потом ты показал нам дом, где хранились вещи маринд-аним и йе-нан ⁶⁹. Все это прекрасные вещи, но лучше их всех были черепа, что висели там на стене. Ты сказал, будто это мариндские головы, отрезанные сохурами ⁷⁰. Но можешь не бояться полиси-аним. Мы тебя не выдадим, потому что ты — наш товарищ по тотему. Мы знаем, ты большой охотник за головами, и тебе можно иметь много детей ⁷¹.

Но ты сделал ещё одно очень хорошее дело. Когда мы зашли в твой вещевой дом ⁷², я за-

метил на земле две деревяшки Сосома⁷³, которые нельзя видеть женщинам. Ты ногами быстро надвинул на них циновку, чтобы Кадын и Тьюл не могли их увидеть. И это было очень хорошо с твоей стороны. Теперь мы знаем, что ты тоже человек Сосома. Ты наш сверстник, ты могучий мужчина⁷⁴, ты большой охотник за головами, ты наш брат по Сосому, айюваа!

Потому мы и стали твоими ровесниками и твоими братьями по роду Гемар, к которому принадлежит уже твой сын Умбери⁷⁵ и все мы. И если теперь, глядя на месяц, ты увидишь сидящего на нем Геба⁷⁶, то должен всегда кричать «Геб ахэ!» и твои дети тоже должны так делать, потому что они также будут принадлежать к роду Гемар. Не забывай этого, когда будешь в своей деревне.

А теперь я хочу говорить о твоём сыне Умбери. После смерти своих родителей он пришёл однажды в Семандир⁷⁷ и увидел живущую там Тьюл. Она была в возрасте иваге⁷⁸, и Умбери хотел попросить её отца Дэрау⁷⁹ отдать ему девушку в жены. Но тогда ещё не кончился срок траура, и он не мог этого сделать. И все же — правда, мне неловко говорить об этом — оба они обменялись своими

серьгами ⁸⁰. Умбери очень хотелось, чтобы Тьюл стала его женой.

Но прежде чем окончился траур Умбери, к Дэрау пришел Мако и спросил, не может ли он отдать Тьюл ему, и Дэрау сказал, что он не против. Мако уже имел одну жену — Кадьин, и так как она была еще молода, Дэрау думал, Тьюл не будет у Мако тяжело, потому что ей придется делать только половину работы.

Но тут умерла мать Тьюл, и Тьюл не смогла выйти за Мако ⁸¹. Она надела траурный наряд ⁸², который сможет сбросить, когда Геб снова появится на месяце ⁸³. А до тех пор ей нельзя выходить замуж, хотя Дэрау и отдал ее Мако.

Теперь ты знаешь все, но я хочу сказать тебе еще кое-что. Умбери хочет жениться на Тьюл. Он уже имеет право жениться, потому что время его траура прошло. Но Тьюл не может стать его женой, потому что Дэрау обещал ее Мако и потому что ее траур еще не кончился. А когда он кончится, Мако потребует девушку себе.

Но Умбери — твой сын. Мы говорили ему, что есть много других невест: и Буза, и Серо, и Сумал, и Комбин и еще многие. Они тоже

послушные и работающие. Но Умбери сказал, что хочет только Тьюл и никого больше; лучше он совсем останется без жены. Ты же знаешь, над холостыми все смеются. И кто же будет ему тогда готовить? Уж не старая ли Якар, вдова Тамоса? Но Умбери настаивает на Тьюл, и он, в самом деле, готов стать таким дурнем ⁸⁴, если не получит ее.

Мако еще не стар и вполне обойдется одной женой ⁸⁵. Тьюл ему еще не нужна. Но он не отступится от девушки, потому что Дэрау уже обещал ему ее.

Я старый человек и много думал об этом. Когда я был молодым, мужчины радовались, если вообще получали хоть одну жену. (Реплика старого Калбона: «И ты тоже?») Да, и я тоже, потому что она была хорошая. И теперь я считаю, что Мако хватит одной Кадьин. И хотя он имеет преимущество, но должен уступить Тьюл Умбери, раз тот хочет жениться только на ней. А за то, что Мако откажется от своих прав на девушку, ему надо что-нибудь дать, и тогда он не будет сердиться на Умбери, на Тьюл и на Дэрау.

У тебя же есть столько прекрасных вещей — табак, стеклянные бусы, орехи бетеля, ножи и, может быть, даже топор,— и ты отец

Умбери. Так неужели ты не согласишься что-нибудь дать Мако, чтобы Умбери мог жениться на Тьюл?

Дэрау и Тьюл принадлежат к роду Каламбу⁸⁶. Так что с этой стороны нет никаких препятствий. Ты можешь, собственно, что-нибудь дать и Дэрау, и тогда он тоже не станет возражать. Что же касается меня, то я человек старый, и от такой длинной речи у меня совсем пересохло во рту. Несколько орехов бетеля для жевания были бы мне очень кстати.

Речь Эле имела успех. Мако заявил, что согласен на компенсацию. Дэрау тоже не возражал, Умбери и Тьюл⁸⁷ были счастливы, и сам Эле очень радовался. Приемный отец Умбери безропотно нес все расходы. И только жена Мако — Кадьин осталась недовольна, так как не получила ожидаемой помощницы для работы по хозяйству. Что касается ревности, то Кадьин вряд ли страдала от нее, ибо на Новой Гвинее женщинам ревновать не положено. Наоборот, старые женщины требуют от своего мужа, чтобы он для их разгрузки взял вторую жену, а вторая жена вскоре начинает настаивать на третьей, третья — на четвертой. А если такую разгрузку удастся получить более молодой женщине, то она рада этому еще больше.

И только молодым людям не нравится многоженство стариков, так как оно значительно сужает их возможности вступить в брак. И если молодая женщина, которой приходится обслуживать старика и трех или четырех его старых жен, вдруг поймет, что у более молодого мужа ей жилось бы лучше, она большей частью пытается как-то исправить положение; и тогда начинается цепь насилий, смертоносного колдовства и противоколдовства, которая редко приводит к хорошему концу.

Весьма существенным в речи Эле было замечание о том, что жених и невеста принадлежат к разным тотемным группам, так как в противном случае брак оказался бы невозможным. Бракосочетание в пределах собственного тотема⁸⁸ рассматривается как кровосмешение, если даже оба его участника, по нашим понятиям, вообще не состоят в родстве, а порой принадлежат и к различным племенам. Неясным остается лишь один вопрос, а именно, могут ли вступать в брак люди, принадлежащие к тотему Воды и к тотему Саговой пальмы⁸⁹, так как одни считают, что тотем Воды является подразделением тотема Саговой пальмы, а другие признают их самостоятельными.

Нормальная семья у маринд-аним и их соседей строится⁹⁰ по такой схеме:

Дед	Бабка	Дед	Бабка
из тотема	из тотема	из тотема	из тотема
Кокосовой	Аиста	Воды	Казуара
пальмы			

Отец	Мать
из тотема	из тотема
Кокосовой	Воды
пальмы	

Сыновья и дочери
из тотема Кокосовой пальмы

Таким образом, дети всегда принадлежат к тотемной группе отца.

Казалось бы, все это очень просто. Но там существует обычай, согласно которому родители, примерно в одно и то же время обзаведшиеся детьми, обмениваются ими, чтобы тем самым стать ближе друг к другу. Об обмене никому не рассказывают и скрывают это также от детей, чтобы избавить их от ненужных душевных переживаний.

По возможности обмениваются детьми родители, относящиеся к одной и той же тотемной группе (конечно, при этом учитываются лишь группы отцов), но в тех случаях, когда это невозможно, обмен происходит также между семьями, принадлежащими к различным тотемным группам. И так как дети думают, что при-

надлежат к тотему приемных родителей, тогда как на самом деле являются членами тотемной группы своих настоящих родителей, которых они считают просто добрыми друзьями семьи, то впоследствии возникают большие затруднения; и те и другие родители пытаются затем совместно разрешить их в порядке конфиденциальной беседы. Если же этого не произойдет, дело может окончиться весьма трагически.

Чтобы добраться из Окабы до деревень, расположенных в верховьях Булаки или на Мавекле, направляются не к устью Булаки, так как она делает большой крюк, а идут прямо по суше, и уже на второй день достигают деревни Йомоб, лежащей в верхнем течении реки. Для одного такого похода я взял носильщиков маринд-аним из Иволье и Макалина⁹¹. Когда мы устроили привал у речки Анау, все были весело настроены. Некоторым из носильщиков удалось убить кенгуру⁹², другим поймать уток, и потому у нас получился славный пир, и хорошее настроение моих спутников проявилось в пении и плясках. Только один мужчина, с которым весь день никто не разговаривал, тихо сидел в стороне; остальные явно избегали его и не желали, чтобы он принимал участие в общем веселье. Так как это был дружелюбный и скромный человек,

производивший на меня весьма хорошее впечатление, я спросил своих спутников маринд-аним, почему они избегают его. И тогда я узнал следующую историю.

ОШИБКА КУНГИ

В деревне Иволье жил раньше один мужчина из тотема Гебхе. У него был сын, для которого охотники за головами раздобыли имя Кунга. Отец не отдал сына другим людям, а оставил его у себя, пока тому не пришло время идти в мужской дом и он постепенно не достиг зрелого возраста. Потом Кунга отправился искать себе невесту, как это делают все молодые люди.

Сначала он пошел в Вамби, а оттуда через Докиб в Вамал, но там он не встретил ни одной подходящей девушки и ни с чем вернулся обратно. Затем он снова отправился на поиски невесты, на этот раз в Сангасе. Но в Сангасе ему не понравилось, потому что люди там говорили на чужом языке⁹³. Поэтому он пошел дальше — в Домандэ, Онгари, Кайбузе, а потом еще дальше — к Кумбе. Но нигде не мог найти свободных девушек на выданье. Он побывал также в Анасаи, но, конечно, и там

не подобрал себе невесты, потому что анасайцы известны своей глупостью⁹⁴. Наконец он через Венду и Бахор дошел до Нотива, где живут сони⁹⁵, и до Урумба. Но ему упорно не везло. Тогда он повернул обратно и решил остановиться у своих родных в Венду.

В той деревне жила одна девушка по имени Арос, которая ему очень понравилась. Ее родители умерли, и она жила у приемных. Кунга обменялся с девушкой серьгами, и жители Венду радовались, что он хочет на ней жениться. Теперь они были за нее совершенно спокойны. Кунга спросил Арос, из какого она тотема, и та сказала, что из тотема Кабана.

Так что все было в порядке, и люди из тотемов Гебхе и Кабана принесли Кунге и Арос свадебные подарки. Но дома для Кунги они строить не стали⁹⁶, потому что Кунга решил поселиться с женой в своей родной деревне.

Он очень гордился своей женой и, не торопясь, пошел с ней в Иволье через все прибрежные деревни. И в каждой из них они останавливались на некоторое время. Так прошел не один месяц⁹⁷. Но под конец они стали торопиться, потому что Кунга хотел, чтобы Арос рожала не в чужой деревне, а в Иволье, в доме для рожениц⁹⁸.

В Иволье Арос сразу же пошла в дом для рожениц и родила там девочку. Тут люди спросили Кунгу, кто ее муж. Кунга сказал: «Я». Тогда они собрались убить его, и ему пришлось бежать в Макалин.

Жители Иволье рассердились так потому, что Арос, оказывается, была родной сестрой Кунги. Родители младенцем отдали ее в Венду своим друзьям из тотема Кабана, у которых она и выросла. Потом приемные родители Арос умерли, и никто в Венду не знал, что на самом-то деле она родом из Гебхе. Не подозревали этого и родственники Кунги, потому что не знали, что Арос откуда-то принесена. Все люди в Венду думали, что Арос принадлежит к тотему Кабана, и потому согласились на ее свадьбу с Кунгой. Кунга, конечно, тоже не знал, что Арос его сестра. И все-таки жители Иволье не могли простить ему такое ужасное преступление.

Они немедленно убили ребенка Арос, а саму ее отправили обратно в Венду. Позднее она вышла там замуж за другого человека, уже не из тотема Гебхе.

Кунга остался жить в Макалине. Но и там люди избегали его. Со временем он достал себе другую жену из тотема Казуара. Он при-

вел ее из Тагепе от лесных людей⁹⁹, которые говорят по-своему¹⁰⁰. Они не догадывались, что натворил Кунга, и потому дали ему девушку.

Потом у них родился сын. Но так как никто не хотел пойти для Кунги на охоту за головами и никто не соглашался брать его с собой, то мальчик не получил черепного имени. Тогда Кунга передал свое имя и называл сына Кангу.

Кангу — это тот самый мужчина, что пришел с нами к Анау. Конечно, он неплохой парень, но кто же станет дружить с человеком, чей отец совершил такое страшное преступление?

Я тщетно пытался уговорить моих носильщиков изменить свое отношение к ни в чем неповинному Кангу. Он был доволен, что, по крайней мере, бывшие с нами индонезийцы и я старались немного его развеселить. Но маринд-аним упорно отказывались принять его в свою компанию.

В приведенном выше рассказе не упоминается об одном обстоятельстве, которое стало известно миссионеру П. Гейртьенсу¹⁰¹, а именно, что жители Иволье из-за близости правительственного поста в Окабе вовсе не собирались сами убивать

Кунгу, а заявили о его преступном браке помощнику администратора. Чиновник-индонезиец тотчас же объявил брак недействительным, но вопреки их ожиданию не привлек Кунгу к ответственности и лишь предупредил его быть осторожным при новом бракосочетании. Кунга обещал ему это и впоследствии свое обещание сдержал. В отношении же убийства ребенка никаких мер принято не было. Видимо, индонезиец не захотел лишний раз обострять отношения местного населения с чужеземцами и промолчал об этом.

Однако из Окабы исходили не только попытки сделать жителей Новой Гвинеи верными подданными правительства или, как говорят индонезийцы, Компании¹⁰², но оттуда же проникали к маринд-аним и те суеверия, которые индонезийцы-чиновники, полицейские и даже учителя-миссионеры принесли со своей молуккской родины.

Для подобных представлений, психодивших от «по-аним», весьма характерна рассказанная мне в 1933 году история о появлении так называемой пунтианак — духа женщины, умершей во время родов. Правда, пунтианак является образом индонезийской фантазии, но «по-аним» из Мерауке так настойчиво твердили о ней, что она не могла не оказать влияния на

легко возбудимое воображение марииндим, и потому я решил эту историю привести здесь. Она составлена из рассказов амбонцев, живущих в Окабе, и марииндим из Явиму.

ПУНТИАНАК

Рассказ амбонца Манупутти,
помощника администратора
из Окабы

Пунтианак — это дух женщины, умершей во время родов или сразу же после них. Мы, амбонцы, считаем, что она завидует людям, оставшимся в живых, и потому старается навредить им. Но особенно упорно преследует пунтианак своего мужа, так как он повинен в ее смерти: ведь она умерла, рожая его ребенка.

Пунтианак является к мужу или к другим людям ночью, с ребенком на руках, и узнают ее по тупому безжизненному взгляду и по длинным когтям на пальцах. На спине у пунтианак зияет большая вонючая дыра, в которой копошатся черви¹⁰³, и она все время старается повернуться спиной к стене, чтобы люди не заметили этого. А вокруг нее разносится запах тления.

Нападая на людей, пунтианак пытается исцарапать их своими когтями. Но едва начинает светать, она тут же исчезает, потому что она — ночной призрак и совсем не выносит дневного света. Если же рассвет застает ее врасплох, она тут же превращается в слизь, и тот, на кого она напала, спасен.

Но и ночью от пунтианак можно защититься, если остаться дома ¹⁰⁴. Там, где падает тень от крыши, она бессильна против людей. А если смело броситься на нее, она расплывется слизью или совсем исчезнет.

Вот какой случай произошел несколько лет назад в Пассо ¹⁰⁵. Часов в пять пополудни один мужчина пошел на рыбалку, чтобы наловить немного рыбы для своей беременной жены. Когда часов в девять вечера, уже затемно, он вернулся домой, навстречу ему вышла его жена с младенцем на руках. Сначала он очень удивился столь преждевременным родам и тому, что жена его так быстро встала. Но когда захотел обнять ребенка, то заметил, что у жены выросли длинные ногти и она пристально на него смотрит. Тогда он догадался, что жена умерла от преждевременных родов и превратилась в пунтианак. Он быстро убежал от нее и спрятался под опрокинутой лодкой.

Пунтианак отыскала лодку и начала подкапываться под нее. Часам к четырем утра она прорыла уже такую большую дыру, что почти могла в нее пролезть. Но тут стало светать. Сгоряча пунтианак не обратила на это внимания и вскоре превратилась в слизь.

В городе Амбоне один рыбак как-то вечером встретил чужую пунтианак, которая угрожала ему. Но он не растерялся и смело набросил на нее сеть. Пунтианак тут же исчезла.

Обычно пунтианак появляется только через четыре дня после смерти. Но иногда бывает и по-другому, как это случилось в Пассо или в Окабе.

Мы не любим рассказывать про пунтианак, потому что европейцы смеются над нами. А ведь мы тоже хорошие христиане¹⁰⁶ и не хотим, чтобы из-за нашей веры в пунтианак нас считали язычниками. Но пунтианак действительно существует, и голландский гезаггебер¹⁰⁷ в Амахеи¹⁰⁸ мог однажды сам убедиться в этом.

Раньше он тоже не верил в пунтианак и говорил, что хочет сначала увидеть ее своими глазами. Тогда люди отвели его в такое ме-

сто, где иногда по ночам бродила пунтианак, а сами стали издали наблюдать за ним. Через некоторое время там действительно появилась пунтианак. Гезаггебер был сильным и храбрым мужчиной и, не долго думая, бросился на нее. Но она тоже не испугалась и в свою очередь накинулась на него. Она рвала на нем одежду и царапала его. В пылу драки пунтианак не заметила, как подошло утро, и пропала. Гезаггебер был совершенно обессилен и истекал кровью. Но потом он снова поправился и больше уже не сомневался в существовании пунтианак.

Р а с с к а з а м б о н к и , ж е н ы
п о л и ц е й с к о г о к о м е н д а н т а ¹⁰⁹
и з О к а б ы

Моя старшая сестра была замужем за учителем-миссионером из Явиму на Булаке. Она ожидала ребенка, и поэтому мой зять привез ее в Окабу. Он поместил ее в больницу, а сам остался у нас дожидаться, пока она родит. Но бог не желал этого. Восьмого августа во время родов моя сестра умерла. И ребенок тоже оказался мертвым.

На следующую ночь сестра явилась ко мне. Выглядела она совсем как живая, а не как

пунтианак, и сказала мне тихо: «Сестрица!»¹¹⁰. Тогда я попросила ее, чтобы она не позорила нашей семьи и не становилась пунтианак. Она ничего не ответила и исчезла. Но нам все же не удалось избежать позора. Двенадцатого августа люди из Явиму видели ее в образе пунтианак.

Р а с с к а з   м а р и н д - а н и м   и з   Я в и м у ,
к о т о р ы е   п р и ш л и   в   О к а б у
з а   у ч и т е л е м - м и с с и о н е р о м

Мы очень удивлялись, что учитель так долго не возвращается. Вот уже два воскресенья он не читал нам проповеди. И в то же время его жена с ребенком уже вернулась в Явиму. Никто не видал, как она пришла, и никто не ходил за ней в Окабу, но она оказалась дома. Первыми увидели ее маленькие мальчики — Вайдам, Комнай и Доком. Они сказали об этом капале и мандуру¹¹¹, и те отправились в дом учителя.

Там они застали его жену с ребенком на руках, но самого учителя дома не было. Она сказала, чтобы принесли дров и овощей. Мужчины удивились, что жена учителя вернулась домой одна, но ничего не спросили и велели Ауай¹¹² позаботиться о дровах и овощах. По-

том вместе с Ауай они снова зашли в дом учителя, но там уже никого не было, сколько они ни искали.

Показания двух полицейских из
Окабы, амбонцев

Девятнадцатого августа я стоял на посту у полицейского барака. Было около десяти часов ночи и вокруг было темно и тихо. Только у миссионера еще горел свет. Вдруг ко мне беззвучно приблизилась какая-то белая фигура. Она выглядела как женщина, только очертания ее были расплывчатые, точно у привидения. Тут я догадался, что это пунтианак жены учителя. Я выхватил свою саблю и бросился на призрак. Но как только я ударил по нему саблей, существо исчезло, и вокруг было по-прежнему тихо и темно.

*

Я стоял на часах двадцать первого августа. И так как третьего дня мой товарищ видел пунтианак, я был осторожен и зарядил свое ружье патроном с солью, которую заговорил капала Араб¹¹³ в Мерауке. (Я ведь магометанин.) Для подобных случаев такие патроны очень хороши.

Сначала все было совершенно спокойно. Лишь время от времени слышался лай собаки, но это бывает почти каждую ночь. Примерно в час утра ко мне бесшумно подошла какая-то огромная белая собака. Она совсем не походила на призрак, а выглядела как живая. Собака приблизилась так быстро, что я едва успел вскинуть ружье и выстрелить.

Сразу же после выстрела собака исчезла. Как видно, патрон оказал свое действие. Конечно же, это была пунтианак, потому что в Окабе и в соседних деревнях нет ни одной такой большой белой собаки.

Теперь можно ожидать, что пунтианак явится в своем третьем образе — в виде огромного гуся. Но если мы и тогда прогоним ее, она уже больше никогда не придет к нам.

К этим рассказам, приведенным здесь без какой-либо критики, следует все же кое-что добавить.

Сновидение сестры умершей, а также ночные видения постовых полицейских были, конечно, вызваны тем большим волнением, которое возникло среди «по-аним» вследствие неожиданной смерти жены учителя. Сам учитель еще три недели не решался возвращаться в Явиму и оставался в Окабе, где, как ему казалось, он

подвергался меньшей опасности. Он почти обезумел от страха и за три дня до восемнадцатого сентября, когда я впервые попал в Явиму, снова куда-то исчез. Лишь двадцать седьмого сентября мне удалось встретиться с ним в этой деревне, но он все еще был очень растерян и просил своего коллегу из Талола побыть с ним некоторое время. Капала Явиму, который вместе с мандуром якобы видел пунтианак, был старым, выжившим из ума человеком, к тому же постоянно пьяным от вати, так что все его обязанности приходилось выполнять мандуру, бывшему, кстати сказать, весьма толковым и дельным мужчиной. Однако и этот мандур, а также и дети уверяли, будто видели пунтианак, правда не в образе страшного существа, а в облике приветливой и немного робкой женщины, какой она была и при жизни.

Любопытно отметить, что на маринданим, проживавших в соседних с Окабой деревнях Меви, Алаку, Сангасе и Иволье, волнение «по-аним» не произвело ни малейшего впечатления. Вера в пунтианак была им чужда, как, впрочем, и сама покойница. К тому же католический миссионер из Окабы, по-видимому, сказал им, что разговоры местных «по-аним» о пунтианак — вздор. В Явиму же, напротив, люди дружили с умершей, вероятно, справля-

лись о ней у «по-аним» из Окабы и услышали от них о ее возможном появлении в виде призрака с ребенком на руках ¹¹⁴. Остальное довершила пылкая фантазия маринд-аним.

Здесь уже оставлена почва, на которой произрастают представления маринд-аним и их соседей. Вполне вероятно, что духовное влияние чужеземцев может сказаться и более сильно — и это, конечно, происходит при активном содействии христианских миссий. Однако на такой старой основе вряд ли вырастет что-либо новое.

Старая же смелая фантазия, которая в образе Йолумы воплощала силу и величие морской стихии, которая видела дему в каждой кокосовой пальме и даже маяк на острове Дару пыталась включить в созданную ею картину мира,— эта фантазия уже умирает. Какую-то ее долю сохранили еще племена, живущие наиболее далеко от Мерауке, люди габгаб, обитатели западной и северной окраин острова Фредерика-Хендрика и сохуры, но самим маринд-аним и их друзьям угрожает сейчас мировая цивилизация, которая вряд ли сделает их счастливыми.

Никто не станет спорить, что следовало принять меры против охоты за человеческими головами, против убийств и людоедства в культовых союзах, против унижения женщин и других грехов прошлого.

Однако именно эти дела, как они ни ужасны, и придавали маринд-аним их жизнерадостность, укрепляли их чувство собственного достоинства и возбуждали фантазию.

Разумеется, ни один человек не может и не вправе желать, чтобы вернулось оплакиваемое стариками «доброе старое время» со всеми его ужасами. Но что же теперь делать?

Ныне настало время спасти то хорошее, что имеется у маринд-аним. Конец охоты за головами, который у сохуров и их северных соседей все еще не наступил, поможет молодым людям осуществить свое стремление к путешествиям и приобретению знаний. Они не хотят заниматься футболом, а ищут приключений и желают учиться. Эта возможность должна быть им предоставлена. И сейчас вполне пора подумать, каким образом можно поднять над узкими интересами племенной общины оба их основных идеала: оставаться человеком, сохранившим способность стыдиться, и, главное, научиться быть действительным аним-анем, т. е. человеческим человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Туан ахэ!»

(обращение к читателю)

¹ Weber-van Bosse, *Ein Jahr an Bord I. M. S. Siboga*, Leipzig, 1905, S. 303 ff.

² «Аним-анем» соответствует нашему выражению «гуманный человек».

³ *Melo diadema*.

⁴ Особой деревянной лопаткой из тыквенного соуда — калebasы достают немного извести, заворачивают ее вместе с кусочком плода арековой пальмы в лист бетеля (растения из семейства перечных) и жуют. Кислая бетелевая жвачка действует как легкое возбуждающее средство.

⁵ Когда я был усыновлен родом Гемар племени канум-иребе (что соответствует тотемной группе Гебхе у маринд-аним), мне на грудь тоже была повешена такая перламутровая пластина. В ответ на мое замечание о том, что я не дожил еще до седых волос, старейшины сказали: «Это мы знаем, но ты рассуждаешь уже вполне разумно».

⁶ Так, например, один мой знакомый из племени маклеуга, по имени Кебан, которого я знал как весьма добродушного человека, убил свою жену после того, как она в пылу ссоры ударила его голо-

вешкой. Мясо убитой было затем разделено между жителями деревни и съедено. На мой вопрос, что по этому поводу говорили в деревне, мне ответили возмущенно: «Она была твоей женой или женой Кебана? Или у вас в деревне (это значит, в Европе) все так бестактны, что вмешиваются в чужие семейные дела?»

⁷ Юг Новой Гвинеи — край болот, и потому вместо камней, при помощи которых в Океании обычно готовят пищу, раскаляя их в земляных печах, здесь употребляют куски термитных построек. Гончарное ремесло здесь неизвестно.

⁸ Вить веревок здесь не умеют. Ткачество также отсутствует.

⁹ Слово «тотем» взято из языка североамериканских индейцев-оджибуэев.

¹⁰ Ие-нан, принадлежащие к тотемным группам Свины, Кенгуру и Казуара, могут есть мясо названных животных лишь в том случае, если все присутствующие члены данной тотемной группы видели своими глазами, как череп этих животных был возложен на костер. Люди из тотема Саговой пальмы, хотя и имеют право употреблять в пищу саговую муку, однако не могут сами срубить саговое дерево, так как это ранит их демона.

¹¹ Вот как рисовал мне демона один мариинд-анем. Он начертил три зигзагообразных линии, означающих нетленные внутренности демы, вместилище его жизненной силы, потом обвел их овалом, который должен был изображать кожу, и добавил: «Снаружи он может выглядеть по-разному. Это нарисовать нельзя».

¹² В 1933 году в Мерауке я наткнулся на группу маринд-аним, которые, застыв на месте, пристально глядели на какое-то дерево, усыпанное алыми цветами. Оказалось, они увидели там демона. Лишь после того как один из наблюдавших произнес «Мененон» («Вот он полетел»), они вышли из оцепенения. Как звали этого демона, мне не сказали, но все в один голос заявили, что его тело было покрыто густыми черными волосами.

¹³ «Йолума, дув-дема, деехиб, айюваа!» Я видел, как один человек из деревни Вамби забрел по мелководью далеко в море: он уверял, что слышал зов Йолумы. Другим людям пришлось насильно вытаскивать его из воды, чтобы он не утонул. Другой человек, желая однажды схватить рыбу, вытащил из мутной воды камень. Он очень обрадовался этому (ведь в тех краях камни — большая редкость) и с гордостью показывал всем свою находку, считая ее подарком морского демона.

Сказания о происхождении людей и о стране мертвых

¹ Имас или Има — это область западных маринд-аним, простирающаяся от устья реки Колой до пролива Принцессы Марианны. Считается, что маринд-аним заселили ее последней. Местный диалект отличается от восточного тем, что здесь «р» переходит в «л», а «с» превращается в «х» или исчезает совсем. Таким образом, западные маринд-аним называют себя «малинд-аним».

² Область Гавир простирается от устья Биана до земель, расположенных восточнее Мерауке, где ма-

ринд-аним соприкасаются с иноязычными канум-иребе. К этой же области относится и лежащий еще восточнее обособленный земельный массив Кондомирав.

³ Если в огне разорвется коленце бамбука, закрытое с обеих сторон стеблевыми переборками, то раздастся треск, напоминающий в зависимости от толщины бамбука ружейный или орудийный выстрел. Малайские кули, которые принимают участие в китайских новогодних торжествах, но не имеют возможности оплатить дорогостоящий фейерверк, охотно используют для создания шумовых эффектов бамбуковые стержни, называемые ими «*meriam bambu*» — «бамбуковыми пушками». У маринд-аним и соседних с ними племен подобным же образом, при помощи «субавакун» («бамбукового треска»), изгоняют демона болезни. Вполне возможно, что «необъяснимая ружейная пальба», слышанная участниками английской экспедиции на одном из притоков реки Флай в 1933 году (см. *Hides, Papuan Wonderland, London, 1936, S. 22 f.*), была тем же «бамбуковым треском», при помощи которого туземцы пытались изгнать пришельцев, принятых ими за духов.

⁴ Бамбуковый нож («сок») представляет собой острую лучину бамбука. Иногда его насаживают на стрелу в качестве наконечника. Охотника за человеческими головами обычно называют сок-анем («человек бамбукового ножа»), так как он этим ножом отрезает голову своей жертвы.

⁵ В свои нынешние места поселения маринд-аним когда-то в самом деле пришли с востока. Жи-

вым напоминанием о тех временах служит сохранившееся до наших дней деление деревень на западную и восточную части, обозначаемые приставками «эс» («вперед») и «махай» («назад»). К примеру, деревня Вамби делится на Эс-Вамби и Махай-Вамби.

⁶ В действительности эти племена жили в стране еще до прихода маринд-аним. И все же последние не желают признавать за ними права первородства, искренне полагая, что они не могли появиться на свет раньше «истинных людей», т. е. самих маринд-аним.

⁷ Куркари — небольшое племя, живущее неподалеку от границы британской части Новой Гвинеи. Они ничем не хуже своих соседей. Необоснованное подозрение в колдовстве пало на этих людей потому, что их племенное имя напоминает цикасовую пальму (кукари), которая, по представлениям маринд-аним, обладает волшебной силой.

⁸ Другая (правая) сторона устья р. Дигула — это сплошные илистые болота, покрытые непроходимыми зарослями мангровника. Местность эта, естественно, никем не заселена. Между тем на карте 1911 года, составленной голландской «Militaire Exploratie», здесь указана деревня Хайтске. Ошибка объясняется тем, что сведения об этой деревне были почерпнуты составителями у одного маринд-анем, ехавшего с ними на пароходе по устью Дигула. Когда его спросили, указав на правый берег, живет ли там кто-нибудь, он ответил: «Хайске», что значит «там души умерших».

⁹ Van Baal, *Een reis naar het Gab-Gab-gebied*,—
Tijdschrift voor Indische Taal-Landen Volkenkunde,
LXXX, I, 1940, S. 10 ff.

¹⁰ *Phalanger maculatus*, сумчатое животное с цепким хвостом, обитающее на деревьях.

¹¹ *Varanus indicus*, животное типа ящерицы, достигающее одного метра в длину. Излюбленный предмет охоты туземцев.

¹² Люди, принадлежащие к одной и той же тотемной группе, не имеют права вступать в брак друг с другом даже в том случае, если между ними, по европейским понятиям, нет никакого родства.

¹³ Поэтому в течение года после смерти человека его огород остается за ним и считается неприкосновенным («сааль», т. е. табу). Никому не разрешается что-либо брать оттуда, как будто еще жив хозяин.

¹⁴ Вати — это *Piper methysticum*. Стебли и листья этого растения хорошенько разжевывают, затем разжеванную массу сплевывают в скорлупу кокосового ореха и выпивают, не дожидаясь, пока она перебродит. Острый и горький напиток вати не только вызывает опьянение, подобное алкогольному, но и парализующе действует на ноги. Некоторые люди пьют вати ежедневно. Однако женщинам и детям его употреблять запрещено. Вати тождественно полинезийскому кава, но там употребляются лишь безвредные и негорькие корешки этого растения.

¹⁵ По своей форме туземный барабан («кандала») напоминает песочные часы. С одной стороны он

обтянут шкурой кенгуру, по которой и бьют ладонью во время танцев.

¹⁶ Дарау, *Antigone australis*.

¹⁷ Таким же образом лечат от головной боли или от змеиного укуса, после чего больную часть тела обвязывают бинтами из лыка.

¹⁸ Имеется в виду пароход «Шель», который в 1899 году остановился напротив деревни Салира вблизи Мелиу. Как раз тогда и были убиты трое голландцев, высадившихся на берег. С тех пор маленькая и ничем не примечательная деревушка попала на многие географические карты. Там она обозначена под именем Селарики или ему подобным, что восходит к местному выражению «Салира-ке», т. е. «это Салира».

¹⁹ Эрмасук, т. е. «излучина реки» — таково туземное название места, где сейчас расположен административный центр Мерауке. Последнее название также основано на недоразумении. Маринд-аним, которых спросили о названии местности, решили, что речь идет о реке Маро, и ответили: «Маро-ке» (это — Маро).

²⁰ В 1902 году было совершено нападение на только что основанный голландский пост в Мерауке. До той поры маринд-аним не были знакомы с действием ружей и считали их простыми дубинками.

²¹ Город Сурабайя на острове Ява служил ранее главным отправным пунктом для кораблей, отходивших в эту часть Новой Гвинеи. Потому раньше там словом «Сурабайя» называли вообще всю Индонезию. Но после того как туземцы познакомились с охотниками за райскими птицами и с другими при-

щельцами из Индонезии, они научились различать Амбон, Бутон, Яву и некоторые другие острова Малайского архипелага.

²² Вскоре после моего прибытия в Тьюам на острове Фредерика-Хендрика меня спросили, как поживает скончавшийся незадолго до того мужчина, по имени Кобуко, считая, что я должен был видеть его в своей деревне среди мертвых. В Ильвайябе большое оживление у людей из племени йильмек вызвало сообщение, что у белых людей жены и дети тоже белые. «А мы и не знали,— заявили мне,— что духи умерших могут еще жениться и иметь детей».

²³ Маринд-аним знают несколько способов добывания огня при помощи трения: выпаживанием или сверлением деревянной подстилки заостренной палочкой и пилением куска бамбука, с зажатым в него трутом, бамбуковой же или тростниковой лучиной.

²⁴ Сходство между ними состоит лишь в том, что и те и другие обладают темной кожей и курчавыми волосами. Сами себя капауры считают папуасами, а маринд-аним и их соседей вслед за индонезийцами называют «оранг кайя-кайя», так как те, заключая дружбу, обычно произносят: «Кайе, кайе-нок», что значит: «В самом деле, я хороший».

²⁵ Записано в Факфаке в начале 1934 года.

Мифы, легенды и предания о демонах

¹ Постройки термитов высотой более человеческого роста встречаются неподалеку от побережья в сравнительно сухих местах, поросших травой и редкими панданусами и эвкалиптами. Они состоят

из твердого, как камень, материала, напоминающего шлак. См. также примечание 7 к первому разделу («Обращение к читателю»).

² Мелкие морские животные, родственные утиным моллюскам и также живущие в раковинах (*Balanus tinnabulum*). Они могут крепко присасываться к различным предметам и часто сплошным слоем покрывают каменные глыбы рифов, панцири крабов и т. д.

³ У гавирских маринд-аним чихнувшему мужчине из тотемной группы Геба (так называемой «Гебзе» или «Гебхе») говорят: «Суба!», что значит «Бамбук!»

⁴ Пес-демон.

⁵ Боевое оружие туземцев. Эти палицы представляют собой дубинки с просверленным каменным диском или шарообразным навершием из камня на конце.

⁶ Бути — местный сорт банана. Плоды его, мучнистые и лишенные сладости, потребляют в вареном виде. Другие сорта бананов были завезены сюда чужеземцами. Их охотно выращивают, но в мифологической системе они не находят места.

⁷ Так как молодые люди воспитываются в строгой изоляции от девушек и содержатся в особых юношеских или мужских домах («готад»), то среди них довольно распространены половые извращения. Кстати сказать, туземцы не видят в этом ничего дурного.

⁸ Сангасе, Алаку, а также Меве — три деревни, расположенные между устьями Колоя и Биана, отличаются от других особым диалектом и своеобраз-

ным культом, практикуемым в Союзе Имо. Этим и объясняются отступления от обычной схемы, узаконенной господствующим у маринд-аним культом Майо.

⁹ Согласно данному утверждению, Геб является основоположником охоты за человеческими головами.

¹⁰ Толстые отрезки бамбука наряду с тыквенными бутылками и скорлупой кокосовых орехов используются в качестве сосудов. Другой посуды маринд-аним не имеют.

¹¹ Мули — местное название пролива Принцессы Марианны, отделяющего остров Фредерика-Хендрика от собственно Новой Гвинеи.

¹² Голландский правительственный пост у устья Колоя, неподалеку от Алаку.

¹³ *Dioscorea alata*, вьющееся растение, имеющее большие съедобные клубни.

¹⁴ В нидерландской части Южной Новой Гвинеи наиболее распространенными райскими птицами являются *Paradisea apoda* со сверкающими желтыми перьями, в то время как в британской области преобладают райские птицы с красно-коричневым оперением.

¹⁵ Имеется в виду не река Маро, впадающая в море у Мерауке, а Флай, текущий по британской части острова.

¹⁶ Папеда, саговая каша, излюбленное блюдо амбонцев.

¹⁷ Англичапе.

¹⁸ Имо — название легендарной деревни маринд-аним. На языке ябга и маклеуга слово «имо» озна-

чает лодку-однодеревку. Интересно, что в культе Имо такая лодка тоже играет определенную роль.

¹⁹ Имеется в виду юноша возрастного класса эвати, отличающегося наиболее великолепным и пышным нарядом (см. предисловие Г. Невермана, где дается соответствующее описание). Этот класс охватывает уже возмужавших, но еще не женатых молодых людей. Возраст эвати считается периодом наибольшего расцвета мужской красоты.

²⁰ Вамал — самая западная деревня маринд-аним, расположенная у устья реки того же названия. В настоящее время представляет собой большое миссионерское село, объединяющее несколько поселков.

²¹ Прилив преграждает водам реки выход в море. Вследствие этого происходит быстрое накопление воды у устья, которое затем разрешается мощной волной, представляющей серьезную опасность для лодок. Наибольшей силы такая приливная волна достигает в устьях Дигула и Биана. Но мне довелось наблюдать ее и на реке Маро, выше Мерауке.

²² Маринд-аним знают лишь два слова, означающих собственно числа: это один («сакод») и два («ина»). Чтобы сказать три, они говорят «ина-сакод», т. е. «два и один». Четыре по-мариндски «ина-ина», пять — «лясанга», что значит «рука». Шесть — «ина-ина-ина», семь — «ина-ина-ина-сакод». Десять — это «ина-лясанге», т. е. «две руки». Число двадцать они выражают словом «анем» («человек»), потому что человек имеет десять пальцев на руках и десять — на ногах. При этом они скла-

дывают вместе кисти рук и указывают ими на пальцы ног.

²³ К возрастному классу иваг относятся девушки, достигшие половой зрелости. Они носят самые лучшие украшения. Возраст иваг для женщин — то же самое, что возраст эвати для мужчин.

²⁴ Один из видов веерной пальмы.

²⁵ Племя бурик-аним живет в восточной части Новой Гвинеи, в той области, где когда-то, до своего большого переселения, жили сами маринд-аним.

²⁶ Мани или мани-аним — небольшое племя, живущее на побережье, по обеим сторонам нидерландо-британской границы. Сами себя они называют «мани-кор».

²⁷ К возрастному классу мес-меаким относятся наиболее старые люди, уже «впавшие в детство» и потому не пользующиеся таким почетом, как другие старики. Слово «мес» означает переспелый или засохший кокосовый орех, а слово «меаким» — юноша. Таким образом, выражение «мес-меаким» имеет смысл: «засохший и впавший в детство».

²⁸ Когда я в 1934 году был на острове Фредерика-Хендрика у устья реки Дамбу, которая впадает в пролив Принцессы Марианны (Мули), в воздух взлетел морской орел. Мой проводник тут же объяснил мне, что это был Кидуб с острова Волинау.

²⁹ Имеются в виду пуэраха и некоторые другие племена, населяющие остров Фредерика-Хендрика, которые живут посреди огромных болот на маленьких искусственных островках, окруженных каналами.

³⁰ *Periophthalmus koelreuteri* Pall.

³¹ В Окабе одну девушку называли Игису, что значит «Безымянная». Оказывается, когда для нее добывали череп, не смогли узнать имени жертвы.

³² Слово «ви», переведенное здесь как «душа», собственно говоря, означает ядро, внутреннее содержание, самую суть какого-либо организма. Ви — это то, что заставляет тело двигаться, а голову — думать. Во время сна ви может отделяться от тела и бродить самостоятельно. Вот отчего спящего нельзя будить сразу: ви может не успеть своевременно вернуться на место и разбуженный от этого пострадает. Для процветания ви необходимо так называемое «внутреннее мясо» (сердце, легкие, печень, кишки и т. п.), на котором она произрастает, как на земле — растения. Но ви демона, будучи сильнее, чем ви человека, и сама в состоянии создавать себе новое тело.

³³ Копьеметалка (кандиль) представляет собой кусок бамбука с крючком, которым захватывают конец копья. Бросаемое при помощи кандиля копьё получает значительно больший размах, чем без него, так как это приспособление служит как бы рычагом, удлиняющим руку.

³⁴ Крепкий прут ротана изгибают таким образом, что он приобретает вид ухвата с вилкой ромбической формы и длинной ручкой. Этой вилкой-рассошкой захватывают шею кабана и придерживают его, пока второй охотник поражает животное копьём.

³⁵ *Piper betle*. См. примечание 4 к разделу «Обращение к читателю». Когда жуют бетель, слюна

окрашивается в кроваво-красный цвет, а зубы становятся черными.

³⁶ В связи с тем что на кабана всегда охотятся вдвоем, каждый из охотников получает трофейный свиной хвост лишь через раз. Напарнику же достаются кабаныи яички. Эти яички высушивают и затем носят на верхней части руки (на плече).

Так как дикие свиньи защищаются очень яростно, слово «свинья» в языке маринд-аним является синонимом храбрости. Так называют только самых смелых мужчин. Про трусливого человека говорят «кенгуру», про похотливого — «крокодил», а про глупого — «черепаша».

³⁷ Поросят и щенят женщины выкармливают своей грудью, как и собственных детей. Впервые пойманного поросенка украшают плетеной ленточкой, которую повязывают ему вокруг шеи или живота. Когда свинью закалывают, ее «молочная мать» плача стоит рядом. Она также не ест мяса своей питомицы. Убитую свинью делят следующим образом (по крайней мере у канум-иребе): седовласые старцы получают заднюю половину, остальные мужчины и мальчики — переднюю, а женщины и девочки — внутренности.

³⁸ «Дигул-аним» меньше ростом и более коренасты, чем маринд-аним и их ближайшие соседи, и часто подвергаются нападениям. Детей дигульцев охотники за головами уводят с собой и усыновляют, в связи с чем среди рослых маринд-аним нередко можно встретить людей дигульского типа. Усыновленных детей охотники за головами считают полноценными маринд-аним. Назвать человека «ди-

гул-аним», значит нанести ему тяжкое оскорбление.

³⁹ В очищенный череп вместо носовой кости вставляют небольшую скобу из тростника. Затем па череп натягивают высушенную кожу, раскрашивают ее по-праздничному, а в волосы вплетают длинные лубяные косы.

⁴⁰ В настоящее время Авехима является местом огородов. Она расположена к западу от Вамала, последней деревни маринд-аним перед Мули. Когда-то Авехима наряду с Кумбисом была самым западным мариндским селением.

⁴¹ Люди яб, называющие себя ябга, живут к востоку от среднего течения Мули. К ним близки йильмеки, мопоко и гонек, обитающие несколько севернее, маклеуга на Мавекле, живущие восточнее, галум и ныне вымершие дибга — южнее. По своему языку они отличаются от маринд-аним, но очень близки к ним по своей культуре. Они пришли в эти места раньше маринд-аним. Весьма вероятно, что группы маринд-аним, живущие в верховьях Булаки, первоначально принадлежали к племени маклеуга и лишь переняли у маринд-аним их язык. Чувство былой взаимосвязи здесь еще очень сильно. Мифология ябга, йильмеков и других соседних племен чрезвычайно сходна с мифологией маринд-аним. Они знают, например, Геба, Йолуму (у ябга — «Йоима»), демона-казуара Ягила, пса-демона Маху и многих других мариндских демонов.

⁴² Место называется так в память о Кумбисе, реке на прежней родине маринд-аним на востоке,

возможно Васи-Кусе, находящейся между границей с британскими владениями и устьем реки Флай. Кумбис — это маленькое, в настоящее время покинутое селение вамальцев на берегу Мули. В 1934 году они предоставили Кумбис, обладающий плодородной почвой, благоприятными условиями для охоты и хорошей питьевой водой, в распоряжение жителей деревень Кладер, Тор и Имбуенам, расположенных в западной части южного побережья острова Фредерика-Хендрика, которым угрожали штормовые приливы. Однако островитяне из-за своей любви к родине отказались переселиться в Кумбис.

⁴³ *Semifusus*, раковина морской улитки. Раковину надевают на крайнюю плоть. В данном мифе раковина семифузуса заменяет материнское тело, из которого рождается кенгуру.

⁴⁴ Имеется в виду верховье Биана, где живут маринд-аним, отличающиеся от других особым диалектом и несколько иными обычаями. Возможно, они пришли в эти края не по побережью, как остальные маринд-аним, а через земли, отстоящие далеко от моря.

⁴⁵ Калемаса — это твердая оболочка бутылочной тыквы (*Lagenaria vulgaris*), содержимое которой несъедобно. Хранимая в калемасе известь служит приправой к орехам бетеля, употребляемым для жевания.

⁴⁶ Метисы маринд-аним и индонезийцев, знавшие о том, что в других странах имеются короли и другие правители, говорили, что демон москитов правил в Домандэ очень строго и потому все

ого подданные сбежали оттуда. Но так как в языке маринд нет слова для обозначения подданного, им пришлось прибегнуть к малайскому варваризму («гајат»), в свою очередь заимствованному из арабского языка.

⁴⁷ Эта пальма (*Cycas Rumphii*) ошибочно считается ядовитой. Переселенцы из Амбона охотно едят молодые побеги ее листьев, которые по вкусу напоминают спаржу.

⁴⁸ Кровь соответствует жизненной силе (ви), а известь — «внутреннему мясу», на котором она произрастает.

⁴⁹ Сведения о смертоносном колдовстве я почерпнул у йе-нан. Однако в существенном они не отличаются от подобных представлений маринд-аним, канум-иребе, ябга и других племен, в том числе и тех, что живут в Британской Новой Гвинее.

⁵⁰ *Colocasia esculenta*, растение с крупными крахмалистыми съедобными корневыми клубнями.

⁵¹ Лопата или мотыга им неизвестны.

⁵² Мавеоль — небольшое место причала лодок на берегу Мули. Бибикем расположен дальше от берега на маленькой возвышенности. В период дождей местность между этими двумя пунктами затопляется.

⁵³ *Nautilus pompilius* L., морское животное, родственное каракатице, живущее в раковине, похожей на улиточную; блестящие, как серебро, части этой раковины употребляются маринд-аним в качестве нагрудных и головных украшений.

⁵⁴ Видимо, речь идет о гигантской древесной змее, крайне неподвижной и неопасной для чело-

века. Едят ее относительно редко, за исключением дигульцев, которые готовят древесных змей и свиной к каждому празднику.

⁵⁵ Большая часть острова Комолом болотиста.

⁵⁶ И родственники и сама девушка также являются демонами.

⁵⁷ Передний конец лодки — нос, два шипа позади него — уши, а следующие за ними зубцы — зубы. Отверстие корпуса лодки сравнивается с открытым ртом.

⁵⁸ На Новой Гвинее обезьян нет. Другим названием для них служит слово «кеес» (сокращенное «Корнелиус»), по имени обезьяны, имевшейся на одном корабле. В настоящее время обезьян называют малайским словом «monjet». Я также слышал, как одного человека, который вел себя смешно, называли опеко-анем.

⁵⁹ Нгатси исполняют только молодые мужчины. Под звуки ручных барабанов они расхаживают взад-вперед и при этом поют. Люди постарше, а также женщины и девушки лишь наблюдают за пляской. Нгатси можно петь и в пути, особенно перед прибытием в деревню. Тексты песен обычно ведут свое происхождение из Британской Новой Гвиней и потому непонятны маринд-аним и их соседям. Время от времени разучивают новые нгатси, которые быстро становятся модными и вытесняют старые, как это бывает и у нас. Новые нгатси различными путями шествуют с востока на запад, вплоть до острова Комолом и острова Фредерика-Хендрика. К сожалению, они часто совершенно вытесняют старинные песни.

⁶⁰ «Боди-аним» — это нгову-гар, племя, живущее вдали от моря, к востоку от границы с британскими владениями, и соседствующее с йе-нан и канум-иребе. Они — ревностные проводники новых песен, идущих с востока.

⁶¹ «Бендель» — выражение на языке йе-нан и канум-иребе, соответствующее «нгатси» у маринд-аним. Здесь, однако, имеется в виду старый бендор, более древняя песенная форма, в настоящее время редко встречающаяся.

⁶² В конструкции мостов сказывается влияние чужеземцев. Что касается столбов, то они не имеют с мостами никакой связи и свободно стоят рядом.

⁶³ Аист, скат, крокодил, черепаха.

⁶⁴ О значении этого названия см. в легенде о происхождении саговой пальмы.

⁶⁵ Река у йе-нан и у соседних с ними маринд-аним называется Оба. Из этого названия малайские охотники за райскими птицами сделали «Kali Obat» — «Медицинскую реку», что перенял также Вирц.

⁶⁶ Канум-иребе частично живут на побережье (деревни Мелиу, Онгайя и Томер), в основном же — вдали от моря. То, что они пришли на побережье из глубины острова, подтвердили яванские поселенцы Сайир и Амаредьо, которые прибыли в страну еще в 1902 году. Именно поэтому канум-иребе и мораури раньше не доверяли морю и при виде его заслоняли глаза руками, чтобы на него не смотреть. Сайир считает, что оно было для них «romali», т. е. табу, и это, по-видимому, верно.

⁶⁷ Сами наконечники представляют собой когти кенгуру или казуара, обломки костей, лучины бамбука или железного дерева. Окрашена и полирована лишь та деревянная скрепка, при помощи которой они прикрепляются к камышовому древку.

⁶⁸ Гандин — название безлесной, покрытой травой равнины, расположенной в непосредственной близости от Мерауке. В предании не указано, из какого места пришли демоны. Мои рассказчики считали, что, по всей вероятности, это было Сенаю или По, т. е. одно из пограничных селений маринд-аним у области йе-нан. По пути женщина-демон, по имени Купер, спасаясь от преследований какого-то демона, должна была спрятаться в болото и принять образ раковины-жемчужницы. С тех пор соседняя с этим болотом деревня называется Куперик. Однако некоторые оспаривают связь данного события с легендой о деревянном крокодиле.

⁶⁹ Со стороны моря в Маро, достигающей у устья четырехсот метров ширины, идет мертвая зыбь, которой не могут противостоять лодки йе-нан с верховьев реки. Однажды у Гандина перевернулась двойная йе-нанская лодка, в которой я сам ехал.

⁷⁰ У Мерауке крокодилы еще и теперь весьма многочисленны и агрессивны. В конце 1933 года один из них утащил перевозчика-малайца из его перегруженной лодки. Недели три спустя этот крокодил был застрелен в одном из притоков Маро, и у него в желудке обнаружили остатки костей перевозчика.

⁷¹ См. предварительные замечания к легенде о сыне змеи и кокосовой пальме.

⁷² Когда на Маро опрокинулась лодка, в которой я ехал с йе-пан, они сразу же заявили, что тому виной один человек из Квеля, который якобы напавил на нас Оре-явала. К счастью для этого человека, кстати сказать, очень радушно меня встретившего, мои спутники дали себя разубедить. Иначе они, без сомнения, убили бы его.

⁷³ Женщины и девушки участия в пляске не принимают. Свиное мясо запекают с саговой мукой. При распределении угощения участникам праздника достаются куски разной величины, однако те, кому случайно достался маленький кусок, не жалуется на это.

⁷⁴ Родственный эвкалипту вид дерева с мягкой корой вроде оберточной бумаги, которую употребляют для покрытия крыш и заворачивания различных предметов.

⁷⁵ Демон Геб также изображается мальчиком с больной кожей.

⁷⁶ Parkinson, *Dreissig Jahre in der Südsee*, Stuttgart, 1907, S. 199.

⁷⁷ См. легенду о происхождении саговой пальмы и казуара.

⁷⁸ В оригинале «анем», т. е. двадцать. О системе счета маринд-аним см. примечание 22 к этому же разделу.

⁷⁹ Здесь содержится намек на обряд посвящения в колдуны (мезав-аним). Избранные колдуном молодые люди должны в течение определенного времени находиться под надзором вдали от деревни и голодать. Затем им дают пить пьянящий вати, смешанный с трупной жидкостью, а также пускают

его через трубку им в глаза. Тому, кто это выдерживает,— что удастся не всем,— утренняя звезда кажется больше, чем другим людям. Это означает, что он стал настоящим колдуном. Отныне ему нельзя прикасаться к листьям лимона. Один мезаванем, которому я как-то поднес такой лист, тотчас же упал как подкошенный. Впрочем, потом он не обижался на меня за этот опыт, так как тем самым смог доказать, что является настоящим колдуном.

⁸⁰ В нынешней области капум-иребе.

⁸¹ Женский передник маринд-аним представляет собой узкий пояс, с которого спереди свисают лубяные волокна; их продевают между ног и сзади снова засовывают за пояс. У йе-нан, капум-иребе, мани-кор и нгову-гар женщины носят низко свисающие спереди и сзади передники из волокон. Женщины ябга и на острове Фредерика-Хендрика употребляют такие же передники, как и маринд-аним.

⁸² Мягкие стволы банана совершенно несъедобны.

⁸³ Когда я, ничего не подозревая, спросил о названии куста, из луба которого делаются женские передники и который так же, как они, называется нава, один старик пояснил мне, что такие вопросы задают лишь крокодил-аним, то есть безнравственные люди.

⁸⁴ Так называемые балайгахе, принадлежащие к тотемной группе Морского демона. Основываясь на этом предании, во многих местах, хотя и не везде, люди, относящиеся к тотему Воды, не могут

вступать в брак с людьми из тотема Саговой пальмы.

⁸⁵ *Meliphaga virescens*, птица, охотно поселяющаяся на кокосовых и других пальмах, из которых индонезийцы цедят пальмовое вино.

⁸⁶ Мангат-аним, живущие к востоку от Мерауке, сами себя называют мораури. С давних пор мораури являются очень маленьким племенем, однако имеют свой особый язык.

⁸⁷ По возвращении с острова Фредерика-Хендрика я рассказал своим мариндским друзьям, что тамошнее население, живущее у реки Карерамо, на западе острова, лишь недавно начало разводить саговые пальмы и еще недостаточно хорошо знает, как перерабатывать их сердцевину на муку. Этим и объясняется данное замечание. В остальных областях острова хорошо умеют готовить саговую муку. Но так как там недостаточно пальм, островитяне, кроме того, употребляют в пищу малопитательную коричневатую муку из корней папоротника. Это также показалось маринд-аним очень диким.

⁸⁸ В противоположность этому, летающих собак считают птицами.

⁸⁹ В половых вопросах маринд-аним очень сдержаны, по крайней мере на словах.

⁹⁰ На Комоломе казуары не водятся, так как остров состоит из одних лишь болот, мангрововых зарослей и песчаной полосы вдоль побережья; настоящего леса, в котором могли бы жить казуары, там нет.

⁹¹ *Endiandra*, древесный плод. Орехи жуют или отдельно или же вместе с бетелем; при этом во рту

образуется густая клейкая масса. Мне так и не удалось разобраться в том, что, собственно, доставляет удовольствие маринд-аним: вкус, который мне показался только горьким, или же процесс выплевывания. Во всяком случае, красная, как кровь, слизь, образующаяся в большом количестве при употреблении бетеля с аке, весьма забавляет их.

⁹² *Eugenia malaccensis*, плоды величиной с яблоко, белого, розового или фиолетового цвета, довольно водянистые и со слабым запахом. Их охотно едят маринд-аним, а также казуары.

⁹³ Несмотря на то что в период дождей (соответствующий нашей зиме) на Новой Гвинее бывают сильные тропические грозы, маринд-аним не испытывают страха перед ними, если только гроза не застанет их в лесу. Лишь в пограничной области между маринд-аним и канум-иребе люди боятся грозы, так как там ударом молнии был уничтожен принадлежащий обоим племенам мужской дом со всеми его обитателями. Страх перед грозой был здесь так велик, что мне даже не осмелились указать название деревни. Вероятно, это была Кумсара или Ндаманд.

⁹⁴ В верховье Биана.

⁹⁵ По Вирцу, он называется Вонатай. Возможно, имя Оле связано с йе-нанским словом «оре» (черепа), так как демон-аист выступает также в качестве охотника за головами. Новогвинейский аист (*Xenorhynchus asiaticus*) больше нашего.

⁹⁶ У ската на придатке его длинного, бичеобразного хвоста имеется шип со множеством крючков,

который может тяжело ранить. Поэтому в глинистом мелководье позволяют ловить рыбу только старым женщинам, ибо «если наткнется на колючку ската старуха, это полбеды, а молодые нам еще нужны», как объяснил мне один шутник из Вамби.

⁹⁷ Указание на действие вати, который приносит анст.

⁹⁸ На остров Фредерика-Хендрика. Здесь вати известен повсеместно. Правда, в его качестве сопровождавшие меня туда люди ябга из Бибикема были сильно разочарованы. В том, что там пьют много вати, я мог убедиться на южном берегу острова, когда неожиданно явился почью в Инунгальнам и застал всю деревню, за исключением детей и некоторых молодых женщин, в глубоком опьянении. Подобными случаями нередко пользуются охотники за головами, и потому у ябга, йе-нан, сохуров и многих маринд-аним (например, в верховьях Булаки и Биана) разрешается пить вати не всем сразу, а лишь той или иной части мужчин, способных носить оружие.

⁹⁹ В октябре, после жатвы стеблевые узлы вати сажают в землю и под особыми навесами выращивают из них новые растения. В противоположность всяким другим видам огородных работ, этим делом занимаются исключительно мужчины.

¹⁰⁰ О том, какое отношение охота за головами имеет к именам детей, говорится во введении к следующему разделу книги («Рассказы охотников за головами»).

¹⁰¹ *Charadrius leschenaultii*, перелетная птица из Центральной Азии.

¹⁰² Название «Дигул» происходит от мариндского слова «декали» — что значит «материковая река», так как из области маринд-аним к ней можно попасть только через внутренние земли, удаленные от моря.

¹⁰³ Так как дигульские женщины совершенно справедливо считаются трудолюбивыми и скромными, многие маринд-аним хотели бы взять их в жены, тем более, что своих женщин у них не хватает. В противоположность обычаям маринд-аним и их соседей, у которых для того, чтобы жениться, достаточно договориться с будущим тестем — мнения его жены и дочери не спрашивают, — дигульцы требуют большого выкупа за невесту (от тридцати до шестидесяти собачьих клыков, пять-шесть каменных топоров и около семидесяти раковин каури, высоко ценимых в местах, удаленных от моря), которого ни один маринд-аним не имеет желания платить. Так как, кроме того, у дигульцев для замужества девушки необходимо согласие всех ее родственников, то браков маринд-аним с дигулками практически не бывает.

¹⁰⁴ *Rhyticeros plicatus*, большая лесная птица с крупным и легким клювом. Голландцы называют ее годовой птицей (Jahrvogel). Когда она летит, раздается громкий шорох.

¹⁰⁵ Через Мули, шириной в два километра райские птицы перелететь не могут и потому они не встречаются на острове Фредерика-Хендрика.

¹⁰⁶ Дома дигульцев строятся так высоко в целях защиты от врагов. До двери такого дома можно добраться лишь по подвесной веревочной лестнице.

Людам маринд, которые строят свои жилища на земле, дома дигульцев издавна казались очень странными. С гнездами их, однако, едва ли можно сравнивать, так как дома эти просторны, во всяком случае в них имеются отдельные помещения для мужчин и женщин, и построены весьма прочно, — так что в них нет ничего примитивного. При нападении на такой дом, из которого к тому же еще стреляют, средствами маринд-аним добиться ничего нельзя. Поэтому на дигульцев предпочитают нападать, когда они находятся в своих рассеянных среди огородов хижинах, где они проводят большую часть времени.

¹⁰⁷ Собственно: «вперед», так как предки передвигались с востока на запад.

¹⁰⁸ Речь идет о маленьких белых голубях «бегом» (*Myristicivora spilorrhoea*).

¹⁰⁹ Тотемная группа Гебхе, дема которой — Геб.

¹¹⁰ *Croton variegatum*, куст с желтыми, красными и зелеными листьями, встречающийся во многих разновидностях. Его разводят в садах как декоративное растение. Листья втыкают в ручные браслеты в качестве украшения. Кустам кротона приписывают способность изгонять духов.

¹¹¹ *Antigone australis*.

¹¹² *Xantomelia aurea*.

¹¹³ *Phalacrocorax sulcirostris*, по-мариндски: каль-а-каль или кар-а-кар. Мифология связывает эту птицу также с черепами, добытыми на охоте за головами.

¹¹⁴ Сравни Геба и крокодила-демона (из сказания о бетелевой пальме), которые также выступа-

ют в образе мальчиков с пораженной кожей. Во всех случаях подразумевается, что презираемый и безобразный человек, которого другие не принимают всерьез, умнее тех, кто его презирает,— сказочный мотив, распространенный по всему миру.

¹¹⁵ Точно так же непрерывно произносят про себя имя своей жертвы возвращающиеся домой охотники за головами. Так как имя считается частью души, то тот, кто знает имя человека, может покорить и его самого,— и таким образом настоящим победителем Нгенге является безобразный мальчик. Сравни с этим нашу сказку о карлике (Rumpelstilzchen), который теряет свою власть, как только становится известным его имя. Ни один маринд-анем никогда не ответит на вопрос, как зовут его самого или его родственников, а попросит сделать это за него своего друга. И сами они также никогда не спрашивают, как кого зовут.

¹¹⁶ Возле наружной двери имеется еще маленькая дверца для собаки, чтобы та могла ночью вбежать и выбежать из дому, не беспокоя людей.

¹¹⁷ Черепахи считаются образцом глупости, так как не могут говорить.

¹¹⁸ По-видимому, речь идет о каком-то давнем падении метеорита. Во всяком случае оно произошло задолго до того, как в 1902 году была основана Мерауке.

¹¹⁹ Тик-дема стоит особняком от других демонов и не имеет никакого отношения к тотемным группам. Это — моровой демон, которого стараются изгнать при помощи так называемого «бамбукового треска» (см. примечание 3 к разделу «Сказания о

происхождении людей»). При каждом хлопке выкрикивают название другой, по возможности вражеской, деревни, в которую надеются его отвлечь. Когда после первой мировой войны на юге Новой Гвинеи появился грипп, вызвавший большую смертность, это также было приписано Тик-деме.

¹²⁰ После того как прекратился грипп, унесший много человеческих жизней, метисы занесли в страну венерическую гранулему, которая, хотя и не приводила к смертельному исходу, но явилась продолжительным народным бедствием. С большим трудом доктору Тирфельдеру из Ростока и его преемнику, врачу Паменану Харахану с Суматры удалось справиться с эпидемией, и к 1934 году она сильно сократилась.

¹²¹ На морском побережье для приправы в пищу употребляют морскую воду. В отдаленных от моря местах соли нет совсем, и потому в качестве приправы там пользуются золой молодых листьев саговой пальмы, которые перед сжиганием высушивают. Вследствие этого пища становится сероватой, но настоящего маринд-аним отсутствие чистоты ничуть не смущает. Они охотно употребляют для приправы также маленькие, чрезвычайно горькие стручки перца.

¹²² Вину за несчастный случай с лодкой, который произошел со мною и некоторыми йе-нан на нижнем Маро (см. примечание 72), сначала свалили на одного человека из Квеля, который якобы совершил черепное колдовство, а затем на то, что один из гребцов прикоснулся веслом к Кведьелю. Так как, к счастью, при аварии никто не пострадал,

с этим человеком ничего не случилось, но он получил от остальных очень серьезное предупреждение.

¹²³ Маленький необитаемый островок вблизи острова Флорес.

¹²⁴ *Crocodylus porosus*.

¹²⁵ Geurtjens, *Unter den Kaja-Kajas*, Paderborn, 1935, S. 38.

¹²⁶ Monckton, *Some Experiences of a New Guinea Resident Magistrate*, I, London, 1936, p. 206.

¹²⁷ Индонезийские иммигранты называют маленького варана (*Varanus indicus*) «биавак» и отличают его от большого «соасоа» или «*buai tanah*», «сухонутного крокодила». Исследование кожи соасоа, раздобытой мною на Верхнем Биане, показало, что речь шла не о животном типа «роу», а о варане, правда, несколько большем, чем обычный *Varanus indicus*.

¹²⁸ Мангрововые деревья нуждаются в соленой воде, а ниповые пальмы — в солоноватой. Ниповые пальмы встречаются возле рек на расстоянии до тридцати с лишним километров от побережья.

¹²⁹ На языке маринд: «пус», соответственно голландскому «Poes».

¹³⁰ Жук разрушает сердцевину пальмы. Его белые личинки толщиной с большой палец туземцы охотно едят даже живыми.

¹³¹ Определенных кладбищ не существует. Каждого хоронят там, где он любил бывать при жизни, и в прибрежных деревнях это обычно низкая песчаная дюна с видом на море. У маринд-аним на Верхнем Биане, у йе-нан и у пуэраха на острове

Фредерика-Хендрика имеются особые дома за пределами деревни, в которых устроены могилы.

¹³² Это преувеличено, хотя там и рано старятся и в сорок лет уже становятся седыми.

¹³³ По-малайски «ikan paus».

¹³⁴ Папуасы обычно весьма нечувствительны к запахам. Они красятся минеральной краской, которая прокисает, растираются маслом, которое становится прогорклым, и никогда не моются, чтобы не сошла раскраска; кроме того, от них еще пахнет дымом, так как они спят у огня. Мясо, уже начинающее пахнуть, они едят без всяких опасений и без какого-либо вреда для себя.

¹³⁵ Напоминающая юбку одежда.

¹³⁶ Слова «купаться» у мариинд-аним нет. Отсюда описание действия.

¹³⁷ Сам рассказчик (житель Макалина) принадлежал к союзу Майо.

¹³⁸ По-малайски «seroh», свайное сооружение со все суживающимися камерами. Из них рыбы не могут выйти, так что во время отлива их можно там подбирать.

¹³⁹ То, что Ибрахим получал деньги и покупал на них товары, рассказчик обходит, ибо деньги являются для него чуждым понятием.

¹⁴⁰ Разница между отливом и приливом составляет здесь приблизительно шесть метров, в Мули — даже девять метров.

¹⁴¹ Киу-самб-анем, буквально: «крокодил — могучий человек» (крокодил-старец).

¹⁴² Молуккские малайцы из Амбона и Банды, менадонцы с Северного Сулавеси, выходцы с

острова Кей и другие, преимущественно рыбаки, бывшие охотники за райскими птицами, полицейские и матросы, которые едва ли чему-нибудь учились.

¹⁴³ Я сам смог сделать снимок этого крокодила, стоя в глине на очень близком от него расстоянии.

¹⁴⁴ В настоящее время в лесах, удаленных от моря, райские птицы вновь стали весьма многочисленны.

¹⁴⁵ См. рассказ «Маленькие люди».

¹⁴⁶ Устье Тораси находится как раз на границе между голландской и британской областями.

¹⁴⁷ Йе-нан не причастны к культу Сосома, хотя их соседи и утверждают обратное. То, что этот культ исходит от живущих в верховье Тораси нговугар, как уверяют в Кумбе, я считаю неправдоподобным.

¹⁴⁸ На самом деле можно доказать наличие этого культа только у маринд-аним, живущих на Маро и Кумбе, и в некоторых восточных прибрежных деревнях маринд-аним и канум-иребе. Возможно, что к нему причастны и мораури (мангат-аним).

¹⁴⁹ Звук производится деревянной гуделкой, которую вращают на шнурке вокруг головы. Ее не должны видеть непосвященные, в том числе женщины и дети.

¹⁵⁰ Маринд-аним, отказавшихся от старой одежды, называют «маринд-по-аним», «маринд-пиф-па-фами».

¹⁵¹ Первоначально не было никаких деревенских

старост. Но для того чтобы в деревнях, уже находившихся под правительственным контролем, иметь кого-либо, кто был бы ответственным за деревню, голландцы назначили деревенских старост, назвав их по-малайски «*karala kampong*». Их власть была ничтожной, так как старейшины тотемных групп по-прежнему рассматривались как самые авторитетные лица. Наиболее подходящими для должности деревенских старост оказались, как это ни странно, преимущественно те маринд-аним, которые из-за своей охоты за головами сидели раньше в тюрьме. Они были наиболее энергичными людьми и к тому же научились в тюрьме немного понимать чужеземцев и их язык (малайский).

¹⁵² Коричневые — это индонезийцы и китайцы, красные — европейцы, чья кожа в тропиках, конечно, не остается белой. В настоящее время их, как правило, называют в отличие от остальных «пиф-пафов» «туан», что по-малайски означает «господин».

¹⁵³ По-малайски «*mandi*», так как соответствующего мариндского слова не существует.

¹⁵⁴ По-малайски это слово означает «надсмотрщик», «заместитель», «управляющий».

¹⁵⁵ Вероятно, сказано только из уважения к моему малайскому повару и ко мне, но не распространяется на всех чужеземцев.

¹⁵⁶ В такой грубой форме, как во времена охоты за райскими птицами, этого больше не происходит, но массовая скупка китайцами копры и сбор налогов пищевыми продуктами (кокосовые орехи и саговая мука) внушают людям Сосома опасения.

Продажа земли чужеземцам запрещена голландцами, однако многие обходят это запрещение посредством браков с мариндскими женщинами.

¹⁵⁷ В 1918 году возникла вера в то, что с востока придут духи предков, чтобы восстановить прежнее положение, когда не было чужеземцев. С тех пор вера в возвращение предков, уход чужеземцев и счастливое будущее распространилась по всей Новой Гвинее и Меланезии вплоть до Новых Гебрид. И все чаще появляются новые пророки, возвещающие о приближении счастливого времени.

¹⁵⁸ Непосвященный в культ.

¹⁵⁹ Баидра — песни, относящиеся только к культу Сосома. Слово это связано со словом «бендель», что на языке йе-нан и каиум означает «песни», а также с мариндским словом «бендор» — «старинные песни».

¹⁶⁰ Считается, что голос доносится со столба Сосома, установленного в центре праздничной площадки. Однако на самом деле гуделка, которую не должны видеть мальчики, скрыта в кустарнике.

¹⁶¹ Умирание ребенка и его возрождение в качестве мужчины, это — метафора, часто встречающаяся в культовых союзах нецивилизованных народов на западе Океании (Новая Гвинея и Меланезия) и в западной Африке. Другие новогвинейские племена также говорят о чудовище, проглатывающем мальчиков (Will-Erich Peuckert, *Geheimkulte*, Heidelberg, 1951).

¹⁶² Раскрытие тайны Сосома состоит в том, что вповь посвященным показывают деревянную гуделку, которая, как считают, обладает магической силой и с которой обращаются весьма почтительно.

¹⁶³ Естественно, Сосома замещают посвященные в культ старшие. По другим данным, это происходит только с одним мальчиком.

¹⁶⁴ В июне 1933 года заключительное празднество в честь Сосома состоялось в Ндаманде около Кондо-мирава. Затем Сосом якобы отправился к пограничной реке Тораси, где он живет постоянно.

¹⁶⁵ На реке Кумбе.

¹⁶⁶ Учитель-миссионер, индонезиец.

¹⁶⁷ Разрушена была «ви», но «внутреннее мясо» оставалось целым.

¹⁶⁸ Подразумевается миссия в Мерауке. Там молодой человек мог еще как-то жить, в Баде же с ним обходились точно с умершим.

Рассказы охотников за головами

¹ Они относились к возрастному классу амангиб, в который входят недавно женившиеся.

² К возрастному классу патур относятся мальчики примерно от трех до восьми лет.

³ «Са-анем», так как мертвых в прибрежных деревьях обычно хоронят в невысоких песчаных дюнах.

⁴ Вместо обычных украшений вокруг груди надевают плетеный шнур на двух аксельбантах с прямоугольной плетеной накидкой на спине, плетеный же головной убор, вымазанный глиной, и ушные подвески из тростника.

⁵ Приблизительно через год после погребения череп выпимают из могилы и выставляют на помосте, на который участники праздника кладут свои дары — бананы, саговую муку, кокосовые орехи и т. п. Каждый получает свою долю сагового пирога с мясом или рыбой, а в заключение и часть принесенных подарков. Затем череп окончательно погребают и снимают траурные одежды. Тем самым снимается запрет ходить в огород умершего и танцевать.

⁶ Мезав-анем — это колдун, который лечит больных, делает погоду и т. п. Камбала-анем — колдун, навлекающий смерть. Однако и мезав-анем при случае может совершить злое дело.

⁷ Поступок Дадабая, старого слабого человека, да еще на виду у всей деревни, был прямо-таки героическим. То, что его не преследовали, можно объяснить ошеломлением жителей Вамала. Кроме того, совершение мести подлежит предварительному обсуждению, а так как Вамал — миссионерская деревня, это имело свои трудности.

⁸ Индонезийские полицейские, состоящие на голландской службе.

⁹ «Буи» — так маринд-аним и их соседи называют тюрьму. Это название происходит от слова «воје» — железный шар, который заключенные носили раньше на ножных цепях. Маринд-аним та-

кого шара никогда не видели и перенесли его название, услышанное от индонезийцев, на самое тюрьму.

¹⁰ «Донтол» — это «доктор» в произношении западных маринд-аним, правительственный врач.

¹¹ Собственно, были «басик-аним», т. е. «свинными людьми» (см. примечание 36 к предыдущему разделу).

¹² В действительности же охоте жителей побережья за головами препятствовали власти.

¹³ Здесь имеются в виду люди озэр с реки Бамги, небольшого притока Дигула.

¹⁴ Люди озэр бежали от сохуров, своих северных соседей, к маринд-аним, сначала в их деревню Имаху, а затем в Накеас, где были приняты в племя маринд-аним. Теперь как маринд-аним они считались друзьями маклеуга и были гарантированы от их нападения.

¹⁵ Один маклеуга из Вельбути, друг Кебана.

¹⁶ Сохуры — прибрежные жители рек Обаха и Мапи. Они живут к северу от дельты Дигула. В отличие от остальных племен у них сохранилось материнское право. Сохуров везде боятся как охотников за головами. Иногда их называют также людьми с Мапи. На их собственном языке племенное название звучит как «сок-ур», что в переводе означает «люди бамбуковых ножей», т. е. люди, отсекающие головы.

¹⁷ Название одной группы сохуров и области их обитания.

¹⁸ Деревня маринд-аним в верховьях Булаки, в настоящее время переименованная в Пуэпэ.

¹⁹ Помощник администратора Лебелаув, индонезиец из Сапаруа (Южные Молуккские о-ва), состоящий на голландской службе.

²⁰ Парусная лодка, имеющая приблизительно 10 метров в длину и принадлежавшая одному китайскому купцу в Мерауке. Маклеуга, маринд-аним и прочие знают лишь однодеревки.

²¹ Индонезийские полицейские действительно имеют обыкновение обращаться в пути с заключенными по-приятельски, и только когда те предстают перед судьей, они ведут себя подчеркнуто грубо, что, однако, едва ли принимается всерьез.

²² Судебное заседание, на котором был вынесен приговор о нарушении мира в стране.

²³ «Секола», несколько измененное португальское слово «escola» (школа), которое в XVI в. перешло в малайский язык. Подразумевается, что охотники за головами в тюрьме («Буй») должны научиться культуре.

²⁴ По мнению многих новогвинейцев, рис является чистым лакомством и по-настоящему не насыщает. Молодой человек из племени канум, которого я пригласил на обед, съел полный эмалированный таз риса (порция для целой семьи моего повара, состоящей из пяти человек, и меня), а потом попросил еще саговой муки. Для обозначения сытости маринд-аним употребляют слово «дехи», что значит «деревянный», так как у сытого человека желудок должен наполниться до отказа, как будто внутри него находится дерево.

²⁵ Это делается в Мерауке ради жен колонистов (индонезиек и китайок).

²⁶ По-малайски «рагапг», садовый нож длиною от 50 до 70 сантиметров.

²⁷ Во внутренних частях острова знают лишь узкие тропы, по которым ходят друг за другом.

²⁸ С некоторыми добавлениями Миту.

²⁹ 2 февраля 1933 года. См. историю сохура Генемо.

³⁰ Сохуры не покрывают черепа оболочкой из обработанной кожи, как это делают маринд-аним и маклеуга, но зато заплетают носовые отверстия, а глазные впадины замазывают глиной, в которую в виде узоров вдавливают маленькие белые плоды *Coix lacryma*.

³¹ В то время как у остальных племен часто встречаются имена, которые имеются также и у других племен и являются черепными именами, у сохуров я не мог обнаружить таких имен. Только имя Генемо напоминало имя Генем, которое я нашел также у йильмеков (родственников маклеуга). По-видимому, оно было добыто йильмеками на охоте за головами.

³² Согласно воззрениям маринд-аним, женщина-демоп Собра в свое время отправилась к маклеугам и сделала их великими охотниками за головами.

³³ На языке сохуров «Рарома».

³⁴ Этим лишь сказано, что речь идет о большом числе, не точно о двадцати. В 1920 году полицейский-амбонец Соукотта нашел в Вельбути 50 трофейных черепов.

³⁵ Племена, говорящие на разных языках, являются мальчиками в возрасте от восьми до десяти

лет, которые впоследствии служат им переводчиками и считаются неприкосновенными, до тех пор пока не нарушат интересов обоих племен.

³⁶ Два человека из озэр, маленького племени на нижнем Дигуле, не занимающегося охотой за головами.

³⁷ Из страха перед духом умершего имя названо не было. Также не произносят ни своего имени, ни имен своих ближайших родичей, чтобы не ослабить жизненной силы. Поэтому же мне не удалось узнать и имени павшего сына Миту.

³⁸ Около 50 человек.

³⁹ Мужчины не готовят пищи и только поджаривают саговую муку. Поэтому по мере возможности они берут с собою в военные походы женщин.

⁴⁰ Приблизительно два километра.

⁴¹ *Myristicivora spilorrhoea*, маленький белый дикий голубь.

⁴² Они всегда очень сдержанны в выражениях. В данном случае Экед сказал: «Из-за своей желчи». Однако они не различают функций печени и почек.

⁴³ У дигульцев имеются кинжалы из заостренных бедренных костей казуара; у других племен кинжалов нет.

⁴⁴ Только сохуры и их северные соседи (авью, манувэ и др.) имеют щиты, которые, однако, служат им лишь для устрашения врагов, а, может быть, также для колдовских целей. Их никогда не употребляют для прикрытия. Копья, которые однажды

попали в цель, больше не употребляются, ибо их сила считается уже исчерпанной.

⁴⁵ «Пангапу» в переводе означает «чужой зад». Его прозвали так потому, что он носил штаны.

⁴⁶ Стыдливость вообще считается положительным качеством, так как она свидетельствует о хорошем характере. Но здесь перевешивало, конечно, чувство позора.

⁴⁷ Деревня называется, собственно, Имохи. Когда по распоряжению правительственного чиновника она была перестроена, то получила новое название Пуэпэ, по выражению старика Казимы, который сказал: «Пу-эпэ», что значит «это чужое».

⁴⁸ Ати-аним и живущие в Накеасе, Кивалане и Имохи-Пуэпэ ямули-аним являются подгруппами мариנד-аним.

⁴⁹ Большая грубо сплетенная манжета из ротана и деревянных планок, надевается на левое предплечье для защиты от ударов тетивы лука.

⁵⁰ До этого, к счастью, дело не дошло. Сохуры также после 1933 года больше не ходили южнее Дигула на охоту за головами, севернее же Дигула такая охота велась еще в 1948 году.

⁵¹ Ябга и йильмеки также рассказывали мне о войне против Мабура, но, вероятно, они находились под сильным влиянием дружественных им маклеуга.

⁵² Т. е. десять дней. Для большей ясности говорят еще: «спать два раза по руке» («ина-лясангану»).

⁵³ Речь идет, собственно, не о масках, так как лица несущих остаются открытыми, а о больших

фигурах из мягкого дерева, которые носят на голове, и о покрывале для тела из искусно вырезанных кусков коры.

Головные уборы и покрывала намазываются воском диких пчел, в который вдавливаются маленькие красные и темно-синие бобы *Abrus precatorius* и белые плоды куста *Coix lacryma*. Преобладающий цвет красный.

⁵⁴ Подразумевается, конечно, человек, изображающий демона.

⁵⁵ Имеются в виду возрастные классы эвати (юноши, только что достигшие совершеннолетия) и меаким (молодые люди, имеющие право на смотрины невесты или обрученные).

⁵⁶ По-мариндски: «два и один» («ина-сакод»).

⁵⁷ Jan Verschueren, *Neu-Guinea, dein Name ist Wildnis*, Hiltrup (Westf.), 1951, S. 33.

Если раньше (см. «Zeitschrift für Ethnologie», 1940, S. 177) я говорил о презрении сохуров к женщинам, то это потому, что был введен ими в заблуждение, так как среди чужих они стесняются существующего у них материнского права.

⁵⁸ «Речные люди», живущие у среднего течения реки Обахи, притока Мапи.

⁵⁹ Часть северного рукава дельты Дигула, между началом этого рукава и устьем Мапи. Начиная отсюда и до своего устья северный рукав называется Одамун.

⁶⁰ Сохурское название Дигула.

⁶¹ Северная сторона реки также заселена друзьями озэр — людьми яс.

⁶² Осторожность была излишней, так как деревня

Имаху была тогда оставлена жителями, которые ушли в Накеас.

⁶³ На языке сохуров «арибадере». Слово означает «очень много», в противоположность «ракерамон», обозначающему меньшее количество. Вообще же сохуры знают лишь два числа — «один» («ди-ханд») и «два» («камир»).

⁶⁴ По сообщениям жителей Амка и полицейского патруля, сохуры убили восьмерых взрослых и похитили пятерых детей. Головы семерых убитых они унесли с собой.

⁶⁵ Только у двух мужчин — Ване и Монаи.

⁶⁶ Уводят с собой только маленьких детей, которые без особых трудностей привыкают к новой семье, однако не грудных, так как с ними мужчины не могут возиться в пути. Таким образом, предпочитают похищать детей в возрасте от двух до пяти лет.

⁶⁷ От шести до десяти лет. В данном случае ребенка было около девяти.

⁶⁸ На языке сохуров «мбаимбаик» — слово, первоначально обозначавшее охотников за райскими птицами, а затем и всех чужеземцев, из которых они знали главным образом полицейских.

⁶⁹ Вероятно, речь шла не о черепах, добытых на охоте за головами, а о черепах предков, так как у них имелись челюсти. В трофеях не хранят челюстей, по крайней мере в домах.

⁷⁰ Вещи были позже опознаны жителями Амка как их собственность.

⁷¹ Правильно: «Махумохом», стойбище на краю болота.

⁷² Устроенное чужеземцами место для привала на берегу реки Анау, впадающей в Булаку.

⁷³ Свои естественные потребности каждый новогвинеец обыкновенно удовлетворяет так, чтобы его никто не видел, даже мужчины.

⁷⁴ По-малайски «господин».

⁷⁵ Рыболовные крючки употребляются в деревнях болотных людей только для ловли змей, водящихся в каналах, в то время как рыбу убивают зазубренной острогой.

⁷⁶ Видимо, одного китайца. Узнать более точно мне не удалось.

⁷⁷ «Мопака» в языке тьюам соответствует слову «натам» у сохуров и «арои-патур» — у маринд-аним и обозначает мальчиков в возрасте от десяти до пятнадцати лет.

⁷⁸ Рассказчик — человек из Тьюама, по имени Варика. Рассказ относится ко времени между 1915 и 1920 годами.

⁷⁹ «Магари», — так жители острова Фредерика-Хендрика называют пролив Принцессы Марианны (у маринд-аним — Мули). Сохуры спустились по южному рукаву Дигула и пересекли пролив у его широкого северного края, — замечательное достижение для однодеревок.

⁸⁰ «Западня для казуаров».

⁸¹ Мальчик в возрасте от шести до десяти лет (по-мариндски — «патур»). Речь идет о времени около 1900 г.

⁸² Йе-нан, маринд-аним и другие охотно живут за пределами деревни в этих поселках на огородах иногда по нескольку месяцев.

⁸³ «Абтал» — название верхнего течения Маро. Встречающееся иногда выражение «река Мерауке» бессмысленно, так как само название деревни Мерауке произошло из «Маро-ке», т. е. «это — Маро».

⁸⁴ Северная деревня йе-нан.

⁸⁵ Местоположения Гулука Тибул не назвал. Но, кажется, это селение находится поблизости от реки Флай.

⁸⁶ «Лестницы» — это трофеи из костей рук и ног, которые укрепляются горизонтально под черепом между камышевыми планками. Они не служат никакой практической цели; встречаются только у йе-нан.

⁸⁷ Имеющий право жениться молодой человек. Приблизительно около 1920 года.

⁸⁸ Кожаный барабан в форме солнечных часов, какими пользуются также при танцах. Деревянных щелевых барабанов, встречающихся на северо-востоке Новой Гвинеи, на юге не знают.

⁸⁹ Тибул показал здесь на положение солнца в семнадцать часов.

⁹⁰ Солнце всегда восходит в шесть часов и заходит в восемнадцать часов.

⁹¹ Йе-нан перед охотой за головами играют ночью на камышевых флейтах, звук которых оказывает на их мужчин возбуждающее действие.

⁹² Йе-нанское название райской птицы. Потом так стали называть охотников за райскими птицами и вообще всех чужеземцев. Соответствует выражению «по-аним» в языке маринд.

⁹³ Названия деревни Тибул не сообщил, видимо чего-то опасаясь.

⁹⁴ Голубые стеклянные бусы, полученные во времена охоты за райскими птицами, и по сей день ценятся йе-нап как старинные фамильные украшения. Другие племена предпочитают красные бусы.

⁹⁵ Все жители Южной Новой Гвинеи очень сдержанны и щепетильны в своих выражениях.

⁹⁶ Каждый кусок леса имеет своего хозяина. Границы владений деревень знают очень точно. Отдельные крупные деревья являются собственностью определенных людей, которые предназначают их для поделки лодок, столбов и т. п. Если на каком-либо из этих деревьев имеется гнездо райской птицы, то оно также принадлежит владельцу дерева. Однако проезжим разрешается охотиться на голубей, сорных кур и т. д. и брать немного плодов в огородах.

⁹⁷ Если бы охотники за птицами спросили, можно ли им на короткое время получить женщину, то долгом вежливости мужчин было бы предоставить им ее. Так как женщины, согласия которых не спрашивают, являются собственностью мужчин, то нарушение супружеских прав последних без их разрешения рассматривалось как воровство.

⁹⁸ Особая флейта для приманки собак, которая делается из карликового кокосового ореха и звучит, как окарина. Дудеть на флейте перед приходом в деревню принято только у людей габгаб. По этому сигналу они выходят навстречу гостю и провожают его в деревню по им одним известным путям, свободным от расставленных вокруг деревни колючек. У других племен перед приходом в деревню принято кричать, а когда является сразу много людей,

то петь песни, в знак своих миролюбивых намерений.

⁹⁹ Совместное жевание бетеля служит знаком дружбы.

¹⁰⁰ Около 1931 года.

¹⁰¹ Моровой демон (по-мариндски Тик-дема). Весной 1933 года наблюдалась большая смертность в деревнях габгаб, на правобережье реки Флай. О гриппе, называемом акон, едва ли может идти речь.

¹⁰² Когда патруль вступил в Вам и Нагове, деревни были совершенно пусты. В Сангезе (не смешивать с мариндской деревней Сангасе!) учитель-миссионер из Квеля обнаружил девять непогребенных трупов, мертвую собаку и ни одного живого человека. Уцелевшие жители бежали из этих трех деревень в соседние.

¹⁰³ Ватьиб — это плясовые песни, исполняемые в быстром темпе, которые сочиняются на самом острове, в то время как нгати с их более медленным тактом приходят длинным путем из Британской Новой Гвинеи и имеют непонятные тексты на чужом языке. Ватьиб обычно воспевают отдельные события. Так, ватьиб, сочиненная в Мурбе, в области Карерамо, высмеивала одного человека, который усыновил дочь своего умершего старшего брата, а затем в нарушение существующих обычаев женился на ней:

«Йененэ воруба; яондэ ондасуаре».

Для грешника, Тьяму из Мурбы, это было самым тяжелым наказанием, ибо каждый, кто слышал песню, избегал его. Указанная ватьиб возникла в 1934 году.

¹⁰⁴ «Кар-эрамо» означает «Река, несущая плавник» или «Грязная река» (т. е. река, по которой несет много тростника и т. п.).

¹⁰⁵ Тор, Кладер и Имбуенам говорят на языке перад, диалекте языка центральной группы деревень острова (Кимаам, Йоубие и другие), в то время как язык Кандинама, Мулинама и Инунгальнама обнаруживает отдаленное родство с комоломским. От обеих этих групп отличается язык области Карерамо.

¹⁰⁶ Под Карерамо здесь подразумевается деревня у реки того же названия, впадающей в Квангтуву на западе острова. Однако в последующем тексте выражение «люди из Карерамо» обозначает также воинов из соседних с Карерамо деревень.

¹⁰⁷ Примерно в часе ходьбы.

¹⁰⁸ Команда состояла из жителей Тимора, часть которых была крещена. Сурмана в действительности звали Селейманом (восточноиндонезийская форма имени Сулейман — Соломон).

¹⁰⁹ Вада продавал лекарства. Правительственного врача жители Тора, Кандинама и других местных деревень узнали лишь в конце 1933 года.

¹¹⁰ Инунгальнам получил от них название Конерау по близлежащей реке Кунарау, а Имбуенам — название Сабон, так как военный клич имбуенамцев звучит «тьябон».

Рассказы из повседневной жизни

¹ Йон отказался назвать имя, так как старик был его близким родственником и к тому же умер.

² Кожная болезнь, при которой тело покрывается серыми лишаями.

³ *Ulcus tropicum*, не причиняющая боли, но в короткое время разрушающая мышцы.

⁴ Произношение мариндского слова Эрмасук, местного названия для Мерауке.

⁵ По желанию своего отца Йон пять дней греб вниз по Маро и семь дней обратно вверх по течению только для того, чтобы взять у меня бритву. Оба они считали, что она стоит таких усилий.

⁶ Тьятлить (на малайский лад произносится также «Салис») в свое время учился при миссии в Мерауке и был одним из наиболее развитых и предприимчивых йе-нан. По его имени названо стойбище у Маро — «Тьятлить-эни-пиойен» («Дом Тьятлить»).

⁷ Правительственный врач, суматриец доктор Паменан Харахан, большой друг людей Новой Гвинеи.

⁸ Лгать считается недостойным. Порицается даже ложь ради вежливости и всякого рода увертки с целью выпутаться из неприятного положения. В ответ на требование индонезийского судебного следователя, состоящего на голландской службе, говорить только правду, один йе-нан сказал удивленно и возмущенно: «Я ведь не какой-нибудь по-анем!»

⁹ Hans Nevermann, *Der Todeswunsch, Festschrift für Professor Dr. Hans Plischke*, Göttingen, 1955.

¹⁰ По-малайски «Болото».

¹¹ По-малайски «Новая деревня».

¹² Собственно, «оранг кайя-кайя» называют только маринд-аним, но это выражение употребляется также для обозначения йе-нан, канум-иребе, ябга

и др. Сильно отличающиеся от них в отношении расы, одежды и нравов жители внутренних местностей должны были бы называться по-малайски «оранг Дигул».

¹³ Профессор д-р Тирфельдер из Ростока.

¹⁴ Самоубийство на юге Новой Гвинеи иногда совершается, и прежде всего на почве уязвленной гордости у «болотных людей» с острова Фредерика-Хендрика, пользующихся для этой цели ядовитыми корнями, которыми глушат рыбу (*Derris elliptica*), а также у вдов сохуров, от которых ждут, чтобы они повесились. Случаи скоропостижной смерти людей, наступившей без какого-либо насилия, а также без отказа от пищи и т. п., известны также на северо-востоке Новой Гвинеи и Меланезии (Новые Гебриды, Соломоновы острова, Новая Ирландия).

¹⁵ «Которо» или «каторок» означает, собственно говоря, «голову», но к охоте за головами или культу черепов предков это слово не имеет никакого отношения, так как у дигульцев они не практикуются. Другое название этих духов — «кагуб-иба» («убийца людей»).

¹⁶ Одна психически больная женщина в Мандуме заявила мне в минуту просветления, что, когда жители Вамбирана пробирались через лес в Мандум, намереваясь там поселиться, ее укусил которо и потому ей приходится теперь часто делать странные вещи. На нее не распространялся строгий обычай, с другими же дигульскими женщинами я не имел права говорить и не мог входить в их жилища.

¹⁷ Старый Диком из Мандума на мой вопрос, как выглядят дома и огороды в деревне Томаруба, ответил: «Дети тоже всегда спрашивают об этом. Мы знаем только, что там все хорошо. Мы это увидим, когда сами будем у Томаруба».

¹⁸ Платежными средствами служат раковины каури, которые здесь, вдали от моря, ценятся очень высоко, а также собачьи клыки и каменные топоры.

¹⁹ Это разрешается лишь в том случае, когда семья живет в огороде, в хижине. В деревне же мужчины и женщины имеют в домах, построенных на столбах или на деревьях, отдельные помещения. Даже во время защиты от врагов ни один мужчина не имеет права входить в помещение для женщин. Уже шестилетним мальчикам запрещается говорить со своими сверстниками.

²⁰ Мертвого укладывают на особом помосте или на крыше дома, который при этом покидается обитателями. Родственники покойного (мужчины) натираются трупной жидкостью, а родственницы — камнем или бамбуковым ножом отрезают себе один или два сустава указательного пальца. Кости и череп мертвеца оставляют лежать на месте или сжигают.

²¹ Западный исток Дигула.

²² Ср. историю о «маленьких людях».

²³ Восточный исток Дигула.

²⁴ Хотя у маринд-аним и других женщины и приносят домой урожай из огорода и хворост, но никогда не носят поклажи чужеземцев, идти с которыми им не разрешают из ревности. Дигульцы в

указанных случаях исходили из тех же соображений, только у них ревность приводила к иным практическим результатам.

²⁵ Маринд-аним и другие употребляют плетеные сумки, дигульцы — сумки, связанные наподобие сеток. У мужчин эти сетки невелики, у женщин же они очень большие, так как в них с огорода приносят домой плоды. Женщины носят сумки на тесьме, обвязанной вокруг лба, мужчины вешают их через плечо. Во время моего пребывания в Мандуме одна женщина принесла в деревню в большой сетке даже труп своего мужа, умершего в поселке на огороде.

²⁶ Выкуп за невесту столь же высок, как и цена большой свиньи. Из этого, однако, не следует, будто женщина равна по своей стоимости свинье, но это значит, что тестя, который лишается рабочей силы своей дочери, следует утешить, подарив ему свинью.

²⁷ Дигульцы (но не маринд-аним и другие) начинают считать с мизинца правой руки. Дальше считают до большого пальца (5), а затем счет продолжается таким образом: пульс (6), локоть (7), верхняя часть руки (8), плечевой сустав (9) и плечо или ключица (10). Дальше считают так: правая сторона шеи (11), правое ухо (12), темя (13), левое ухо (14) и потом продолжают считать налево вниз до мизинца левой руки (25). (Так что здесь речь идет о десяти собачьих зубах и четырнадцати раковинах каури.) Продолжая далее счет на других людях, приходят к довольно высоким числовым понятиям, несмотря на то что вместо числительных

называют лишь части тела или имена людей. При этом присчитываются также ампутированные по случаю траура пальцы.

²⁸ Больные должны вместе со своими родственниками покинуть дом, в котором они живут, и переселиться в другой, где они получают лечение. С этого момента все жители деревни постятся в течение дня и при этом воздерживаются от питья и куренья. Если кто-либо не принимает участия в посте, его считают виновным в продолжении болезни.

²⁹ Маринд-аним в среднем имеют рост 172 сантиметра, йе-нан — приблизительно 168, а дигульцы — 160.

³⁰ «Райская птица».

³¹ Подразумевается автор, прибывший туда в ноябре 1933 года.

³² Али бин Халим, мусульманин из Банды (Южные Молукки), который жил двенадцать лет на юге Новой Гвинеи.

³³ Кутим употребил малайское выражение «орапг инггерис».

³⁴ Кутим и Али упорно произносили его имя Джоксен, вместо Джексон.

³⁵ Кау — восточный исток Дигула, Муйю — восточный приток Кау.

³⁶ Южнее Вамбирана; не смешивать с мариндской деревней Оан на верхнем Биане.

³⁷ Односельчанин Кутима.

³⁸ В 1919 году. Али здесь сильно сдвинул сроки: поездка англичан в область ботем приходилась на 1922—1923 годы.

³⁹ Сильно преувеличено, так как общая численность йе-нан составляет приблизительно две тысячи.

⁴⁰ Подобного рода висячие мосты на юге Новой Гвинеи обычно не встречаются, и их можно увидеть только в горах. Несмотря на то что люди в Мандуме не могут прочесть на голландской карте обозначения «Rotanhangbrug» («Висячий мост из ротана»), Кутим и его односельчане Диком и Иирикман тотчас же указали на ней соответствующее место. Маринд-аним и люди из остальных южных племен также постоянно давали верные сведения о положении тех или иных мест.

⁴¹ Такой способ стрельбы встречается также у лесных индейцев на Амазонке.

⁴² «До левого предплечья» по системе счета дигульцев.

⁴³ По Али, Янггами.

⁴⁴ Вышеупомянутая укушенная «которо» женщина.

⁴⁵ Али употребил здесь голландское выражение *Huishondster*, применяемое для обозначения любовницы.

⁴⁶ Лишь один раз в месяц, после того как получают товары с почтового парохода. Речь идет о 1932 годе, когда Росс стал плантатором на нижнем Маро.

⁴⁷ По оценке Тан Кен-лиона, свыше двухсот.

⁴⁸ Так как я не был в Вонере, жители его, вероятно, передали дальше сообщения, полученные ими из деревень, находящихся в глубине острова (Йоубие, Тери или Сабудом), ибо я прибыл на южный берег лишь в день приезда Ваты.

⁴⁹ Изображения многоэтажных домов были им непонятны. Автобусы, трамваи и железнодорожные вагоны они принимали за дома. Но ни те ни другие не производили на них особого впечатления. Снимки же ландшафтов и людей с других островов Океании, напротив, вызывали у них большой интерес, так как там они находили что-то родственное. Всегда внимательно разглядывались ими картинки с изображением знакомых животных, таких, как свиньи, собаки, крокодилы, а также птиц.

⁵⁰ В Ильвайябе я допустил ошибку, сказав йильмекам о каменных домах. Мой повар спас положение тем, что внес следующую поправку: «Он имеет в виду не камень, а золото». Это показалось йильмекам более правдоподобным, так как они знали, что золото несколько похоже на железо, а железа у чужеземцев достаточно.

⁵¹ См. стр. 112.

⁵² К востоку от Онгаи, в глубине страны.

⁵³ На побережье, к северо-западу от Онгаи. Речь шла об английском самолете, по ошибке перелетевшем границу, а затем неподалеку от Мерауке повернувшем обратно, чтобы полететь в Дару над сушей.

⁵⁴ Индонезийский учитель из миссии.

⁵⁵ По-малайски «самолет».

⁵⁶ Англичане и голландцы.

⁵⁷ Т. е. «на запад или на восток», так как маринд-аним пришли в нынешнюю область с востока.

⁵⁸ Во всяком случае сомнительно, чтобы де-вушкам, которые воспитываются в миссионерской школе в Мерауке, была какая-нибудь польза от

того, что их учат вышивать и гладить. Ведь после своего замужества они все равно не смогут носить платье, как в интернате. Ни один маринд-апем не в состоянии позволить себе такую роскошь, местный же передник для женщин ровно ничего не стоит, и для его изготовления требуется лишь немного прилежания и сноровки. Обучение стряпне, плетению и садоводству имеет уже больше смысла.

⁵⁹ «Глеток» (у западных маринд-аним; у восточных — «эгреток») — значит «делать узоры», например на древках стрел заостренным кабаньим клыком. Старики сравнивали с этим процесс письма. Им не нравилось только, что узоры были слишком неравномерны и крючки сверху и снизу строк не всегда соответствовали друг другу.

⁶⁰ В Окабе живут китайские торговцы, отпускающие товары по распискам, которые оплачиваются в конце месяца.

⁶¹ Устраиваемый европейцами праздник называют «бил-ангай» — «пивной праздник», местный — «басик-ангай», «свиной праздник», хотя на последнем выпивается значительно больше вати, чем пива на «пивных праздниках».

⁶² См. рассказы «Почетный гость» и «Поход на Мабур».

⁶³ В знак приветствия левой рукой обнимают другого человека за плечи, а ладонью правой руки хлопают его по животу. При этом обычно шутят: «Ты зачем пришел сюда, паршивец? Верно, хочешь всех нас заразить? Убирайся отсюда!» Или приветствуют друг друга словами, выражающими возрастные отношения, — «нгенс» (т. е. ровесник, принад-

лежащий к той же тотемной группе) или «амеи» (т. е. дедушка, даже в том случае, когда мы ска-зали бы «дядя»).

⁶⁴ У маринд-аним — Гебхе, по демону Гебу.

⁶⁵ Высокая честь, так как говоривший (Эле) принадлежал к возрастному классу давлаво (старый, седой человек), в то время как тот, к кому он обращался, был только йирир (более молодой жена-тый мужчина).

⁶⁶ См. рассказ о странствующем великане.

⁶⁷ В Мерауке (Эрмасук) каждое племя имеет свое особое место для привала: йе-пан останавли-ваются в саванне Гандин, у так называемой Kali ketjil (что по-малайски значит: «Маленькая река»), притока Маро; маринд-аним с реки Кумбе — за до-мом одного плотника-китайца; маринд-аним из при-брежных деревень, расположенных между Маро и Кумбе,— за домом врача и т. д. Впервые прибыв-шим в Мерауке канум-иребе я предложил место за моим домом.

⁶⁸ «Ванингап нангго» (точнее: «нангул»). Эле говорил по-мариндски, так как я недостаточно хо-рошо понимал язык канум. В буквальном пере-воде это выражение означает «желать прекрас-ного».

⁶⁹ Сарай с этнографическими коллекциями, в ко-торых имелись предметы и из других племен.

⁷⁰ Эти черепа были конфискованы полицией в Когоире, в области Мапи. После процесса над Ге-немо они долгое время хранились в помещении администрации в качестве вещественного доказа-тельства по делу, и маринд-аним стали даже ду-

мать, что голландцы не вправе запрещать охоту за головами, так как сами являются охотниками за головами. Позже я получил эти черепа в дар Берлинскому этнографическому музею. Считалось, что они были добыты сохурами во время налета на мариндскую деревню Амк. Однако впоследствии я пришел к выводу, что это черепа сохурских предков и их конфисковали незаконно.

⁷¹ Маринд-аним говорят: «отив па-игис, отив хон-а-хон», «много черепных имен — много маленьких детей», так как для каждого ребенка должен быть добыт череп и имя убитого. В этом отношении показателен случай с братом ван Сантвоорт (Вг. Hendricus), происшедший в Окабе. На вопрос, имеет ли он братьев и сестер, тот перечислил их, назвав при этом одиннадцать имен, и тотчас же услышал в ответ: «Охан хевай яба куи-анем-ке» «Твой отец — могучий охотник за головами».

⁷² «Намакат-аха». «Намакат» означает багаж, имущество, вещи; женская же форма «намакут» — насекомых, которые появляются в больших количествах (такие, как мухи, комары и т. п.).

⁷³ Деревянные гуделки для тайного культа. См. рассказ о странствующем великане.

⁷⁴ Т. е. «старик». Сказано в знак уважения.

⁷⁵ Так как я не принадлежал ни к какой тотемной группе, то был задним числом включен в тотемную группу моего приемного сына.

⁷⁶ См. миф о Гебе.

⁷⁷ «Семандир» — мариндское название «святого горошка» (*Abrus precatorius*), красного гороховидного стручкового плода.

⁷⁸ По-мариндски «иваг» (см. примечание 23 к разделу «Мифы, легенды и предания о демонах»).

⁷⁹ Дэрау — имя, полученное на охоте за головами, соответствующее мариндскому слову «дарау», «серая цапля».

⁸⁰ Знак тайного обручения. Серьги из черных стволов перьев казуара одинаковы у обоих полов, и потому обмен редко бросается в глаза.

⁸¹ Буквально: «Сесть для Мако». Невеста садится на деревенской площади, о чем извещаются свадебные гости. Они устраивают вокруг нее кольцо из продовольственных приношений. Затем подходит жених, подает невесте руку и выводит ее из кольца. С момента подачи руки брак считается заключенным.

⁸² У канум-иребе — подвески из плетеных шнуров, надеваемые вокруг бедер; у йе-нан — тяжелая юбка из волокон с кистями и мешковидный головной убор, переплетенный желтыми волокнами орхидеи и закрывающий всю верхнюю часть тела; у жителей острова Фредерика-Хендрика — сходный с ним тростниковый капюшон, обмазанный глиной; у маринд-аним — шнур вокруг груди, плетеный четырехугольник на спину и сплетенная в виде сетки маленькая шапочка.

⁸³ В полнолуние.

⁸⁴ По-мариндски «Мес-меаким» — «засохший кокосовый орех — юноша», что значит «старый, впавший в детство».

⁸⁵ У канум-иребе, йе-нан и других многоженство (до пяти жен) дозволено, тогда как маринд-аним большей частью имеют лишь одну жену.

⁸⁶ Тотем Аиста, по-мариндски «Ндик-боан».

⁸⁷ Тьюл получила от меня в качестве свадебного подарка материю на малайский саронг. Она была этим очень горда. Дня два спустя Тьюл принесла мне полуметровый квадратный кусок, который отрезала от материи в подарок приемной свекрови, «чтобы она тоже могла надеть что-нибудь красивое».

⁸⁸ При переписи населения в мариндской деревне Тагепе обнаружилось, что там член тотема Саговой пальмы Кедай женился на женщине из того же тотема. Его друзья были сильно огорчены, что это открылось, и умоляли, чтобы я не рассказал об этом в какой-либо другой деревне. Брак остался нерасторгнутым, хотя и был незаконным. Точно так же поступают и в случае рождения незаконных детей. По правилам их следует убивать, но обычно за них заступаются женщины, успевшие полюбить ребенка.

⁸⁹ У маклеуга и канум-иребе это разрешается, у маринд-аним и йе-нап — только в отдельных племенных группах.

⁹⁰ Дигульцы не знают никаких тотемных семей.

⁹¹ Немного западнее Окабы.

⁹² Кенгуру не идут в воду. Поэтому во время облавывания их стараются подогнать к берегу и там убивают, часто просто брошенной палкой. Так как у Анау саванна упирается в болото, там очень удобное место для охоты на кенгуру.

⁹³ Центральное наречие маринд-аним, значительно отличающееся от восточного и западного.

⁹⁴ «Гау-аним», дословно: «черепашьи люди». Жители Анасаи в результате кровосмесительных бра-

ков действительно выродились. Это оказалось возможным, несмотря на строгое регулирование браков, потому что там слишком мало внимания обращают на материнскую линию. Например, бывает, что обе бабушки состоят в кровном родстве.

⁹⁵ Игра слов, основанная на сходстве названия деревни Нотив с выражением «Ну-отив» (много спать).

⁹⁶ Обычно неженатые товарищи жениха по тому строят для молодой пары дом. За это они пользуются *Jus primaе noctis* («правом первой ночи»), часто в большом числе.

⁹⁷ «Иси мандау танама, танама» — «другая луна еще раз и еще раз», т. е. через несколько месяцев.

⁹⁸ Дом для рожениц («олам») представляет собою маленькую хижину в стороне от деревни, к которой не имеет доступа ни один мужчина. После родов мать относит ребенка из хижины в деревню и ставит при этом одну ногу перед другой, так чтобы получился змеевидный след, который должен ввести в заблуждение злых духов. Кто ступит на этот след («олам-кай» — «дорога из родильного дома»), у того могут распухнуть ноги (*Elephantiasis*).

⁹⁹ Различают «дув-аним», живущих на побережье, и «дек-аним», «лесных людей», живущих в глубине страны. Дув-аним считают себя лучшими.

¹⁰⁰ Они, например, произносят слово «бахик» (по-восточномарииндски «басик»), что значит «свинья» — как «боник». Жители Тагепе любят подтрунивать над особенностями чужих говоров и смеются, например, над людьми из Докиба и Йовида,

с их певучей интонацией, поразительно напоминающей саксонскую, в то время как в самой Тагепе и соседних с ней деревнях имеют склонность к гортанному произношению, сходному с верхнебаварским.

¹⁰¹ Geurtjens, *Unter den Kaja-Kajas von Süd-neuguinea*, Paderborn, 1935, S. 228. Книга содержит также данные о походе за головами в Мабур (S. 184 ff.) и Ров (S. 38 ff.) и касается многих других тем, затронутых здесь.

¹⁰² По Голландско-Остиндской компании, которая просуществовала с 1602 до 1796 года и превратила Индонезию в голландскую колонию. Даже после ликвидации Компании голландским колониальным правительством индонезийцы сохранили за ним название «Комрепи».

¹⁰³ Сходно с полинезийскими духами и изображением «Frau Welt» в средневековой церковной пластике.

¹⁰⁴ В противоречии с этим находятся рассказы, согласно которым пунтианак встретила своего мужа у себя дома. Возможно, это относится только к посторонним.

¹⁰⁵ Деревня севернее города Амбон на острове Амбоина.

¹⁰⁶ Большинство амбонцев с начала XVII в.— христиане (реформированные протестанты) в отличие от остальных индонезийцев, среди которых преобладают мусульмане.

¹⁰⁷ Окружной начальник.

¹⁰⁸ Город на юго-западе Серана в Молукках, заселенный амбонцами.

¹⁰⁹ В чине фельдфебеля.

¹¹⁰ По-малайски «adinda». Это может означать «младшая сестра», а также «любимая».

¹¹¹ Малайские титулы для назначенного властями деревенского старосты и его помощника, новые, малоуважаемые людьми маринд звания.

¹¹² Одна женщина из Пуэпэ, посетившая Явиму. Она была не особенно развита, но добродушна.

¹¹³ «Глава арабов» — присваиваемый имамом титул почетного проповедника мечети в более или менее крупных общинах.

¹¹⁴ Мандур до конца сентября даже не слышал никогда слова «пунтианак» и называл этот призрак — разумеется, шепотом — «гуру-энд-усум-хаис», «дух умершей жены учителя».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
«Туан ахэ!»	21
СКАЗАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЮДЕЙ И О СТРАНЕ МЕРТВЫХ	
Первые люди	37
Нггиве и Мамус	40
Посещение страны мертвых	43
Пиф-пафы	46
МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ О ДЕМОНАХ	
Пожар в Сендаре	51
Геб	54
Пылающий мальчик	58
Утренняя женщина и вечерняя женщина	64
Сын бездны	67
Шагающее дерево	70
Морской орел и девушка	71
Остров Хабе	75
Морская глина	80
Дивахиб и молнии	82
Оружие грозового демона	88
Копье Арамамба	91
Москиты	94

Сын змеи и кокосовая пальма	97
Змей-демон	99
Человек из Опеко	101
Пляшущие столбы	103
Лучной демон	105
Деревянный крокодил	107
Бетелевая пальма	110
Кожа Угу	112
Саговая пальма	115
Казуар	119
Опьяняющий аист	122
Жаркое из аиста	125
Аист — охотник за черепом	127
Птицы-носороги	129
Голуби и утки	132
Дождевые чары	132
Красно-желтая райская птица	134
Рыбий вор	137
Черепаша	139
Бравская роща	140
Змея на луке	142
Абтальский камень	144
Сухопутный крокодил	146
Возвращение Саловака	149
Ручной крокодил	152
Странствующий великан	155
Пожиратель мальчиков	159
РАССКАЗЫ ОХОТНИКОВ ЗА ГОЛОВАМИ	
Мсть Дадабая	168
Почетный гость	171
Поход на Мабур	174
Баклан и череп	183

История Генемо	186
Замужество Вадики	192
Тымба	198
Тибул и люди габгаб	201
Песня деревни Тор	208
Географическая карта	214

РАССКАЗЫ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О больном, который мог вернуться домой . . .	217
Девушка из Дины	220
Маленькие люди	230
Люди с Карерамо и чужеземцы	238
Волшебная птица	242
Умбери и Тьюл	248
Ошибка Кунги	256
Пунтианак	261
Примечания	271

